

Парк Белинского

Общественно-политический,
историко-публицистический,
литературно-художественный
журнал

№ 1, июнь 2012

Содержание

Слово редактора

Валентин Мануйлов. Новая площадка 4

Методология

Валентин Мануйлов.

Реформы и контрреформы в истории России 6

Аркадий Пригожин.

Из цивилизационного обморока 18

Контекст

Василий Щукин.

Как и почему рождается литературный

локальный текст 30

Просветительство

Валентин Мануйлов.

«Борис Годунов»: опыт современного прочтения 48

Юрий Ган. Был ли порядок при Сталине? 68

Трибуна

Николай Овчинников.

Об идолах и идеалах прогресса 76

Как России стать богатой.

Комментарий Олега Тоцкого 86

Свидетельство очевидца

Леонид Смирнягин. «Восемь лет за «зубцами» 92

«Царь часами сидел один в лодке...»

Из воспоминаний графини Констанции цу Рангацу 104

Культурный слой

Антон Инюшев, Юрий Фадеев.

Галерея современного искусства в Пензе:

необходимость или утопия? 114

Возвращение к истокам

Юрий Фадеев.

Юрий Самсонов: последний русский поэт 122

Юрий Самсонов.

«Стихи, что накопил в котомке...» 146

Текст

Понтий Пилат. Книга разных раздумий.

Переложение с античного, статья и примечание

Юрия Фадеева. Редактор Вячеслав Постнов 156

Мария Сакович. Стихи напоказ 178

Родословие

Татьяна Евневич.

Пензенские корни Александра Керенского 188

Обратная связь

Переписка с авторами и читателями 198

«Парк Белинского» • Общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал. № 1, июнь 2012 года. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № 58-0153 от 7 марта 2012 года. Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Пензенской области • Учредитель: Мануйлов Валентин Игоревич • Главный редактор: Мануйлов Валентин Игоревич • Издающая организация (редакция): Автономная некоммерческая организация «Издательский Дом «Валентин Мануйлов». Адрес: 440600, г. Пенза, ул. Московская, д. 74, офис 234 • Телефон: 8 (841-2) 56-24-00 • Электронная почта: umpenza@sura.ru • Дизайн: Оксана Маслова • Препресс: Валерий Страшнов • Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Типографии № 1». Адрес: г. Пенза, ул. Саранская, д. 78 • Сдано в набор: 12 марта 2012 г. • Подписано в печать: 30 мая 2012 г. • Бумага офсетная. Печать офсетная • Тираж 1000 экз. Заказ № 1240 • Цена: свободная.

Валентин Мануйлов

Новая площадка

Первый выпуск любого издания, будь то газета или журнал, глянецовый вариант или черно-белый, всегда труден. А в провинции вдвойне. В моем случае трудностей не было. Было ясное видение того, каким должен быть новый журнал.

Аудитория – интеллектуалы во власти, бизнесе и культуре. Преимущественно в провинции. Авторы – те же интеллектуалы из власти, бизнеса и культуры. Но не только из провинции. А и те столичные интеллектуалы, которые смотрят на провинцию с позиции принятия и сотрудничества.

Цель издания – стать площадкой для **выражения интересов и мнений** частного предпринимательства. Это раз. Это самое простое и понятное.

Стать площадкой для **выработки** или для образования платформы, в смысле **ценностной и идейной базы**, для будущего поколения властителей России. То есть для тех, кому сегодня только 30 лет и которые после 2025 года придут к власти в стране на всех уровнях. В том числе будут управлять государственно-капиталистической собственностью. Это более сложная и трудоёмкая задача. Это два.

Наконец, сверхзадача: стать площадкой, местом, где будет происходить **обмен мнениями по теме национальной идеи России**. И не только обмен мнениями. Важнее даже не сами мнения или оценки, а знание.

Мы по сей день являемся заложниками мифов, которым верим и которые повторяем, несмотря на факты, которые их опровергают. Поэтому для меня, как автора проекта «Парк Белинского», важны исторические сведения, которые могут лечь в основу формирования национальной идеи России как мобилизирующего фактора современной русской истории.

Бесспорно, что один журнал, издаваемый к тому же в провинции, не справится с этой грандиозной задачей. Но своей попыткой он даст пример и толчок. Вслед потянутся другие издания, организуемые на средства частного капитала.

Любое такое издание станет местом притяжения для творческой интеллигенции. В итоге начнет формироваться **параллельное интеллектуальное пространство**.

Возможно, что на самом деле конечным результатом деятельности коллектива авторов «Парка Белинского» (и других подобных изданий) станет не национальная идея, а философия параллельного существования или параллельного пространства.

Мысль о том, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, верна. Но верно и то, что крайне обременительно развивать принципы частного предпринимательства в обществе, где господствует монополия государственного капитализма.

А если принять точку зрения, что плохое – это неразвитое хорошее, то задача частного предпринимательства состоит в том, чтобы развивать себя как позитивное начало современной русской истории. И в том числе содействовать появлению и утверждению форм гражданской активности, горизонтальных связей, взаимопомощи, вольномыслия.

Одна из частных задач издания «Парка Белинского» тоже состоит в **развитии горизонтальных связей** между различными кучками интеллектуалов во власти, в бизнесе, в культуре, находящихся в разных городах нашей страны. Чтобы дать им возможность выражать свое мнение или продемонстрировать для других свое знание и получить взамен иное мнение, иное знание, а также оценку качества своего интеллектуального труда.

Наверное, только таким способом интеллектуалы смогут договориться между собой по значимым темам русской истории. А это станет **платформой для согласия по национальной идее**.

Валентин Мануйлов

Реформы и контрреформы в истории России

I. Обоснование

Отличительная черта российской истории – **чередование волн** реформаторства и контрреформаторства. Классический пример – реформы Александра II и контрреформы Александра III. В данном случае реформы и контр-реформы оказались «разделены» между различными царствованиями. Как правило же реформы и контрреформы «соединялись» в одном царствовании. Это оказалось свойственно правлению Ивана IV и Екатерины II, Александра I и Николая II.

Современный случай: реформы Бориса Ельцина и контрреформы Владимира Путина, в том числе те, что были им осуществлены во время формального президентства Дмитрия Медведева.

Один из факторов, определяющих движение этих волн, – разделение политической культуры России **на две субкультуры**: «правительственную» («столичную») и «провинциальную».

Столичный вариант обнаруживает себя в следующем.

Валентин Мануйлов, 54 года, директор Института региональной политики (г. Пенза), кандидат философских наук, учредитель журнала «Парк Белинского».

Начинал как автор журналов «Вопросы философии», «Политические исследования», «Социологические исследования», «Новое время», «Общественные науки и современность», «Ваши выборы».

В 1994 г. сделал свой выбор – занялся издательской деятельностью: издавал журнал «Земство» (1994-1996 гг.), журнал «Губерния» (1995-1998 гг.), с 2003 г. издает газету «Улица Московская», а теперь еще и журнал «Парк Белинского».

Правительственная бюрократия принимает на себя функцию правящей элиты, т. е. совокупного управляющего обществом. Но при этом не притязает на роль «генерального контролера» за деятельностью местных административных элит.

Правительственная бюрократия издает и рассылает циркуляры, распоряжения, предписания, но сознательно отказывается от проверки их исполнения на местах.

Правительственная бюрократия полагает, будто она осуществляет политическое господство в обществе и гарантирует целостность государства, а местная бюрократия будто бы ей подчиняется.

Провинциальная политическая субкультура основана на том, что местные административные элиты признают права столичной бюрократии на исполнение функций правящей элиты. В то же время они фактически выполняют лишь те указания из столицы, что соответствуют их корпоративным интересам, и спускают на тормозах те, которые могут подорвать осуществление ими властных функций на местах.

В процессе взаимодействия между столичным и провинциальным вариантом политической культуры развилось и упрочилось так называемое **обычное право**.

Именно оно, не будучи оформлено в писаных актах, не будучи, следовательно, конституционным и признаваемым всем обществом, регулировало и продолжает регулировать взаимоотношения между столичной властью и местными властными группами.

Время от времени сравнительно мирное взаимодействие между столичной политической субкультурой и провинциальной **сменялось острым противоборством**.

Оно было присуще исключительно тем периодам отечественной истории, когда столичная бюрократия пыталась инициировать реформы, укрепляющие ее государственную власть на основе писаного законодательства и влекущие одновременно за собой сокращение сферы действия норм обычного

права, что изменяло статус местной бюрократии и вызывало ее на активное противодействие преобразованиям.

Противоборство между столичной и провинциальной политическими субкультурами определило противоречивость и непоследовательность реформ Александра II и Николая II, исход НЭПа, незавершенность реформ Хрущева и Косыгина, крах «горбачевского» варианта перестройки.

Это противоборство являлось доминирующей чертой политической жизни России эпохи Ельцина. И завершилось в эру Путина временной или скорее кажущейся победой столичной бюрократии. Соответственно, доминированием правительственного сценария в развитии политической культуры общества.

От противоборства между правительственной и провинциальной версиями политической культуры зависит во многом исход современных реформ в России. Во всяком случае, результатом противоборства будет модель политического режима и гражданского общества, которая сложится в России в ближайшие 20 лет.

Провинциальная политическая культура – составная часть политической системы российского общества 90-х гг. XX в. и начала XXI в., ощутимо влияющая на характер ее функционирования и развития.

Политические процессы в российской провинции по существу **определяют пределы** реализации правительственных замыслов, их вероятные темпы и масштабы. Политическая жизнь в провинции развивается по своим специфическим законам: законам «периферийного» развития и не укладывается в логику «правительственного расписания» реформ.

Регулирование общероссийскими властями хода реформ в провинции возможно лишь на основе знания об особенностях провинциальной политической культуры и на основе возможностей стимулировать ее развитие, не вызывая одновременно конфронтации в отношении себя.

Цель проекта – исследовать исторический опыт смены реформаторства контрреформаторством как результата противоборства между столичной политической субкультурой и провинциальной. В то же время, цель в том, чтобы в политическом процессе отыскать такие элементы культуры, активизация которых могла бы явиться гарантом последовательности и необратимости реформ в провинции.

II. Концепция-рабочая гипотеза

Механизм смены волн реформаторства волнами контрреформаторства примерно таков.

Мирное, не отягощенное внешнеполитическим экспансионизмом развитие страны способствует росту и дифференциации групповых интересов. Достаточно очевидно это просматривается в 40-е, 70-е, 90-е годы XIX столетия, в 60-70-е годы XX века, в первое десятилетие XXI века. Пробуждаются и укрепляются корпоративные и локальные ценности и связи. Они предполагают изменения механизма функционирования общества.

Интеллектуальные лидеры обосновывают **целесообразность передачи части властных полномочий** от «большого государства» к «малым общностям». Представители корпоративных и локальных ценностей **ожидают** от правящей элиты медленных, постепенных, но последовательных действий в этом направлении.

Правящая элита реагирует неадекватно. Она усматривает в росте корпоративизма и локализма угрозу своей власти. Такая реакция «правительственной» бюрократии отражает состояние государства в качестве «незавершенного государства».

«Незавершенное государство» обнаруживает себя в следующих отношениях.

- Во-первых, отсутствует конституция, разделяемая наиболее влиятельными слоями общества, а также общее и специальное законодательство, адекватное потребностям общественного развития (конституционно-правовой аспект).

- Во-вторых, отсутствуют либо слабо развиты институты власти, призванные представлять и согласовывать интересы различных социальных групп, урегулировать конфликты и предупреждать их возникновение (институциональный аспект).

- В-третьих, отсутствует феномен государственного сознания, т. е. совокупность ориентаций, установок, идей, отражающих взгляды общества на свое государственное тело (ценностный аспект).

- В-четвертых, отсутствует либо слабо развито разделение власти на исполнительную и законодательную, а также отделение политической власти от экономической (политический аспект).

Таким образом, для «незавершенного государства» характерно **отсутствие полномочий для реализации собственных замыслов.**

Более того, можно говорить о существовании в России **двух государств: государства столичной бюрократии и государства бюрократии провинциальной.**

Элита начинает поиск варианта укрепления своей власти, не понимая при этом, каким образом это действие осуществимо. Вариант находится в форме внешнеполитической экспансии (1853-1856 гг., 1904-1905 гг., 1914-1917 гг., 1929-1953 гг., 1979-1988 гг.). Элита предполагает, что ценности защиты Отечества окажутся сильнее ценностей локализма и корпоративизма.

Военные действия оказываются неудачными. В обществе **нарастает волна раздражения и недовольства.** Раздражение острее проявляется в столице. Недовольство острее обнаруживает себя в провинции. Недовольство в провинции приобретает относительно массовый характер. В отличие от столицы, здесь нет возможности «подкормить» и «задобрить» всех недовольных.

Недовольство «провинциалов», как правило, носит не вполне осознанный характер, т. е. не выражается в рационалистически проинтерпретированной форме.

В то же время, оно определено направлено **против существующей власти**, вне зависимости от ее уровня и конкретных лиц. Власть – и в центре, и на местах – рассматривается как чуждая простым людям сила, как мафиозно-корруптированное чиновничество. На этой почве – невыполнение решений властных структур.

Как правило, это выражается прежде всего в массовом уклонении от исполнения такой государственной повинности, как уплата налогов. Феномен недоимок пронизывает всю государственную историю России с времен допетровских до XX века.

Как следствие – **рост неуправляемости общества**. Последнее – крайняя форма проявления «незавершенного государства».

Наконец, нарастающее недовольство провинции **«передается»** в столицу. В среде правящей элиты происходят частичные изменения: в ней обнаруживаются реформаторы. Они начинают искать союзников в провинции.

Не находя там прочной, уже сложившейся опоры, реформаторы инициируют появление союзников. Этого они добиваются публичным выражением **намерения осуществить** в ближайшем или отдаленном будущем некоторые **перемены** в политическом курсе, в структуре власти.

Ставка делается на обретение поддержки со стороны провинциальной интеллигенции как слоя, опосредствующего взаимоотношения между властью и народом.

Неинкорпорированная в структуры местной власти, провинциальная интеллигенция **«покупается» на обещания реформ** и стремится сформировать благоприятный для реформаторов ценностный базис.

«Спровоцировав» появление в провинции сторонников намечаемых преобразований, правящая в стране элита приступает к их непосредственному осуществлению.

В этом она пытается опираться преимущественно на провинциальную бюрократию. Столичная элита исходит из того,

что местная бюрократия не имеет будто бы своих собственных, корпоративных или локальных, интересов, отличных по содержанию и направленности от интересов столичной бюрократии.

Элита полагает, что провинциалы готовы подчиниться любой власти, но при условии, чтобы их не трогали, не сменяли. Элита рассчитывает на покорное исполнение реформаторских замыслов провинциальным чиновничеством.

Провинциальная бюрократия отвечает взаимностью. Создается ощущение **видимого единства целей** правительственной и местной бюрократии. Возникает иллюзия широкой аппаратной поддержки реформ.

Провинциальная интеллигенция склонна верить в реформаторскую настроенность «своей» бюрократии. Общество ощущает себя в начале глубоких преобразований. **Происходит экспонентный рост социальных ожиданий.**

В действительности же формируется источник псевдореформы и затем контрреформы. При этом обнаруживается **два варианта** взаимодействия между новой правящей элитой («реформаторами») и ее «агентами» на местах.

Первый. Поначалу, пока реформаторство ограничивается поисками самооправдания, пока реформаторские начинания не затрагивают коренных интересов провинциальной бюрократии, последняя проявляет по отношению к реформам сдержанность и лояльность. Более того, она пытается по-своему «помочь» проведению этих реформ, придавая им удобный ее интересам смысл.

На словах она интерпретирует реформы как преодоление прошлого или даже разрыв с ним, в действительности она **вкладывает в реформы исключительно опыт прошлого**, порой углубляя его худшие черты. Так рождается **вариант псевдореформы.**

По мере того как реформы набирают ход, вырабатывают свое истинное содержание, они «выплескивают» из себя «бо-

ковые следствия», не отвечающие интересам провинциальной бюрократии и связанным с нею слоям провинциального общества.

«Боковые следствия» выражаются прежде всего в утрате местной правящей элитой возможностей монопольно и безраздельно властвовать, распоряжаться местными ресурсами, кадрами, решать судьбы людей, в утрате условий бесконтрольно и беспрепятственно удовлетворять свои материальные интересы.

Наконец, они выражаются в **размывании** и даже в **разрушении** сложившихся, устоявшихся, годами отработанных **корпоративных связей**, в том числе связей, выходящих на «центр».

Местные сообщества, кровно связанные с провинциальной бюрократией, начинают «бродить», выражать недовольство, квалифицируя происходящие перемены как отступление от принципов, от традиций, от священных заветов отцов.

Критика перемен, искусно дирижируемая апологетами старого порядка, сопровождается морально-психологическим террором в отношении реформаторски настроенной провинциальной интеллигенции. Последняя, не будучи инкорпорированной в структуры местной власти, не имея, следовательно, форм самозащиты, оказывается по существу **заложником** собственных иллюзий и непоследовательности реформаторов в «центре».

Верхи же местной элиты какое-то время делают вид, будто колеблются, но затем устремляются возглавить недовольство, чтобы не оторваться от масс.

В результате – сплочение всех тех сил провинциального общества, которые не заинтересованы в серьезных изменениях. Затем – глухое противостояние правительственным реформам и ползучая, но неуклонная **контрреформа**, или резкая смена всего курса, отказ от реформ в принципе.

Победа провинциальных противников реформ оказывается возможной потому, что ее провинциальные сторонники, как правило, лишены возможности инкорпорироваться в какие-

либо легальные и прочные властные структуры. Выражая поддержку реформам на ценностном уровне, они не создают групп поддержки реформам посредством корпоративизации и институционализации своих отношений. Тем самым они обрекают реформы на угасание.

Инструментальное осуществление реформ оказывается целиком в руках их противников.

Второй вариант. В результате реформ в провинции рождается социальный слой, ориентированный на постоянные изменения. Он достаточно разнороден. В него входят наиболее активные элементы, связанные с новыми видами хозяйственной деятельности, а также реформаторски настроенная интеллигенция.

В стремлении углубить реформы этот слой то и дело переходит ту грань, которую наметили их инициаторы. «Дети реформ» начинают раздражать «отцов реформ». Последние все чаще склоняются к попыткам сжать реформы, ввести их в русло умеренности и благопристойности.

Рост раздражения такой политикой, теперь уже со стороны провинциальных последователей реформ, вызывает новую волну правительственного замораживания реформ.

Успешность такой анестезии обусловлена обыкновенно тем, что новые предприниматели и коммерсанты не понимают и не принимают в расчет интересов интеллигенции. Интеллигенция же пренебрегает возможностью партнерского союза с «буржуями».

Ни тем, ни другим **не удается инкорпорироваться** в структуры местной власти вполне легальным образом. Ход реформ в провинции вновь оказывается обречен на зависимость от позиций старой провинциальной бюрократии.

В результате – совпадение усилий провинциальной бюрократии предотвратить всякую вероятность продолжения реформ и стремления правящей столичной элиты не дать реформам спонтанно углубиться и выйти из берегов.

В конечном счете – присвоение уже осуществленных результатов реформ столичной и провинциальной бюрократией, крах идей реформ в глазах общества, **волна контрреформаторства**.

Описанный здесь механизм смены реформаторства контрреформаторством как результата разницы потенциалов столичной и провинциальной политических субкультур носит общий характер и требует своего конкретно-исторического изучения методами компаративных и социологических исследований.

III. Предварительные практические рекомендации.

Каким образом возможно **снять разницу потенциалов** между столичной и провинциальной политическими субкультурами? Каким образом можно стимулировать и гарантировать осуществление политических реформ в провинции?

Есть, очевидно, два варианта.

Первый: долгосрочный, рассчитанный **на перспективу**. Он предполагает постепенное **сближение** этих субкультур в ходе эволюционных изменений.

Предпосылки сближения – экономический подъем, рост материального благополучия, изменение характера местной бюрократии, преодоление провинциальной интеллигенцией комплекса оторванности от народа.

Но этот вариант не приносит быстрых успехов.

Второй вариант: кратко- и среднесрочный, рассчитанный на сравнительно быстрый результат. Он предполагает максимально возможную **нейтрализацию отрицательных следствий противоборства** политических субкультур и, в то же время, **создание условий** для нормализации хода политической реформы в провинции.

Он должен исходить из двух очевидных фактов:

- Современное российское государство – это «незавершенное государство», оно **не имеет ни правомочий, ни институтов** для выполнения своих функций, для динамического формирования властных структур.

- Рост групповых интересов в провинции обнаруживается преимущественно **в форме «рассыпавшихся» интересов.**

Отсюда две цели:

- Достроить те права и органы власти, которые позволят государству **сократить дистанцию** по отношению к обществу.
- Выявить такие формы реализации групповых интересов, которые бы сцементировали их.

Достижение этих целей возможно на основе процесса **корпоративизации**. Последний может состоять в создании **«малых общностей»** – социальных, экономических, политических, культурных, смешанных – которые дадут всем людям, прежде всего в провинции, возможность инкорпорироваться, обрести возможности для самореализации и самоидентификации.

Корпоративизация в форме создания «малых функциональных групп» поможет решению по меньшей мере двух задач. Она направит энергию провинциалов на конструктивное решение конкретных жизненных проблем, одновременно она снимет фрустрированные реакции провинциалов на столичную и местную власть.

Но корпоративизация местных сообществ может идти по-разному. Может идти медленно и незаконно, что уже имеет место и что вызывает раздражение в тех слоях провинциального общества, которые пока не инкорпорировались.

Но может происходить сравнительно энергично и на основе **специального законодательства** (исходным может стать принятие «Закона о корпорациях»).

Правящая элита, заинтересованная в создании **точек опоры реформы**, могла бы уже сейчас, не дожидаясь специального закона, стимулировать корпоративизацию местных сообществ путем **протекционистской политики**.

Для этого необходимо создание **специального правительственного фонда**, из которого могли бы выделяться средства на создание на местном уровне обществ потребителей, коми-

тетов самоуправления, групп поддержки реформ, исследовательских центров, различных фондов по реализации правительственных и локальных программ и проектов.

Исключительную роль в упорядочении политических реформ сыграла бы **легализация политического лоббизма**, осуществленная на основе специального закона. Это позволило бы провинциальной интеллигенции обрести новые статусные характеристики, активно включиться в политический процесс. Все это способствовало бы последовательному и необратимому ходу реформ в провинции.

* * *

Настоящий текст написан в мае-июне 1992 года по просьбе Алексея Кара-Мурзы, в то время советника государственного секретаря Геннадия Бурбулиса. Публиковался в журналах «Ваш выбор» (1992 г.) и «Земство» (1994 г.). В журнале «Парк Белинского» публикуется с незначительными уточнениями.

Выпуски: подражание Гаспарову

«Вначале он (духовник испанского короля Карла III) делал вид, что поддерживает реформационные планы графа де Аранда, но его истинной целью было, как потом показали обстоятельства, погрузить короля в пропасть суеверия и деспотизма. История переполнена подобными примерами попыток реформ, поддерживаемых злейшими их врагами, убежденными в том, что эти попытки обрушатся в конце концов на головы их авторов и иго, снятое на время, с еще большей силой охватит доверчивые народы».

Джакомо Казанова. Мемуары. Переработанное издание 1877 г. Саратов: Издательство С. Кознова, 1991, стр. 167

Аркадий Пригожин

Из цивилизационного обморока

Давайте предположим, что кто-то из сильных лидеров России (а больше никому!) действительно решится на модернизацию. Завтра или послезавтра. Ему придётся распаковать это слово-контейнер. Объяснить, что у него там.

Иначе говоря, предложить государству и обществу ценностно самоопределиться, вывести их из цивилизационного обморока, из бессознательного зависания между вариантами будущего.

Базовая ценность

Прочное дно этого контейнера образует исходная ценность любой модернизации – законность. Тут не о чем спорить: другой базы модернизация не имеет. Законность – это ценность всепартийная. Она и западная, и восточная, республиканская и монархическая, она государственно-общественная.

Вопрос лишь в том, как её понимать. Во-первых, законность – это признание **примата права** над законом, их принципиальное разделение и подчинение второго первому.

Право означает неотчуждаемые свободы и возможности гражданина, на которые государству запрещено покушаться любыми законами и тем более подзаконными актами. Это означает также введение понятий «незаконные законы», «правовые законы».

Аркадий Пригожин, 72 года, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, гуру в сфере управленческого консультирования.

За принятие или исполнение таких законов должна быть уголовная ответственность тех, кто голосовал за них либо исполнял. Например, государству запрещено лишать гражданства кого-либо из своих подданных.

Любые государственные акты, которые в отдельности или по совокупности делают практически невозможной легальную смену власти (партийной, клановой, личной), являются неправовыми, незаконными. То же относится к государственным решениям, которыми исполнительная власть подчиняет себе законодательную и судебную.

Во-вторых, законность означает **высокое качество законодательства**. Для нас это, прежде всего, оценка законов на реализуемость. Принято немало законов, исполнение которых в принципе невозможно, поскольку к ним нет подзаконных актов, исполнительских инструкций. Особенно опасны коррупционные щели в них и расширенное, т. н. личное, усмотрение исполнителей и контролёров.

В-третьих, законность означает реальную **независимость судов**: укрепление специального статуса судей и усиление уголовной ответственности за вмешательство в судебный процесс извне.

В-четвёртых, законность – это **полноценное правоприменение**, т. е. обеспечение исполнения таких законов и судебных решений всей мощью государства.

В-пятых, законность – развитое **правозащитное движение**, компетентная и активная деятельность гражданских объединений и отдельных лиц по контролю над законодательством и правоприменением.

В-шестых, законность – это **правосознание**, т. е. уважение к праву и к правовым законам. Конечно, правосознание общества – самая главная компонента законности. Но и она есть результирующая от действия всех остальных.

Так что эта социальная ценность многосоставная, её нельзя сужать, исключив хоть какую-нибудь компоненту.

Самое коварное извращение законности лежит в сведении права к закону, т. е. легизм. Легизм есть законничество, открывающее возможность диктатуры законом. Произвол закона – такое же беззаконие, как и нарушение его. Легизм означает использование закона вопреки праву. «Мы действуем по закону», – так легисты отбиваются от критиков.

Пора пустить в оборот понятие «неправовой закон» и применять его наряду с понятиями «коррупционный», «недействующий» и т. п. Иначе говоря, не всё, что легально (т. е. официально узаконено), может считаться легитимным (признано правомерным). Легальность есть простое соответствие законам, безотносительно к тому, насколько эти законы правовые.

В чём же проявляется легизм? Прежде всего, это издание законов и подзаконных актов, противоречащих основным правовым ценностям (например, свободе слова, разделению властей; уведомительный принцип вместо разрешительного).

Далее: избирательное применение закона по политическим или экономическим соображениям. Сюда же: издание недееспособных законов, применение которых невозможно обеспечить.

Тот самый цивилизационно ориентированный лидер России когда-нибудь завернёт какой-то законопроект в парламент с мотивировкой: законно, но неправомерно.

Производство страха

Пренебрежение правовым содержанием законов и есть беззаконие, брак законотворчества и правоприменения. Беззаконие тягостно и разрушительно.

Оно вносит страх, отравляющий разум и чувства. Фактически никто не защищён от тех, кто у власти или близок к ней. Не только центр, но и главы администраций и городов без колебаний бросают прокуратуру, милицию, суды против тех, кого считают своими оппонентами. Да и сами функционеры неправопорядка помышляют поборами.

А после расправы над «ЮКОСом» предприниматели и не сопротивляются. Более того, некоторые даже стремятся включить в собственное дело бюрократов и законников.

А сами они? Мало кто из них уважает Трудовой Кодекс. Угрозами увольнений и штрафов они вынуждают сотрудников к своим условиям труда. И персонал не рискует обращаться ни в суд, ни в прокуратуру.

Особенно жаль, что и известные либералы, сторонники демократии тоже, оказавшись во главе госучреждений, компаний, начальствуют по-советски. С той же нетерпимостью к возражениям, закрытостью решений, притеснениями критиков. Их тоже боятся.

Привычным стал страх перед службой в армии и соприкосновением с милицией. Ссылка более слабого на закон только распаляет более сильного. Страх давит, дѣргает, злобит людей, насыщает воздух множеством мелких и безотчѣтных фобий и стрессов. Пугливые граждане быстро склоняются при всяком окрике.

В столь репрессивной среде пассивное большинство замыкается в себе, активное меньшинство бунтует или бежит. Жители безразличны ко всему, что напрямую не задевает их частную жизнь, они разобщены и покорны. Чего и ожидает от них госаппарат. И он периодически запускает в общество новые порции страха, устраивая поучительные избиения хоть кого.

Страх унизителен. Исследованиями доказано, что по мере развития человечества у людей возрастает чувство собственного достоинства, они всё более болезненно реагируют на унижения.

Конечно, прежде всего это относится к творческим людям. Интеллектуально активные очень чувствительны к безопасности. Атмосфера страха настраивает их на бегство, на поиск среды, где их достоинство, авторство, патенты будут защищены не покровительством и привилегиями, а качеством и силой законов.

Страх обессиливает общество, оно неспособно к солидарному действию. От равнодушия управляемых сами управляющие искренне впадают в иллюзии всезнайства, собственной правоты во всём. И тогда им мало власти, и они подбирают под себя все отрасли государства и СМИ.

Гражданин исчезает, остаётся житель, которому зачем-то что-то надо, он надоедает просьбами, и от него хочется как-то отделаться. Каким-то минимумом опеки. Законность вытесняется родительско-детскими отношениями. Отношениями строгими, суровыми. Дитя ведь нелюбимое и безответное.

Зачем такому выборы? Они ему заменяются назначением (депутатов, губернаторов, мэров и даже начальников партий и оппозиционеров самим себе) с самозванством верховного назначающего: он в явочном порядке забирает себе любые полномочиями, становясь единственным избирателем в стране.

Ограничения и самоконтроль слабеют, и тогда только нравственный гений устоит: ведь можно не только ошибаться, но и безобразничать явно и втёмную. Вал таких грехов нарастает, и вот уже страх растёт и на властной вершине: как бы избежать ответа? И, правда, как?

Запустить ещё галлон обезволивающего страха. Что просто и привычно. К примеру, очередную спецоперацию против слишком высунувшегося предпринимателя, хоть российского масштаба, хоть областного или городского.

В некоторых регионах внезапные аресты одного-двух видных лидеров местных бизнес-сообществ привели к бегству из страны многих деловых людей. Оставшиеся пригнулись ниже травы. А сколько урезали свои коммерческие программы?

Итог один: искажается обратная связь в управлении; стратегические ошибки и злоупотребления нарастают. Как и убожество жизни.

А дальше? Большой бунт? Не обязательно. Нет законности правовой, есть законность биологическая: наступают персональные замены по старости или смерти.

Следующая «катастрофка» откроет очередное окно в Европу. А там первое условие – законность: права человека, гражданское общество, честные выборы. Но, наверное, опять начнут перенимать только всякие структурные и технические достижения. И ещё терминологию. Уж это просто лакомство для госпередовиков.

**Социальная бедность вызывает материальную,
а не наоборот**

Каков good-will нашей страны на мировом рынке? Почему так дешёвы её нематериальные активы?

Экономика страны гниёт от беззакония. Столько страдают в переходный период ради рынка – и на тебе! Конкуренция – душа рынка, а подавление её идёт повсеместно. Конечно, предприниматели не очень-то колеблются, применяя взаимный подкуп.

Но главный угнетатель конкуренции – госаппарат. Прямо или косвенно он глубоко вошёл в запретное для него дело – частное предпринимательство. И оставил для конкуренции лишь неинтересные для него зоны. Увеличивается коррупционный налог на бизнес, вздувая цены.

Дутая защита отечественного производителя за счёт отечественного же потребителя не даёт подняться целым отраслям. А гарантии собственности? Очень наглядные изъятия её как бы специально разьясняют: можем раздеть любого. Вот бизнес и сдерживает долгосрочные инвестиции. Мировая конкурентоспособность далека и несбыточна.

Конечно, иностранный и местный капиталы инвестируют в страну и будут это делать. Особенно иностранцы: они больше защищены международным правом и авторитетом своих правительств.

Кроме того, Россия – объёмный рынок, причём рынок незрелый, развивающийся, где спрос едва ли ни на всё будет расти, и доходность по большей части намного выше полити-

ческих рисков. Будь в нашей стране к тому же и правовой порядок – хозяйство поднялось бы быстрее и выше.

Беззаконие создаёт порочную репутацию страны. Было время, репутацией пренебрегали и в бизнесе, но это в пору дикого рынка. Постепенно предприниматели поняли, как ценен репутационный капитал, какие финансовые риски влечёт его потеря.

С российской репутацией государство обращается крайне неряшливо, по советской привычке путает её с имиджем (тем, как мы рисуем себя для других). Огромные расходы на своих и западных имиджмейкеров напрасны. Надувать простонародье подчас удаётся.

Но для репутации (того, что о нас думают на самом деле) в глазах наиболее референтных слоёв развитого мира беззаконие и есть категорический порок. Там умеют определять причинно-следственные связи и видят именно этот корень неполноценности государства.

А значит, мы для них – один из остатков средневековья, которое им не ровня. **Нас не уважают, с нами считаются.** Всё же – оружие, газ, нефть. А вот пускать в свою собственность, отменять визы, поправку Джексона-Вэнника – уж как-нибудь потом.

Унижение и стыд, которые испытывают россияне за рубежом, встречая снисходительную иронию и сочувствие, как к больному; горечь от сравнения с государственно-общественными отношениями, с положением личности в развитых странах тоже побуждают к правовой рефлексии.

Страны, освоившие идеологию законности, бедными не бывают. Три прибалтийки, захудавшие в СССР по той же причине, что и сам он, вполне приняты за «своих», как ценностно близкие, со всеми вытекающими...

Эпоха интеллектуальных технологий обостряет конкуренцию за инновационные, творчески активные личности, коллективы и контингенты. Такие бегут от беззакония в страны с правовым порядком. **Законность есть качество жизни.**

От неё идут безопасность, достоинство человека, доверие к власти и друг к другу, перспективы жизни. Мы прежде всего бедны правом, у нас нищая законность. Нищая законность плодит убожество жизни.

Конечно, и у верховного назначающего есть свои объяснения типа: «Разве с этим народом...» и т. д.

И, действительно, поведенческие нормы, российский этос никогда правовыми не были. Так на то и лидеры, которые по определению должны идти впереди масс, вести их, развивать, а не использовать их отсталость, обездвигивая их приоритетом статической стабильности.

Такая стабильность без внутренней динамики косна, застойна, грозит воспалением. Динамичная стабильность нужна любой стране. Но источник её может быть только естественным. Ну, не придумало человечество лучшего двигателя успеха нации, чем состязательность по правилам – открыто и честно.

Есть ли база?

Как же эта цивилизационная ценность может глубже войти в социальный гражданский обиход?

В инноватике есть метод узкой базы. Его смысл таков: поскольку радикальные нововведения всегда вызывают сопротивление, надо найти ту небольшую группу людей, отдельные подразделения, которые либо больше готовы воспринять новшество, либо меньше не готовы к нему.

Наши правосознательные меньшинства и есть эта узкая база, на которую вполне можно опереться. В депутатстве, правоохранении, госаппарате скрыто (!) какое-то число специалистов, которые по образованию и ценностным ориентациям тяготеют к правовой истине, страдают от деморализации профессии. Эти меньшинства и сейчас проявляются то тихо, то скандально. А если откроются возможности, они возглавят движение.

Другое меньшинство, действующее уже извне государства,

– правозащитники. Они тем более готовы и всё время на старте. Эта социальная база не только узкая, но и слабая. Впрочем, она понемногу крепнет и будет способна сыграть свою роль. Так трава поднимает асфальт.

А есть внешняя цивилизационная сила куда мощнее. Глобализация неумолимо втягивает Россию в международное право. Оно создаёт законы, которые и на нашей территории выше собственных. Есть суд в Страсбурге. Обязательства по линии Хельсинкских соглашений и Совета Европы. Подобные каналы подкрепления законности будут множиться и укрепляться.

Далее – иностранные предприниматели, западные и восточные. Так, Япония, Южная Корея в этом смысле несильно отличаются от европейцев и североамериканцев. Их всё больше на нашем рынке. Есть много свидетельств тому, что они вносят законность в отношения с бюрократией и партнёрами. А ведь их энергией во многом развивается наша промышленность.

Какая-то надежда на российскую эмиграцию, которая понемногу возвращается с новой ментальностью.

И это всё, что движет нас туда?

Если произойдёт историческая случайность и во главе России окажется цивилизационный лидер, ему потребуется более широкая социальная база для активизации изменений, для внедрения законности в стране. Потребуется большое число естественных носителей этой ценности, для кого законность – привычный и безальтернативный образ жизни.

Представьте, вы решили изучить иностранный язык. Идёте к преподавателю, закончившему иняз с отличием. Он старается вовсю, и вы как-то преуспели в грамматике, лексике и даже в быстрой речи.

Но совсем другое дело, когда вы приглашаете пусть не столь образованного обывателя из страны этого языка. Разумеется, он вам передаст надёжнее не только фонетику, но и идиоматику, лексические новшества.

С каким совершенством не владел бы наш преподаватель иностранным языком, акцент он вам не поставит, если он долго сам не жил в стране преподаваемого им языка.

Поскольку остов культуры законности – в судах, с них и придётся начать. Своих правозащитников, как уже говорилось, там меньшинство. Их количество умножится, если создать в регионах **филиалы Страсбургского суда**, пусть с теми же ограниченными полномочиями.

Более того, в Российских судах надо ввести статус иностранного сотрудника. Да, эксперты в отечественном судопроизводстве!

Раз в обществе столь узка социальная база законности, а инерция беззакония столь сильна, то без подобных сильных мер не обойтись. Статус юрэкспатов надо проработать, опробовать и распространять насколько можно быстрее. Кстати, юрэкспатов вполне можно нанимать не только на Западе, но и на Востоке: на Дальнем, а не на Южном.

Предвижу смущения. Иностранцы в столь чувствительных точках общественного организма?! Да, такая акупунктура станет полезной и привычной.

А для упреждения правовой ксенофобии давайте вспомним: откуда к нам пришло православие? Кто учил Андрея Рублёва иконописи? А цари? Обе династии были западно-европейских кровей: Рюриковичи были просто званы, а Романовы – по крови полностью или по большей части были немцами. Уж никак не менее чувствительные точки.

Кто строил Кремль, символ Российского государства, и многие величественные храмы? А знамя российское вам ничё не напоминает?

Вспомним истоки отечественного технического прогресса в царской России, СССР и новой России. Можете продолжить, да не забудьте спросить наших патриотов: почему они называют себя этим латинским словом?

Вот увидите, с какой надеждой будут встречены юрэкспа-

ты обществом. Пойдут разговоры: почему и в прокуратуру-милицию не нанять?

Страна настолько морально обессилена, что на мобилизацию внутренних сил для этой задачи уйдёт текущее столетие. Социо-культурные инновации проходят медленнее технических или оргструктурных и сопротивляемость им выше. Потому речь идёт о сильном цивилизационном лидерстве – носителе современного правосознания развитого мира. Появление такого лидерства, как говорилось, историческая случайность.

Но если ожидания на его счёт созреют и будут достаточно массовыми, то и случайность эта станет закономерной. Природа социума такова, что при сильном запросе в его недрах вырабатывается требуемое социальное вещество.

Идеология законности, изложенная выше, тяжело выстрадана Россией. Слишком много потерь и упущенных возможностей на пути к ней.

И если какая-то политическая сила примет идеологию законности как свою программу – нарастающий отклик в глубинах нашего общества ей обеспечен. Как социальная ценность, она близка самым разным категориям населения, просто мало осознана ими.

Надо помочь оформить их надежды в этом направлении, вобрать близкие им ценности в эту идеологию, такие как справедливость, правда, защищённость, честность, равенство, достоинство человека, благополучие. Показать, что законность является корневой ценностью по отношению к названным, из неё вырастают остальные.

Все они быстро увядают и чахнут без подпитки законностью. Разумеется, в таком политическом объединении будут все три течения, опирающиеся на перечисленные выше социальные опоры этой идеологии внутри государства, в гражданском обществе, международной поддержке.

Наверное, они быстро убедятся в том, что ни одно из них не достигнет своего без двух других. И тогда такое объедине-

ние, движение усилит возможности всех трёх. Получится социо-культурная синергия, где главным синергиком будет идеология законности.

Это движение не обязательно должно приобрести организационно-партийные формы. С партиями у нас быстро расправляются через аппаратные манипуляции электоратом и лидерами.

Прежде всего, это должно быть социальное настроение, ментальное движение, которое может приобрести политическую волю в случае появления того самого цивилизационного лидерства (индивидуального или группового). Эти ментальность и настроение усиливаются тем более, чем яснее обнаруживаются пороки беззакония – развращение госаппарата, правоохранения, усиление эксплуатации общества.

Так или иначе, любые серьёзные мероприятия по созданию инновационного общества могут быть успешны, если войдут в синергию с законностью. Ибо она есть скелет здорового общества.

У цивилизационного лидерства есть очень уязвимое место: лес сажают одни, а гуляют в нём другие. Или изводят его на дрова...

Выпуски: подражание Гаспарову

«В свободном царстве мысли не должно быть казней и аутодафе! Пусть всякий свободно выговаривает свое убеждение, если только оно свободно, то есть чуждо личностей и меркантильного духа».

Виссарион Белинский. «Русская литература в 1840 году». Собрание сочинений в трех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1948. Том 1. Статьи и рецензии. 1834-1841. Стр. 702

Василий Щукин

Как и почему рождается литературный локальный текст

Мне уже приходилось писать о том, что локальный текст высшего уровня¹ (понятие, впервые появившееся в трудах В. Н. Топорова²) представляет собой совокупность ряда текстов вторичного типа, прототекстом для которых является локальный миф или ряд общеизвестных, расхожих, устоявшихся представлений о данном месте как компактном участке географического пространства с характерным ландшафтом и важными для данной культуры историческими судьбами.

Локальный текст не является вместилищем, вбирающим в себя все художественные произведения (стихотворения, поэмы, прозу, музыку, живописные полотна и проч.), а также устные рассказы, легенды, шутки и анекдоты, темой которых становится данный регион, населенный пункт или какой-либо иной локальный объект.

Этот особый вид метатекста в совокупности образуют только те реально написанные произведения, в которых заключена существенная информация о легендарных, мифологических свойствах данного места, о его репутации.

Василий Щукин, 59 лет, выпускник МГУ им. Ломоносова (1974 г.). С 1979 г. живет и работает в Кракове (Польша).

Доктор филологических наук, профессор Ягеллонского университета. Специализируется на теме геокультурных аспектов русской литературы, истории русской мысли и культуры.

Иными словами, локальный текст – это рассказ о «гении» данного места (*genius loci*), о его феноменальной, ноуменальной и мифологической (чудесной) сущности, составленный из десятков, сотен, а иногда и тысяч устных и письменных примарных текстов.

Его культурная функция заключается в создании и распространении некоего семантического и идеологического компакта – простого для понимания и усвоения комплекса понятий и эмоций, призванных ассоциироваться с данным местом. Он отвечает на возникающие в обществе вопросы типа: чем замечательны это место или местность (город, монастырь, завод, околоток и т. п.), в каком мире оказывается человек, там пребывающий, какие ощущения и события могут его ожидать?

Бывает, что локальные тексты, в первую очередь устные, остаются неизвестными за пределами небольшой территории, непосредственно прилегающей к описанному в них месту как источнику мифотворчества. Такие тексты не претендуют на общенациональное значение и входят в такие текстовые сверхмножества, как, например, «русская классическая литература», «мировая литература».

Но в истории культуры бывают случаи, когда автор того или иного произведения литературы и искусства придает своему творению дополнительное мифическое звучание, служащее поэтизации некоего примечательного места – города, городского или сельского урочища, дома, помещичьей усадьбы с окрестностями.

Так, например, «Евгений Онегин» можно рассматривать как лироэпическое размышление о судьбах русской интеллигенции в двадцатые годы XIX века. Можно разглядеть в нем и философскую притчу о высшей справедливости судьбы.

Однако идейный смысл и поэтика этого многозначного романа содержат в себе также локальный аспект. Ведь Пушкин предлагает читателю свои, пушкинские мифообразы Петербурга, Москвы, а главное, Михайловского и Тригорского, которые

послужат мифопоэтическим прототипом будущих образов усадебной скуки и усадебной любви в русской литературе.

Другой пример. «Преступление и наказание» – роман не только о Петербурге. Но это, без всякого сомнения, петербургский роман, точно так же, как «Медный всадник» – «петербургская повесть».

Локальный пласт в содержании романа Ф. М. Достоевского играет немалую роль хотя бы потому, что идея Раскольникова могла народиться только в душных кварталах современного большого города, в комнате, похожей на гроб. Да и встретить так много собеседников, которые помогают ему воскреснуть духом, герой мог только в Петербурге.

В мировой литературе существует немало произведений, которые не могут быть до конца верно поняты, если их локальный или геокультурный аспект не будет замечен и «прочитан». То же самое касается их поэтики: мы не поймем ее специфики, если будем изучать ее абстрактно, безотносительно к поэтическим свойствам описанных мест, поэтической структуры их ландшафта и соответствующих локальных мифов.

Чтобы ответить на вынесенный в заглавие настоящей статьи вопрос, который касается причин возникновения локальных текстов, а также «привязанности» литературных шедевров к конкретному месту, рассмотрим два примера из истории русской и один пример из истории польской классической литературы.

Симонова слобода

Как известно, действие первой русской психологической повести Нового времени «Бедной Лизы» (1792) происходит в Москве. Москва даже является одним из ее символических героев.

Но всё же основное действие происходит не в самом городе, а в его окрестностях, в деревне у стен Си*нова (Симонова) монастыря. Почему же именно там?

Карамзин с молодых лет интересовался древней Москвой и читал анонимные «Повести о начале Москвы», написанные во второй половине XVII века, в которых среди различных вариантов расположения сел боярина Кучки было названо и Симоново.

Таким образом, это место косвенно связывалось со строительной жертвой, предшествовавшей основанию будущей столицы. Легенды связывали Симонову слободу и с иными важными событиями русской истории. Так, например, считалось, что преподобный Сергей Радонежский, основавший в 1370 году Симонов монастырь, собственноручно вырыл вблизи монастырских стен небольшой пруд, долгое время называвшийся Лисиным.

Тут же, совсем неподалеку, были похоронены герои Куликовской битвы – Пересвет и Ослябя, монахи монастыря Святой Троицы. Так это было или не так на самом деле, в сущности, никто не знал, но именно потому это место было овеяно атмосферой повышенной важности, эмоциональности и загадочности; оно источало *урок* – воздействие могущественных сил исторической судьбы³.

Таким образом, Карамзин выбрал окрестности Симонова монастыря неслучайно: это место было овеяно легендами и представляло собою превосходный мифопоэтический материал для дальнейшего творчества.

Однако историческая память и связанные с нею легенды, которые «хранит» урочище, сами по себе недостаточны. Работе воображения должна прийти на помощь природа – свойства тамошнего ландшафта.

И за этим дело не стало: в Симоновой слободе было красиво. Монастырь стоит на высоком берегу Москва-реки, откуда и сейчас открывается величественная панорама южной части города, от Донского монастыря и Воробьевых гор до Кремля; во времена Карамзина был виден также деревянный дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском.

Для читателя, сочувствовавшего «сентиментальному» повествователю и глубоко переживавшего легендарно-историческую ассоциацию, чрезвычайно важным являлось признание повествователя в том, что он любит там гулять и общаться с природой: «Часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою»⁴.

Автор «Бедной Лизы», пожалуй, самым первым из русских писателей, обращает внимание на красоту открывающегося из Симонова величественного вида, в котором природа удивительным образом сочетается с историей:

«Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного *амфитеатра*: великолепная картина, а особливо тогда, когда светит на нее солнце; когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые, цветущие луга; а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбацких лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом. На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные. Подале, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Да*лов [Данилов – прим. автора] монастырь; еще далее, почти на краю горизонта, синют Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим»⁵.

В конце XVIII века Симоново находилось на значительном расстоянии от города, среди заливных лугов, полей и рощ. Москву было оттуда видно очень хорошо, но она красовалась

в отдалении – живая история в обрамлении вечной природы.

Карамзинское описание, предвещающее действие повести, – сначала «величественный амфитеатр» города, окрестных сел и монастырей в косых лучах заходящего солнца⁶, а затем плавный переход от панорамы города и природы к панораме истории.

Роль связующего звена между космическими и культурно-историческими стихиями выполняет образ осенних ветров, веющих в стенах монастыря меж «мрачных готических башен» и надгробных камней.

В. Н. Топоров отмечает исключительную достоверность и точность всех исторических и топографических деталей, приводимых Карамзиным в «Бедной Лизе», подчеркивая, что эта точность была нужна автору повести также «для чего-то более важного, чем потребности текста».

Она была «лично-психологической» по своей природе. «Через точность *этого* рода автор включал и себя (...) не столько в рассказываемую, сколько в переживаемую историю. У него была насущная потребность вхождения в эту историю и, если не соучастия в ней, то душевного в ней присутствия и свидетельства о ней»⁷.

Подведем предварительный итог. Ключевым обстоятельством, от которого зависело решение «приурочить» текст повести к Симоновой слободе, были субъективные особенности характера и обстоятельства жизни конкретного человека – писателя и историка, любившего лично прогуливаться по живописным местам, хранящим живую историческую память и многочисленные легенды – первичные локальные тексты.

«Бедная Лиза», вероятно, не появилась бы на страницах «Московского журнала», если бы Карамзин не любил совершать сентиментальных прогулок.

Вторым важным обстоятельством явились живописные свойства самой Симоновой слободы, ее незаурядный ландшафт, благотворно воздействовавший на воображение писателя.

Петровский парк

Превращение какой-либо сельской или городской местности в мифопоэтический локус, способный породить локальный текст, не всегда связано с обстоятельствами жизни и творчества писателя, как было в случае Карамзина или, к примеру, целого ряда выдающихся писателей, живших в непосредственной близости от Сенной площади в Петербурге и истолковавших этот район столицы как поистине инфермальную мифологему⁸.

Случается, что ключевым моментом, способствующим возникновению смысловой связи «нарратива» с местом, оказывается исключительное событие, в том числе событие исторического значения.

Таким событием стало убийство студента Петровской земледельческой и лесной академии Ивана Ивановича Иванова. Он был убит в 1869 году членами тайного общества «Народная расправа» по личной инициативе Сергея Нечаева, в связи с подозрением в том, что он мог донести на бывших товарищей полиции.

Преступление было совершено в парке академии, в романтическом гроте на берегу Большого Садового пруда (впоследствии студенты называли этот грот Ивановским). Это чудовищное событие, как известно, побудило Достоевского написать роман «Бесы».

Но то, как именно он описал убийство своего героя Ивана Шатова, какие образы и поэтические приемы при этом применил, непосредственным образом зависело от его впечатлений на месте преступления.

Невинная демократическая жертва радикальной псевдо-революционности, да к тому же «на природе», в парке, в сентиментальных руинах – вот что послужило мифологизации этого места и превращению его в урочище, в источник литературного мифотворчества.

Достоевский, которому хотя и не пришло в голову просто-напросто перенести действие «Бесов» в Петровско-Разумовское, видимо, всё же поддался очарованию возникающего на его глазах мифа и особого рода поэтичности.

Сцена убийства Шатова (который, как и Иванов, носит «демократическое» имя Иван) происходит в усадебном парке Варвары Петровны Ставрогиной, «где-то в десяти шагах от какого-то угла этого грота». Но, судя по описанию, это место удивительно похоже на окрестности Ивановского грота:

«Это было очень мрачное место, в конце огромного ставрогинского парка. Я потом нарочно ходил туда посмотреть; как, должно быть, казалось оно угрюмым в тот суровый осенний вечер. Тут начинался старый заказной лес; огромные вековые сосны мрачными и неясными пятнами обозначались во мраке (...). Неизвестно для чего и когда, в незапамятное время, устроен был тут из диких нетесаных камней какой-то довольно смешной грот. Стол, скамейки внутри грота давно же сгнили и рассыпались. Шагах в двухстах вправо оканчивался третий пруд парка. Эти три пруда, начинаясь от самого дома, шли, один за другим, с лишком на версту, до самого конца парка. Трудно было предположить, чтобы какой-нибудь шум, крик или даже выстрел мог дойти до обитателей покинутого ставрогинского дома»⁹.

Как я полагаю, Достоевский посетил Петровский парк и внимательно осмотрел место преступления, чтобы представить его себе воочию.

Он мог это сделать или зимой, в первый свой приезд в Москву после возвращения из-за границы (приблизительно с 29 декабря 1871 до середины января 1872 года), или, что гораздо более вероятно, в октябре 1872 года (с 7 по 13 число), когда он поехал на переговоры с М. Н. Катковым по финансовым делам и по поводу цензурного запрета, касающегося главы «У Тихона», с включенной в нее поразительной по своей откровенности исповеди Ставрогина.

Заметим: писатель описывает осеннюю ночь. Трудно себе представить, чтобы Достоевский, находясь в Москве в «глубоку пору листопада», не воспользовался бы представившейся возможностью и не осмотрел бы Ивановский грот как раз в это «убийственное» время года.

Как указывают комментаторы романа «Бесы» на основании документов, глава «Многотрудная ночь», содержащая сцену убийства Шатова, тогда еще не приобрела окончательной формы и дописывалась после возвращения писателя в Петербург 13 октября¹⁰. Она была опубликована в декабрьской книжке журнала «Русский вестник» за 1872 год.

Великий романист как всегда точен во всем, что касается топографии. Ивановский грот действительно расположен в двухстах шагах от пруда и более чем за версту от усадебного дома (то есть от главного здания Петровской академии), а за прудом (в самом деле третьим, но самым большим) парк действительно уже кончается: дальше на север простирались земли крестьян села Лихоборы. Остатки могучего соснового бора видны и поныне.

Трудно судить о том, в каком состоянии находились стол и скамейки в «демократические» семидесятые годы XIX века, но сейчас грот находится в еще большем запущении, чем это явствует из текста романа. Автор этих строк имел возможность лично убедиться в сходстве топографии этого уголка Петровского парка с описанием Достоевского.

Несколько позднее Петровский парк и окружавшие его дачи вдохновили также Владимира Короленко, разночинца-демократа и, что не менее важно, выходца из нерусской языковой и культурной среды. Видимо, поэтому ему совершенно не по нраву оказалась Москва, которую он описывает как город трущоб, грязных трактиров и разбойничьих вертепов.

Вопреки сложившейся традиции, он предпочитал Петербург, с которым он связывал надежды на осуществление идеалов научного прогресса, гуманизма и сострадания к бедным.

Однако особую симпатию у него вызывает не большой город, а именно пригород, в котором трезво-практический дух новой, более демократичной эпохи органически сочетается с «ощущением парка и свежего воздуха», с романтическими аллеями и мечтами о любви.

Красоту отходящей в прошлое дворянской культуры олицетворяли «красивое здание академии, церковка, парк, плотина, пруд под снегом в одну сторону, открытые дали в другую», а новую эпоху – «своеобразный поселок с двухэтажными Олелькинскими номерами <...> Всюду только фигуры крестьян и студентов»¹¹ (4, 125).

В двух повестях из студенческой жизни: «Прохор и студенты» (1887) и «С двух сторон» (1888, переделана в 1914) – можно наблюдать интереснейшее явление наложения тургеневской лирико-монологической поэтики и тургеневской образности на суровую, сторонящуюся от лирики и метафоры поэтику объектного повествования в духе «социологического реализма» народнического толка.

Короленко изображает студенческую жизнь в самом деле «с двух сторон». С одной – свидания в темных аллеях, рыбная ловля с разговорами о философии (совсем как в «Дворянском гнезде» Тургенева, но речь идет не о Шеллинге или Гегеле, а о материализме Фохта), девушка-аристократка, в которую влюбляется и из-за которой бросается под паровичок герой второй повести.

С другой же – химические и физические лаборатории, студенческие сходки, полицейский участок и попытки разбудить «сына трудового народа» – пьяного мужика Прошку, что живет в деревне рядом с академией.

Таким образом, Короленко удалось найти такое место, в котором «барское» изящество органически сочеталось с разnochинским аскетизмом и практичностью века лабораторий, машин и капитала. В этом и заключалось особое очарование – урок этого урочища.

Но ведь до Короленко это место «нашел» Достоевский и «нашел» его благодаря столь исключительному событию, что и искать-то оказалось не нужно – достаточно было приехать и посмотреть.

Так есть ли в ландшафте, социальном облике и в мифологии Петровского парка нечто такое, что привлекало к нему писателей по самым разным причинам?

Разумеется, было. Петровский парк был одним из самых известных московских пригородов – общедоступных живописных мест, расположенных у самой городской черты, где «цивилизация» сходилась с девственной природой и «первобытной» русской деревней, а между этими двумя стихиями располагался оазис старой, отходящей в прошлое усадебной культуры.

Ландшафтные контрасты сопровождались социальными, а геокультурный локус Петровско-Разумовского стал уникальной лабораторией конфронтации и диалога старого и нового, дворянско-крестьянского и разночинного, сентиментального идеализма и позитивистского прагматизма.

Убийство Ивана Иванова явилось катализатором, который споспешествовал превращению этого замечательного уголка в место рождения локального литературного текста.

Броновице¹²

Расположенная на северо-западной окраине Кракова деревня Большие Броновице знакома каждому польскому школьнику. Именно здесь происходит действие национальной драмы «Свадьба» («Wesele», 1900) Станислава Wyspiańskiego – наиболее репрезентативного произведения польского символизма.

На свадьбе художника и местной крестьянки возникает спор о том, нужно ли становиться героем и жертвовать жизнью и благополучием для возрождения свободной Польши. В разгаре этого спора на сцене появляются духи польского про-

шлого, а в финале пьесы в пляс пускаются «хохолы» – соломенные колпаки, которыми покрывали пчелиные ульи. Этот *dance macabre* символизировал, по-видимому, всеобщую национальную апатию и самозабвение в вихре удовольствий, порождающие торжество сил деструкции и абсурда.

Отставим в сторону сложные символические конструкции. Свадьба тридцатилетнего художника (его звали Люциан Рыдель) и семнадцатилетней броновицкой крестьянки Ядвиги Миколайчик в самом деле имела место 11 августа 1900 года в избе, принадлежавшей художнику Владзимежу Тетмайеру и его семье. Тетмайер женился на старшей сестре Ядвиги, Анне Миколайчик, еще в 1890 году.

Автор драмы, который сам был не только поэтом и драматургом, но и выдающимся художником, также присутствовал на свадьбе и даже изобразил себя в пьесе в образе Поэта.

В Броновице, в избе потомков Тетмайера, ныне помещается Музей «Свадьбы», а на туристских картах Кракова обозначена «Трасса „Свадьбы” Выспяньского», проходящая от центра города до вышеописанных мест.

Тот факт, что знаковый для всей польской культуры мифопоэтический текст содержит в себе ясно обозначенный локальный пласт, следует, как и в случае «Бедной Лизы», приписать особому стечению обстоятельств: краковские художники «повадились» ездить в Броновице и один за другим женились на тамошних девушках.

Кстати, сам Выспяньский еще в 1894 году связал свою жизнь с броновицкой крестьянкой Теодорой Пытко, которая родила ему дочь и сына, после чего стала его законной супругой в 1900 году, за несколько месяцев до свадьбы Рыделя.

Остается, однако, непонятным следующее: почему именно Броновице стало благодаря «Свадьбе» своего рода столицей польского модернизма? Ведь под тем же Краковом немало мест куда более живописных, чем это.

Выспяньскому это было хорошо известно, так как он едва

ли не ежедневно совершал многочасовые прогулки за город во всех возможных направлениях, делая зарисовки пейзажей и собирая растения, образы которых он использовал в растительных орнаментах, являвшихся элементом композиции его картин.

Деревня Броновице стало «текстопорождающей» по причинам особого свойства, не похожим на исторические судьбы Симоновой слободы или Петровского парка.

В 1537 году староста этого села стал назначаться настоятелем костела Пречистой Девы Марии (Марицкого костела) – огромного собора, возвышающегося в центре Кракова, на рыночной площади, по праву считающегося сакральным центром города. Отныне броновицкие жители по воскресеньям ходили к обедне за 6 км, в Марицкий костел: он был их приходской церковью, что само по себе считалось большой привилегией.

На протяжении трех с половиной столетий краковяне могли наблюдать, как броновицкие крестьяне стоят на службе в разноцветных костюмах: мужики – в четырехугольных шапках-рогативках с павлиньими перьями, бабы – в венках из живых цветов. Там же, в Марицком соборе, совершались крестьянские венчания – необыкновенно красочные, с народными песнями.

Притом парадная одежда броновицкого мужика в XIX веке стала считаться польским национальным костюмом. Дело в том, что в 1793–1794 годах в восстании под предводительством Тадеуша Косцюшко участвовали крестьяне, проживавшие в окрестностях Кракова, в том числе броновицкие, которые воевали в вышитых суконных кафтанах и шапках-рогативках.

Когда к концу XIX века в Европе, второй раз после романтического увлечения Volkstumm'ом (национально-народным духом), вновь стал модным народнический «рустикализм», на крестьян в национальных костюмах всё чаще стали обращать внимание интеллектуалы, художники и поэты.

В восьмидесятые годы позапрошлого столетия они впервые отправились вслед за стоявшими на молитве мужиками и бабами – открывать для себя первозданную красоту деревни и народного творчества.

Однако же краковский художник Людвик де Лаво, который первым поехал в Броневице, обратил внимание не только на белизну мазанок, соломенные крыши и желтые подсолнухи, но и на красоту деревенских девушек. Особенно ему понравилась Мария Миколайчик – средняя из трех сестер, старшая из которых, Анна, впоследствии стала женой Тетмайера, а младшая, Ядвига, вышла замуж за Рыделя, став прототипом Невесты в «Свадьбе» Высяньского. Трудно отрицать факт, что все три дочери броневицкого крестьянина Яценция Миколайчика уродились на редкость красивыми...¹³

Таким образом, крестьяне на службе в центре Кракова, национальные костюмы и мода на всё народное и деревенское, а потом и красота броневицких девушек привела целую плеяду деятелей искусств на высокий холм под Краковом, где и возник замысел национальной символистской драмы, в тексте которой мы найдем немало не только общенациональных, но и чисто локальных образов и даже слов и выражений.

А вспоминая Симонову слободу, позволю себе также вспомнить о том, что в Броневице всё-таки красиво. В любую погоду с броневицкого холма хорошо виден и Краков с Мариаким костелом посредине, и королевский замок Вавель – главный национальный пантеон, где покоятся старые короли, и курган Косцюшко – символический памятник национальному герою, предводителю самого первого из пяти антирусских освободительных восстаний.

Не так ли видна от стен Симонова монастыря и наша Москва, окрестности которой, как писал Карамзин, «свирепые татары и литовцы» опустошали огнем и мечом?

А сравнивая друг с другом Броневице и Петровский парк, нельзя не заметить, что и там и там большой город встречает-

ся с пригородом, и там и там принципиально разные социальные культуры вынуждены найти общий язык.

* * *

Каждому, кто изучает причины возникновения локального текста, становится ясно, что в любом отдельном случае обстоятельства его появления на свет единственны в своем роде и неповторимы. Тем не менее можно говорить и о некоторых общих закономерностях.

Во-первых, литературный локальный текст бывает порожден особым стечением исторических обстоятельств. Эти обстоятельства могут быть самого различного характера: от макроисторических (романтическая или модернистская мода на «народное» и «деревенское», позитивистский культ точных и естественных наук и т. п.) до единичных, почти что случайных (типа «там любил гулять Карамзин», «здесь жил Гоголь», «художнику понравилась одна из дочерей Яцения Миколайчика» и т. п.).

Подобного рода стечение обстоятельств в значительной степени способствует возникновению локального мифа: место обрастает легендами, становится привлекательным для таких мифотворцев, как историки, поэты или художники.

Во-вторых, крайне важным обстоятельством является визуальная привлекательность самого места, его ландшафта. Оно должно быть хотя бы немного примечательным, приятным для глаза.

Исторический опыт показывает, что литературные локальные тексты возникают там, где первозданная природа и деревенское общество («народ») непосредственно соприкасаются с городом – вместилищем современной цивилизации, технического и социального прогресса, а также достижений элитарной культуры. Последнее обстоятельство еще раз доказывает, что смысл в культуре чаще всего рождается на границе принципиально разных социокультурных сфер и семантических полей.

В творениях мировых классиков всегда присутствует локальный аспект – привязанность мифопоэтического образа к определенному, чаще всего реально существующему месту.

Чтобы до конца понять «Преступление и наказание», необходимо своими глазами увидеть Садовую, Екатерининский канал и переулки вокруг Сенной площади.

Чтобы по-настоящему проникнуться духом бюргерства, нужно хотя бы несколько минут постоять на рыночной площади Любека, зайти в ратушу, поглядеть на богатые купеческие дома, пристани, амбары.

Повторим еще раз сказанное в начале статьи: мы не должны рассуждать о великом – о выдающемся человеке, о красоте, любви, развитии культуры и т. п. – вообще, без учета не только исторического контекста, но и локальной составляющей любых смыслов словесно-художественного дискурса.

Впервые статья была опубликована в сборнике: «Диалог культур: Поэтика локального текста (Материалы II Международной конференции)». г. Горно-Алтайск, 8–13 июля 2010 года). Под ред. Н. С. Гребенниковой. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского университета, 2011. С. 238–249.

Примечания

1. Примерами локальных текстов высшего уровня могут послужить петербургский, московский или, к примеру, пермский тексты русской культуры, а также тексты, не приуроченные к конкретному географическому пункту – провинциальный, окраинный, усадебный.

2. См., напр.: Топоров В.Н. Аптекарский остров как городское урочище (Общий взгляд) // Ноосфера и художественное творчество / Ред. колл.: Н.В. Злыднева, Вяч. Вс. Иванов (отв. ред.), Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1991. С. 200–279; Он же. Петербургский текст русской литературы: Избр. труды. СПб.: Искусство–СПБ, 2003.

3. Подробнее см.: Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 1995. С. 102–113.

4. Карамзин Н. М. Бедная Лиза // Русская проза XVIII века. М.: Художественная литература, 1971. С. 591.

5. Там же.

6. По поводу этих слов В. Н. Топоров верно заметил: «Образ, предвосхищающий Достоевского» (Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина... С. 96).

7. Там же. С. 112.

8. Имеются в виду: М. Ю. Лермонтов («Штосс»), Н. В. Гоголь («Записки сумасшедшего», «Шинель»), Н. А. Некрасов (ряд стихотворений), Вс. В. Крестовский («Петербургские труппы»), Ф. М. Достоевский («Двойник», «Преступление и наказание»), А. А. Бахтиаров («Брюхо Петербурга»), А. М. Ремизов («Крестовые сестры»), А. С. Грин («Крысолов»). Подробнее см.: Щукин В. Г. Петербургская Сенная площадь (к истории одной «профанологемы») // Щукин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 496–509.

9. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. С. 456–457.

10. Орнатская Т. И., Буданова Н. Ф. [Примечания] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч... Т. 12. С. 250–252.

11. Короленко В. Г. История моего современника // Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1954. С. 125.

12. В данном разделе статьи использованы материалы монографии: Waltos S. Krajobraz «Wesela». Krakow: «Plus», 2000.

13. Автору этих слов посчастливилось видеть дочь Владзимежа Тетмайера и Анны Миколайчик – Зофью Скомпскую, урожденную Тетмайер. Следует заметить, что и в свои 80 лет эта женщина отличалась незаурядной красотой.

Выписки: подражание Гаспарову

«Журнал должен иметь прежде всего физиономию, характер... Физиономия и характер журнала состоят в его направлении, его мнении, его господствующем учении, которого он должен быть органом».

Виссарион Белинский. «Ничто о ничем, или отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы». Собрание сочинений в трех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1948. Том 1. Статьи и рецензии. 1834-1841. Стр. 219.

* * *

«Жизнь давно научила меня, что всякий радикализм имеет три и только три источника: глупость, нечистую совесть и слепую ненависть».

Йозеф Шкворецкий. Два убийства в моей двойной жизни. «Иностранная литература», 2005, № 3, стр. 31.

* * *

«В жизни – как на войне: чтобы не погибнуть, надо не только уметь хорошо прятаться, но и научиться каждый день выбираться из окопов и по минному полю идти в атаку на врага».

Хорхе Вольпи. В поисках Клингзора. «Иностранная литература», 2005, № 7, стр. 89.

* * *

«На моей памяти обманутые надежды погубили гораздо больше людей, чем людская покорность судьбе, когда ежиком свернувшаяся душа все силы сосредотачивает на том, чтобы выжить, и ни для чего больше в ней просто не остается места».

Эрих Мария Ремарк. Земля обетованная. «Иностранная литература», 2000, № 3, стр. 136.

Валентин Мануйлов

«Борис Годунов»: опыт современного прочтения

«Комментарий в наши дни вновь становится энциклопедическим просветительством, как при Кантемире и Тредиаковском».

Михаил Гаспаров. «Записи и выписки». Новое литературное обозрение. М.; 2001, стр. 247

Мой анализ текста «Бориса Годунова» с равным успехом можно было бы назвать «Энциклопедия русской жизни» или «Пушкин – первый русский политический аналитик».

Остановился я на подзаголовке «опыт современного прочтения» потому, что очень много общего между тем временем и нынешним.

Точнее: то, как Пушкин увидел и описал историю России конца XVI – начала XVII вв., удивительным образом характеризует и наше время. Все те черты русской жизни, что даны в «Борисе Годунове», они есть и сегодня. Всякий, кто решится вдумчиво прочесть драму Пушкина, почувствует это с первых страниц, даже с первых строк. Впрочем, судите сами.

* * *

По Пушкину выходит, что характерные особенности русской жизни – **тревога и страх**. В одних случаях тревога и страх порождены тираническим режимом, как в эпоху Ивана Грозного или Иосифа Сталина. В других случаях, а именно такой случай описан Пушкиным в «Борисе Годунове», они порождены ситуацией неопределенности: кто будет править страной?

Собственно с драматизации этой ситуации и начинается «Борис Годунов»: 20 февраля 1598 г. в Кремлевских палатах

князь Воротынский, имея в виду, что жители Москвы направились вслед за патриархом уговаривать Бориса Годунова принять царство, спрашивает князя Шуйского (оба принадлежат к древним русским родам и по родовитости могли бы сами претендовать на царство: «мы знатнее», «ведь мы б имели право наследовать Феодору»): «Как думаешь, чем кончится тревога?»

«Чем кончится? Узнать не мудрено:
Народ еще повоюет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница перед чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится;
А там – а там он будет нами править
По-прежнему»
– отвечает князь Шуйский.

Между тем князь Воротынский формулирует **версию неопределенности**:

«Что ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не взойдет?»

И в народе тоже проявляется беспокойство по поводу того, согласится Борис Годунов принять царство из рук народа или нет: «Все еще упрямится; однако есть надежда».

На самом деле среди народа видны две группы, или две позиции. Одна группа на коленях с воем и плачем упрощает Бориса Годунова:

«Ах, смилуйся, отец наш! Властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!»

Представители другой группы, напротив, высказывают опасения:

«О боже мой, кто будет нами править?
О горе нам!»

Вновь тема тревоги возникает в конце царствования Бориса Годунова с появлением на сцене русской истории фигуры Дмитрия Самозванца. Она вложена Пушкиным в уста Бориса Годунова:

«Вы знаете, что наглый самозванец
Коварные промчал повсюду слухи;
Повсюду им разосланные письма
Посеяли тревогу и сомненье».

Но Борис Годунов не только констатирует рост тревоги среди бояр, дворян, стрельцов, казаков, служилых людей, крестьян в связи с появлением Дмитрия Самозванца, но и сам крайне обеспокоен, весьма встревожен.

«Ух, тяжело!..дай дух переведу...», – говорит Борис Годунов после разговора с князем Шуйским, в котором он потребовал от князя подтвердить, что царевич Дмитрий был на самом деле убит. И тут же:

«Я чувствовал: вся кровь моя в лицо
Мне кинулась – и тяжко опускалась...
Так вот зачем тринадцать лет мне сряду
Все снилось убитое дите!»

И вопрошает: «Ужели тень сорвет с меня порфиру».

Итак, тревога – характерная черта русской политической жизни эпохи, или ситуации, неопределенности. Тревогу испытывают **все слои населения**: от низших до высших, до самого верховного правителя.

В основе тревоги лежит страх утраты: имущества, социального положения, жизни. Либо страх перед переменами, которые могут привести к утрате имущества, социального положения, жизни.

Князь Шуйский, оправдываясь перед князем Воротынским за то, что не изобличил Бориса Годунова как «скрытого злодея» в деле убиенного царевича Дмитрия, говорит:

«А там меня ж сослали б в заточенье,
Да в добрый час, как дядю моего,
В глухой тюрьме тихонько б задавили».

Восприятие Шуйским такой перспективы для себя основано на опыте предшествующих лет, на том, как в то время в России выстраивались отношения между монархом и его подданными, даже самыми близкими и самыми верными.

Опять-таки в разговоре об убиенном младенце Дмитрии Борис Годунов с целью устрашения говорит князю Шуйскому:

«...Но если ты теперь
Со мною хитришь, то головою сына
Клянусь – тебя постигнет злая казнь:
Такая казнь, что царь Иван Васильич
От ужаса во гробе содрогнется».

А вот еще фрагмент, на этот раз из разговора Шуйского с Пушкиным, который принес весть о якобы спасенном царевиче Дмитрии.

Пушкин оценивает правление Годунова:

«...он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет.
Что на колу кровавом, всенародно,
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребает углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клубук иль кандалы,
А там – в глуши голодна смерть иль петля».

Если тревога и страх становятся доминантами жизни, то естественно, что люди начинают испытывать **сенсорный голод**, т. е. потребность в получении положительных эмоций, которые компенсировали бы им негативные чувства.

Характерным признаком сенсорного голода в масштабах нации являются разговоры о том, будто, в сравнении с прежними временами, произошел упадок духовности и нравственности: дескать, думают прежде всего о деньгах, не о душе.

В «Борисе Годунове» это зафиксировано устами бродягичернеца Варлаама: «Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают».

И далее: «Все пустились в торги, в мьгарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души».

Соответственно, люди начинают искать (слушать) значимые сигналы, которые отличаются ясностью и способны канализировать людские чувства на действия, повышающие уровень позитивных эмоций. То есть люди начинают ждать лидера или вождя, который пообещает перемены. И выказывают готовность поддержать такого лидера.

«Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы»

говорит Гаврила Пушкин, одним из первых вставший на сторону Самозванца, про толпу русских и поляков, пришедших на встречу с Самозванцем в доме Вишневецкого в Кракове. Среди этой толпы и сын князя Курбского.

Вместе с тем люди стараются избавиться от тревоги и страха, или, точнее, создать ситуацию, при которой тревога и страх будут минимизированы. Конечно, создавать ситуации могут очень немногие люди. Большинство приобщается к тем, кто предпринимает попытки изменить ситуацию, создать более надежные и спокойные условия жизни.

В «Борисе Годунове» есть две фигуры, про которые можно сказать, что они создатели и изменители.

Первая – сам **Борис Годунов**, он взял на себя смелость nasledовать Ивану Грозному и постарался сделать режим более мягким, либеральным. Постарался проявлять отеческую заботу о народе: в тех формах и в таком размере, в каком это казалось ему приемлемым.

Сам он так оценивает свое правление:

«...Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать –
Но отложил пустое попечение:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых».

И далее конкретизирует свои заботы и отмечает реакцию на них народа:

«Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы –
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд: ищи ж ее любви».

То есть, по версии Бориса Годунова, он, как правитель, старался для народа, но народ не оценил его стараний.

* * *

Вторая фигура, которая пытается изменить ситуацию в России, это **Дмитрий Самозванец**. Не будем здесь говорить о том, насколько он самостоятелен и насколько его появлением захотели воспользоваться противники Бориса Годунова. Важно то, какие ожидания связывались с появлением Дмитрия Самозванца в качестве претендента на русский престол.

Вновь обратимся к речи Пушкина перед князем Шуйским:

«...мы дома, как Литвой,
Осаждены неверными рабами;
Всё языки, готовые продать,
Правительством подкупленные вору.

Зависим мы от первого холопа,
Которого захочем наказать.
Вот – Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместиях своих.
Не смей согнать ленивца! Рад не рад,
Корми его; не смей переманить
Работника! – Не то в Приказ холопий.
Ну слыхано ль хоть при царе Иване
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха».

Пушкин очень лаконично и ёмко выразил конфликт, который существовал в то время между помещиками и крестьянами. И который царева власть не смогла разрешить к удовольствию и согласию всех сторон.

Поясняю. Существовал так называемый Юрьев день, в который, точнее в течение двух недель после него, крестьяне имели право покинуть помещика, который был им не по нраву, и перейти к помещику, который предлагал им более выгодные условия жизни и труда. Тем самым достигалась мобильность рабочей силы, а также повышалась производительность труда.

Право Юрьева дня было выгодно инициативным, энергичным, трудолюбивым и свободолюбивым крестьянам, своего рода пассионариям. Наверное, во многом именно благодаря таким крестьянам осваивались новые земли, ибо помещики в Юрьев день переманивали крестьян для освоения новых земель.

И для помещиков Юрьев день был выгоден тем, что они могли не только сманить к себе более трудолюбивых крестьян, но и освободиться от ленивых и нерадивых.

Ясное дело, что были помещики и крестьяне, которым

Юрьев день не нравился. Чем крупнее было помещичье хозяйство, тем больше помещик был заинтересован в стабильности рабочей силы, в прикреплении крестьянина к земле. Чем меньше было помещичье хозяйство, тем привычнее помещик относился к факту Юрьева дня, тем легче он отпускал одних крестьян и находил новых.

Прекращение Юрьева дня при Борисе Годунове оказалось в интересах крупных помещиков. Сейчас бы сказали: сыграло на руку олигархам.

Поэтому мелкопоместное дворянство и поддержало Дмитрия Самозванца, (хотя, наверное, и понимало, что он «смелый плут, бесстыдный самозванец»), рассчитывая на возврат к привычному и выгодному для них экономически Юрьеву дню.

Антигодуновские настроения были столь велики, что представители обиженного дворянства стали выказывать Дмитрию Самозванцу поддержку еще тогда, когда он только заявил о своем намерении идти на Москву и отнять титул царя у Бориса Годунова.

В драме это выражено устами Хрушова:

«Так, государь, отец наш. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.
Мы из Москвы, опальные, бежали
К тебе, наш царь – и за тебя готовы
Главами лечь, да будут наши трупы
На царский трон ступенями тебе».

* * *

Есть еще два фактора или обстоятельства, которые объясняют изменчивость во взаимоотношениях между царем (правителем) и подданными.

Первый – это образ царя-правителя в период, когда он **идет к власти**, когда он хочет добиться народной поддержки и любви.

Второе – это политика царя-правителя, когда он **достиг вла-**

сти, укрепился, почувствовал себя сильным и всячески старается сохранить свою силу и не допустить появления козней против него.

Ясное дело, что во втором случае тоже имеет место рождение образа царя-правителя, точнее, изменение его сравнительно со временем, когда он только шел к власти.

Александр Пушкин рисует образ Бориса Годунова времени восхождения на трон и образ Дмитрия Самозванца времени признания польской шляхтой и русским дворянством в качестве претендента на русский престол примерно одинаковыми словами. Точнее, смысл этих образов, их интонационная направленность оказываются одинаковыми.

Вот слова князя Воротынского про Бориса Годунова, сказанные в преддверии согласия Годунова принять царство:

«А он умел и страхом, и любовью,
И славою народ очаровать».

И реплика Шуйского в ответ: «Он смел, вот все – а мы...»

То есть родовитые князья Воротынский и Шуйский, считавшие, что они по знатности стоят выше Бориса Годунова (по словам Шуйского, Годунов – «Вчерашний раб, татарин, зять Малюты»), вынуждены признать, что Борис Годунов обладал харизмой, которая и позволила ему стать лидером нации.

Мы-то сегодня знаем, что составной частью харизмы является не просто смелость и способность вести за собой последователей, но также способность сопротивляться давлению среды, в основе которой смесь наглости и артистизма.

На вопрос Воротынского в связи с делом убиенного царевича Дмитрия «Зачем же ты его не уничтожил?» Шуйский ответил:

«Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью нежданной,
Он мне в глаза смотрел, как будто правый:

Расспрашивал, в подробности входил –
И перед ним я повторил нелепость,
Которую мне сам он нашептал».

Борис Годунов, думаю, прекрасно понимал свою силу, чувствовал свои внутренние ресурсы, которые позволили ему стать царем, но он должен был играть игру, представить себя в качестве справедливого и заботливого правителя. Поэтому он предлагает народу, избравшему его, свою версию своего образа:

«Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!»

И далее:

«Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты»

Здесь он имеет в виду царя Ивана Грозного, который Бориса Годунова «столь дивно возвеличил».

И, наконец, обращение к подданным:

«От вас я жду содействия, бояре,
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей».

Надо сказать, что речь Бориса Годунова построена по всем канонам современной теории нейролингвистического программирования: сначала признает великость роли царя и смирение свое, затем обещает править праведно и во благо, наконец, призывает к сотрудничеству тех, с которыми был равным.

* * *

А вот как Пушкин словами своего предка, принявшего сторону Дмитрия Самозванца, рисует его образ:

«Да слышно, он умен, приветлив, ловок,
По нраву всем. Московских беглецов
Обворожил».

Ясное дело: Самозванец по всем законам жанра борьбы за трон раздает обещания, грозитя покарать Годунова.

В ответ на признания Хрущова в верности Самозванец отвечает:

«Мужайтесь, безвинные страдальцы –
Лишь дайте мне добраться до Москвы,
А там Борис расплатится во всем».

А на обращение казака Карелы, посланного с Дона «от вольных войск, от храбрых атаманов»

«Узреть твои царевы ясны очи
И кланяться тебе их головами»,

Дмитрий Самозванец проговаривает послание, или меседж, как сказали бы сегодня политтехнологи, для всего Войска Донского:

«Я знал донцов. Не сомневался видеть
В своих рядах казацьи бунчуки.
Благодарим Донское наше войско.
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы;
Но если бог поможет нам вступить
На трон отцов, то мы по старине
Пожалуем наш верный вольный Дон».

То есть, подобно Борису Годунову времени восхождения на трон, Дмитрий Самозванец демонстрирует искусство самопрезентации, в котором видно умение соответствовать ожиданиям людей.

В драме не показан Дмитрий Самозванец, достигший трона, т. е. момента, когда первоначальный образ, нужный для завоевания поддержки народа, меняется на свою противоположность.

А вот образ Бориса Годунова в роли свершившегося царя, не того, который дает обещания, а того, который правит, дан

ярко. В том числе в форме наставления своему сыну Феодору, которому умирающий Годунов вкратце рисует картину того, как нужно быть вначале мягким:

«Не изменяй теченья дел. Привычка –
Душа держав. Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни – можешь
Их отменить; тебя благословят».
И тут же Борис Годунов говорит сыну:
«Со временем и понемногу снова
Затягивай державные бразды».

Вот она, формула державного правления русских монархов, которая видна на примере почти всех правителей России вплоть до нынешних: на этапе восхождения к власти – легкий либерализм в форме преимущественно обещаний и неких действий, которые не роняют устои, на этапе укрепившегося правления – затягивание гаек, что вызывает обратную реакцию общества и стремление ослабить гайки.

Можно и так сказать: на этапе борьбы за народное мнение, в поисках его опоры соискатели трона, Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в том числе, обращаются как будто ко всему народу, но на самом деле анализ их речей показывает, что они обращаются с разными посланиями к разным социальным группам. И потому получают поддержку.

Когда же они оказываются на вершине власти и начинают действовать, то в результате они совершают благодеяния для одних социальных групп и ущемляют интересы других. Соответственно, это провоцирует рост недовольства в обществе, т. к. число тех, кто считает себя пострадавшими, в России, как правило, больше тех, кто получил выгоды от действий верховного владыки.

Яркий пример недовольства властью – слова хозяйки корчмы на литовской границе беглому монаху Григорию (будущему Самозванцу): «От этих приставов только и толку, что при-

тесняют прохожих, да обидают нас бедных». И тут же на его вопрос «Нет ли в избе другого угла?» она отвечает: «Рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозором ходят, а подавай им и вина, и хлеба, и неведомо чего – чтоб им издохнуть, оканнным!»

Опять-таки по факту этими словами хозяйка корчмы, сегодня сказали бы, представительница среднего класса, выразила тревогу.

В эпизоде в корчме в ответ на слова бродяги-чернеца Мисаила «Вот и граница литовская, до которой так хотелось тебе добраться» Григорий Отрепьев говорит: «Пока не буду в Литве, до тех пор не буду спокоен».

Опять тема тревоги. Я бы сказал, что тревожное состояние духа со временем, накапливаясь, становится питательной почвой для распространения всяких слухов, домыслов, догадок, версий, того, что в народе именуют молвой.

Не всякая молва представляет опасность для властителей, а лишь та, которая способна **повернуть вспять** привязанность народа к властителю и обратить ее в пользу его врага.

И здесь возникает замкнутый круг: молва рождает у одних надежды на перемены, для других молва – предвестник перемен, которые рождают новый виток или даже взрыв тревоги.

В «Борисе Годунове» наиболее ярко взаимосвязь слухов и народного мнения, а также опасность его влияния на дестабилизацию политической жизни выразил князь Шуйский.

В эпизоде с Пушкиным, который принес весть о спасенном якобы царевиче Дмитрии, Шуйский говорит:

«Сомненья нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! И если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой».

В разговоре с Борисом Годуновым Шуйский конкретизирует, каким образом молва, падая на податливую почву, может породить народный протест:

«Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага.
Так если сей неведомый бродяга
Литовскую границу перейдет,
К нему толпу безумцев привлечет
Дмитрия воскреснувшее имя».

Шуйский дал прогноз, или предположил вероятный ход развития событий.

* * *

А устами Пушкина, вставшего на сторону Самозванца, дана картина того, как прогноз сбылся, как вероятность превратилась в реальность. Пушкин от имени Дмитрия приехал в ставку Басманова, коего Борис Годунов послал разбить Самозванца, и убеждает Басманова перейти на сторону Самозванца:

«Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным.
Дмитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?»

Победное шествие Дмитрия Самозванца, сопряженное с интерпретацией событий Пушкиным, вселяет в Басманова тревогу и страх перед надвигающейся неопределенностью. И вот уже Басманов, клявшийся Борису Годунову привезти Самозванца в Москву «как зверя заморского в железной клетке», в тревоге рассуждает:

«...езде измена зреет –
Что делать мне? Ужели буду ждать,
Чтоб и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный
И самому...»

Буквально через пару абзацев Пушкин как представитель
Дмитрия Самозванца говорит московским гражданам:

«Димитрию Россия покорилась;
Басманов сам с раскаяньем усердным
Свои полки привел ему к присяге».

Затем, чтобы склонить московских граждан на сторону
Самозванца, Пушкин сначала напоминает:

«Мир ведает, сколь много вы терпели
Под властью жестокого пришельца:
Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труд, и глад – все испытали вы».

И тут же фиксирует внимание граждан на милостях, кото-
рые их ждут, если они примут Дмитрия на царство:

«Димитрий же вас жаловать намерен,
Бояр, дворян, людей приказных, ратных,
Гостей, купцов – и весь честной народ».

* * *

Драма Пушкина «Борис Годунов» заканчивается тем, что
Мосальский объявляет:

«Народ! Мария Годунова и ее сын Федор отравили себя
ядом. Мы видели их мертвые трупы».

Фраза автора: «Народ в ужасе молчит».

На призыв Мосальского «Что ж вы молчите? кричите да
здравствует царь Дмитрий Иванович!» народ отвечает по-пре-
жнему молчанием. Фраза автора: «Народ безмолвствует».

Кстати, в первоначальном варианте у Пушкина было «На-

род ликует». Но его личный цензор император Николай I зачеркнул «ликует» и вписал «безмолвствует».

Фразой «Народ безмолвствует», как правило, объясняют многие проблемы русской истории: дескать, русский народ покорный и безмолвный.

Между тем, драма Пушкина «Борис Годунов», наоборот, показывает, что народ не покорен и не молчит, а принимает деятельное участие в событиях русской истории: сопротивляется, как может, давлению со стороны правящего режима, принимает участие в смене правителей, выражает одобрение и принятие одних фигур против других.

Думаю, что название драмы «Борис Годунов» дано для отвода глаз. На самом деле главный герой драмы вовсе не Борис Годунов, а как раз народ, дважды повлиявший за короткий срок на выбор царя.

Драма написана Пушкиным в 1825 г., в год восстания декабристов. Пушкин, как участник разговоров того времени о взаимоотношениях царя и народа, выбрал отдаленную – больше 200 лет прошло – как ему казалось, тему борьбы Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца за народную поддержку, дабы сделать поучительную и предупредительную историю для своих современников. В результате он написал текст, который актуален и поучителен спустя еще почти 200 лет.

* * *

В драме «Борис Годунов» можно найти еще пару актуальных аспектов темы тревоги. Один из них характеризует взаимоотношения между разными уровнями, или ветвями, власти. Патриарх, узнав от игумена Чудова монастыря о побеге Григория Отрепьева и о его словах «буду царем на Москве», посчитал: «Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя? Довольно будет объявить о побеге дьяку Смирнову али дьяку Ефимьеву».

То есть патриарх принял решение не беспокоить Бориса Годунова, не создавать ему неудобств неприятной информа-

цией о том, что некий беглый монах возомнил, будто станет царем на Москве.

Второй аспект темы тревоги касается личных переживаний монархов или властителей: Ивана Грозного и Бориса Годунова.

В изложении Пушкина они выглядят людьми, которые, будучи на вершине власти и принимая решения, от которых страдали большие массы людей, были способны на переживания, рефлексировали, сказал бы сегодня психотерапевт.

Отец Пимен из Чудова монастыря, которому был дан в обучение грамоте Григорий Отрепьев, рассказывает ему про царя Иоанна, который якобы «искал успокоенья в подобии монашеских трудов».

«...здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел».

Изложив речь царя, Пимен подчеркнул:

«И сладко речь из уст его лилася,
И плакал он».

Борис Годунов в драме Пушкина сам рефлексировал:

«Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе».

И далее:

«Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет».

По версии Пушкина, оба царя, Иван Грозный и Борис Годунов, были тревожными людьми. Здесь можно говорить о том,

что тревожность как общее состояние духа того времени порождала массу тревожных людей и приводила к власти самых тревожных из них. Можно говорить и о том, что властители, зараженные духом тревожности, принимали решения, которые нарушали сложившееся в обществе равновесие, ущемляли интересы многих социальных групп в угоду отдельным группам и даже лицам.

Очень сильно, кстати, дух тревожности как характерный признак времени, наверное, не только Бориса Годунова, но и Ивана Грозного, выражен словами боярина, участника заседания царской думы, по поводу убиенного царевича Дмитрия и необходимости поймать Самозванца.

В ответ на вопрос: «Заметил ты, как государь бледнел И крупный пот с лица его закапал?» боярин сказал:

«Я – признаюсь – не смел поднять очей,
Не смел вздохнуть, не только шевельнуться».

Интересно, а как нынешние бояре и думные дяки, а также воеводы разговаривают с государем: способны вздыхать и шевелиться и поднимать глаза?

* * *

Тревожность правителя побуждает его к действиям, которые в итоге приводят к развязыванию террора в отношении его действительных и мнимых противников. В основе лежит система доносительства, которая пронизывает все слои общества от низа до верха.

«Вы что рот разинули? Все бы вам господ подслушивать», – говорит своим слугам князь Шуйский, к которому приехал с конфиденциальным разговором о якобы спасенном царевиче Дмитрие Афанасий Пушкин.

В следующей сцене брат Бориса Годунова Семен Годунов сообщает ему:

«....Нынче
Ко мне, чем свет, дворецкий князь-Василья

И Пушкина слуга пришли с доносом». И на вопросительное «Ну» поясняет: «Пушкина слуга донес сперва, Что поутру вчера к ним в дом приехал Из Кракова гонец – и через час Без грамоты отослан был обратно».

А вот эпизод, в котором Дмитрий Самозванец на пути к Москве, в Севске, разговаривает с пленником, московским дворянином Рожновым. На вопрос Самозванца, ждут ли его в Москве, Рожнов отвечает:

«.....о тебе
Там говорить не слишком нынче смеют.
Кому язык отрежут, а кому
И голову – такая, право, притча!
Что день, то казнь. Тюрьмы битком набиты.
На площади, где человека три
Сойдутся, – глядь, – лазутчик уж и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиков допрашивает сам».

* * *

«Борис Годунов» – самое гениальное произведение Пушкина. Оно дает ключ к пониманию всей российской истории, начиная с эпохи собирания удельных земель вокруг Москвы вплоть до сегодняшнего дня. Ибо в «Борисе Годунове» Пушкин раскрывает такую черту российской истории, как тревожность общества – и народа, и правителей – показывает эту черту в действии в конкретный исторический период, показывает, как из пассивного состояния духа тревожность становится фактором, активно движущим большие социальные группы: бояр, поместное дворянство, казаков, мещан.

Пушкин в «Борисе Годунове» заложил основы социально-психологической интерпретации истории, дал толчок тому, что

можно определить как психологический детерминизм в объяснении общественных процессов.

Выписки: подражание Гаспарову

«Борис Годунов» был принят совершенно холодно, как доказательство совершенного падения таланта, еще недавно столь великого...

«Борис Годунов» Пушкина – вовсе не драма, а разве эпическая поэма в разговорной форме. Действующие лица, вообще слабо очеркнутые, только говорят и местами говорят превосходно; но они не живут и не действуют. Слышите слова, часто исполненные высокой поэзией, но не видите ни страстей, ни борьбы, ни действий. Это один из первых и главных недостатков драмы Пушкина; но этот недостаток не вина поэта: его причина – в русской истории, из которой поэт заимствовал содержание своей драмы. Русская история до Петра Великого тем и отличается от истории западноевропейских государств, что в ней преобладает чисто эпический, или, скорее, *квизетический* характер, тогда как в тех преобладает характер чисто драматический. До Петра Великого в России развивалось начало семейственное и родовое; но не было и признаков развития личного: а может ли существовать драма без сильного развития индивидуальностей и личностей? Что составляет содержание шекспировских драматических хроник? Борьба личностей, которые стремятся к власти и оспаривают ее друг у друга».

Виссарион Белинский. «Сочинения Александра Пушкина. Статья десятая. «Борис Годунов». Собрание сочинений в трех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы. Том 3. Статьи и рецензии. 1843-1848. Стр. 567-568

Юрий Ган

Был ли порядок при Сталине?

С недавних пор в российских политических дискуссиях, наряду с проблемами модернизации, как-то неожиданно вновь звучала тема Сталина. Казалось бы, после того, как приоткрылись архивы и появилась возможность говорить то, что думаешь, столько про Иосифа Виссарионовича переговорено и написано, столько диссертаций защищено, и говорить-то особо нечего: трагическая роль этого человека в истории нашей страны, вроде бы, ясна и понятна.

Но, читая комментарии в интернете, внимая результатам различных онлайн-голосований и опросов общественного мнения, становится как-то не по себе. Оказывается жив курилка! Да не просто жив, а в глазах многих россиян Сталин – величайшая личность в российской истории. А некоторые сектанты православного толка даже взвели его в ранг святого, самодельные иконы с ликом вождя рисуют.

Что же происходит? Можно, конечно, как обычно, увидеть во всем этом очередные происки американцев и «руку ЦРУ», в частности. Ведь, если все наши летние пожары, как говорят, результат использования против нас американского климатического оружия, то почему бы не объяснить помрачне-

Юрий Ган в 1985-2000 гг. работал учителем истории в средней школе с. Зеленевка Сердобского района, а с 2000 г. работает учителем истории в ст. Динской Краснодарского края. В 1996-1997 гг. опубликовал ряд публицистических очерков о политических нравах сельских жителей в журнале «Губерния». Статья написана специально для журнала «Парк Белинского».

ние сознания у многих россиян результатом воздействия телепатического оружия.

Но если серьезно, то рост популярности Сталина в глазах россиян, и, что особенно тревожно, среди молодежи, объясняется просто. Режим Сталина стал олицетворением ПОРЯДКА. Интересно, что эта точка зрения среди наших граждан не нова.

Я помню, как в 70-е годы двадцатого века, при приснопамятном Леониде Ильиче Брежневе, всякий уважающий себя дальнбойщик обязательно помещал на лобовом стекле своего грузовика большой портрет Сталина.

В государстве, каким был тогда СССР (океан государственной лжи, поголовное воровство и коррупция), тоска по порядку была понятна. Но СССР больше нет. А тоска осталась. Выходит, вышеуказанные симптомы и для современной России актуальны?

Однако вся проблема в том, что пресловутый сталинский порядок – это величайший ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ. Ведь что такое порядок для обычного гражданина нашей страны? Это не абстрактный порядок в государстве вообще, а порядок в его селе, в его городе, на месте его работы.

Это значит, что общественный транспорт ходит строго по расписанию. В общественных учреждениях красиво и уютно. Обслуживающий персонал улыбчив и приветлив. Общественные туалеты – образец чистоты. В столовых кормят прилично. На улицах ни мусоринки. Коррупции нет. Местные чиновники – на службе народу.

А было ли такое при Сталине? Как проверить? Да очень просто. Прочитать документы той эпохи. Нет, конечно, не отчеты о проделанной работе. Все мы знаем, как они пишутся. А, к примеру, документы, отражающие обычную повседневную внутреннюю жизнь маленьких советских учреждений, в которых жили и работали простые советские люди. Документы, отражающие так называемую «текучку».

К такого рода документам относятся приказы руководителей различных учреждений. Они не предназначались для печати, их не читали вышестоящие руководители. Они предназначались для внутреннего пользования, были способом управления коллективом учреждения.

А, значит, отражают реальную картину, существовавшую в ту эпоху. Чтение, я вам скажу, прелюбопытное.

Недавно у меня на руках оказался такой документ. Это книга приказов директора обычной семилетней школы № 1 станицы Динской в Краснодарском крае. Обычный школьный журнал, на страницах которого красивым почерком, чернилами прописаны приказы. Начат журнал в июле 1952 г. Время-то какое! Как пишут историки, апогей сталинизма.

Великую Отечественную войну уже выиграли. Всех «врагов народа», «иностранных шпионов» и «троцкистов», которые нагло и цинично мешали строить счастливое будущее, давно пустили в расход или стерли в лагерную пыль.

В общем, расцвет сталинской системы управления, следовательно, думалось мне, с пожелтевших страниц книги приказов должен предстать образцовый сталинский порядок в «самой передовой в мире советской школе» во всей своей красе.

Начинаю листать станицы. Ничего особенного. Первые приказы осени 1952 г. отражали типичную текучку начала учебного года: приход и уход учеников, распределение обязанностей.

И вдруг первый тревожный звоночек. В приказе от 13 ноября 1952 г. отмечается сбой в работе школы: в питьевых баках в помещении школы не работают краны, а сами баки не закрыты крышками. Получается, туда можно было в течение двух месяцев любому обиженному или расшалившемуся ученику в сердцах и сплунуть? Хотя краны-то все равно не работают.

Директор школы, понятно, такое безобразие стерпеть не мог (а безобразие, судя по всему, длилось не один день, так

как такие приказы пишутся тогда, когда на устные замечания исправить ситуацию подотчетное лицо не реагирует) и потребовал от завхоза товарища И. Г. Маляровского в четырехдневный срок исправить ситуацию. Заодно и наказание выписал вышеуказанному лицу в виде предупреждения.

Ну, думаю, порядок в школе восстановлен. Завхоз, наверное, порхал как пташка, устраняя недостатки. А как же, время-то суровое было. Порядок, однако.

Но я жестоко ошибся. Уже в приказе от 9 декабря 1952 г. (и месяца не прошло!) предстала следующая картина. Оказывается, никто к утру не заправлял лампы керосином и не приготавливал дрова для топки печей. А ведь это декабрь, по утрам темно и холодно.

Короче, уборщицы школы во главе с завхозом забили на свои тогдашние непосредственные служебные обязанности, и школа по утрам тратила урочное время на заправку ламп и топку печей. То-то ученикам было весело!

Директор школы на форменное безобразие отреагировал жестко. Думаете, для острастки на лесоповал отправил? Нет, вынес всем предупреждение.

Думаете, подействовало? Как бы не так. Прошел год, и в приказе от 1 декабря 1953 г. перед нами в полной красе предстает так называемый пресловутый сталинский порядок. Цитирую документ с сохранением орфографии: «Несмотря на неоднократное (подчеркнуто мной – Ю.Г.) предупреждение завхоза школы т. Маляровского мною и во время инспекторской проверки членами комиссии, завучем школы о том, что в школе много беспорядков: антисанитарное состояние школы, отсутствуют чистелки для пола, швабры для поломытия; дверные ручки, бассейн вовремя не ремонтируются, не замыкаются ящик для топлива, стол с лампами, мелом, тряпками, хотя замки имеются; не приведены в порядок крючки и шпингалеты на дверях, двери не замыкаются, ключи от дверей растеряны...»

В общем, исходя из духа и представлений той эпохи, перед нами явный факт вредительской деятельности в школе «троцкистско-зиновьевской» организации во главе с ловко замаскированным под завхоза «иностранным шпионом» Маляровским. Явно тянет минимум на расстрел.

Ан нет, всего лишь выговор с предупреждением и угрозой применить «более строгие меры дисциплинарного взыскания, вплоть до освобождения от работы».

Непростительная гуманность! Товарищ Маляровский распоясался не на шутку, и уже в приказе от 27 марта 1954 г. директор школы вновь ярко описала порядки в советской школе на закате сталинской эпохи. Не документ, а крик души: «В школе **царит грязь, беспорядок** (выделено мною – Ю. Г.). Несмотря на неоднократное распоряжение следить за чистотой панелей, своевременным мелким ремонтом мебели в школе; удалением пыли и паутины, своевременным стеклением шиббок (так в документе – Ю. Г.) в окнах, тов. Маляровский остается глух и нем. Много времени проводит дома и в учительской, а не смотрит за порядком в школе. Не организывает контроль за работой сторожа, в результате чего в 1953-1954 годах в школе было 5 случаев воровства, в то время, когда на посту был сторож т. Хавренко. Два раза была обворована библиотека, и 3 раза было воровство из подвала и сарая. Никакой работы с техслужащими не проводит. Для стекления выбитой шибки с ученика берет 10 рублей для приобретения стекла и остекления, а сам стеклит кусочками школьного стекла, а деньги забирает себе... Двери в сарае скоро отвалятся, двери библиотеки искovyряли. Тов. Маляровский не пользуется авторитетом в целом ряде организаций, подшефных школы, за то, что он часто говорит неправду. Такое бездушное отношение к порученному делу завхоза школы т. Маляровского несовместимо с дальнейшим пребыванием на работе».

Прочитав сей пассаж, подумал, что все, допрыгался завхоз. Ночью к нему постучатся выпестованные Сталиным бди-

тельные органы и предъявят счет за многолетнюю «антисоветскую» деятельность. Ничуть не бывало: всего лишь «строгий выговор с последним предупреждением».

Видимо, от сильного испуга школьного завхоза просто понесло. В течение последующего месяца товарищ Маляровский (что зафиксировано в приказе директора школы от 30 апреля 1954 г.) не только продолжил «допускать бесхозяйственность по школе», но и расширил ее географию. По его вине «нет порядка в организации питья воды для учащихся..., затягивается вспашка и посадка приусадебного участка; затягивается привоз строительных материалов для ремонта школы». Более того, тов. Маляровский «по несколько часов (в рабочее время) бывает дома (28 марта и в другие дни)».

Не знаю, чего добивался школьный завхоз, но, наконец-то, 13 мая 1954 г. его уволили. Правда, с предоставлением трудового отпуска до 4 июня 1954 г. Видимо, сильно умаялся завхоз на ниве двухлетнего поддержания «сталинского порядка» в школе.

Читая о ситуации в краснодарской школе начала 50-х годов, меня постоянно преследовала мысль, что где-то я о подобном уже читал. И меня осенило.

Когда я работал учителем в Зеленовской школе Сердобского района Пензенской области, мне принесли найденный на чердаке журнал протоколов собраний сельской организации КПСС. В нем описывалась жизнь сердобского села Зеленовки как раз в эпоху позднего сталинизма 1952-1953 годов. Так вот, хочу сразу сказать: «сталинский порядок» в это время в пензенской глубинке был такой же, как и в краснодарской школе.

Просматривая журнал, я наткнулся на протокол собрания, если не ошибаюсь, 1952 г., на котором рассматривалось персональное дело председателя сельского совета Белякова. Я вам прямо скажу: краснодарский завхоз отдыхает.

В вину председателю сельского совета (а это представитель власти, а не школьный завхоз!) вменялось многомесяч-

ное беспробудное пьянство и полный завал в работе сельсовета. Здание сельсовета постоянно находилось на замке, вследствие чего колхозникам было невозможно получить различные справки.

Сам председатель, находясь в подпитии, нередко прятался на крыше от назойливых просителей. А когда они расходились по домам, спускался с крыши и бил жену. На собрании присутствовал представитель райкома партии, поэтому товарищ Беляков благоразумно признал свою вину.

Как нам рассказывают учебники, после такого в сталинском СССР вышеуказанный товарищ должен был кушать баланду где-нибудь на Колыме. Однако суровые товарищи по партии объявили виновнику выговор и оставили на прежнем посту.

Ободренный доверием, товарищ Беляков продолжил в том же духе. Поэтому через некоторое время сельская партийная ячейка вновь рассмотрела персональное дело вышеуказанного представителя власти в присутствии вышестоящего представителя из райкома.

Все безобразия вновь подтвердились, товарищ Беляков опять покаялся, и строгие товарищи по партии объявили ему уже «строгий выговор». Чем завершилась эта эпопея, мне неизвестно, так как на этом журнал прерывается. Однако аналогия с краснодарской ситуацией один к одному.

На протяжении двух лет в обычной советской школе царил жуткий беспорядок, и хоть бы хны. Несколько лет носились с виновником бардака, как с писаной торбой, грозили пальчиком, увещевали, а беспорядок только углублялся.

Несколько лет председатель сельсовета в пензенской глубинке «творил черное», а ему выговор за выговором, и с того как с гуся вода. А нам пытаются доказать, что при Сталине был жесткий порядок, что все боялись и ходили по струнке. А за малейший провал в работе стреляли. Ложь и провокация. «Сталинский порядок» – это типичный советский бардак.

Выписки: подражание Гаспарову

«Однажды паслись бок о бок лев и ягненок. И вот ягненок спрашивает у льва: Как ты думаешь, лев, в какое, собственно, время мы живем?» – «Время? – переспросил лев. – Мы живем, разве этого недостаточно? А кроме того, время, в которое мы живем, это наше время; иначе бы мы не жили», – заключил он.

Ягненок поразмыслил над этим, пощипывая сочную траву в долинке, под сенью тенистых деревьев. И сказал: «Лев, ты мудр. И конечно же ты прав, время, в которое мы живем, это наше время – по крайней мере, для нас. Только я имел в виду другое, я не раз слышал, что существуют три времени: прошлое, прекрасное, но жестокое; настоящее, которое просто жестокое. И будущее, которое отличает такой дух терпимости, что лев и ягненок пасутся бок о бок. Я слышал этот от одного умного старого козла, вот я и подумал, что сейчас – будущее».

Тут лев откусил ягненку голову и сказал: «Теперь, когда ты мне об этом напомнил, это больше похоже на прошлое».

Юхан Борген. Три времени. Притча. «Иностранная литература», 2005, № 11, стр. 115.

* * *

«Бегать больше незачем, Людвиг, – сказал он (Роберт Хирш) со смешком. – Правда, легальная жизнь тоже требует мужества. Иногда даже большего, чем бегство».

Эрих Мария Ремарк. Земля обетованная. «Иностранная литература», 2000, № 3, стр. 150.

* * *

«Обещания связывают только тех, кому они даны: вы это знаете лучше меня».

Пьер Бельфон. Совецание. «Иностранная литература», 2009, № 7, стр. 159.

Николай Овчинников

Об идолах и идеалах прогресса

Мыслящие люди во все времена пытались классифицировать переживаемую ими эпоху. Определяли наиболее характерные черты Своего Времени и так расставляли периоды, о которых им было известно, чтобы они сцеплялись, как звенья одной цепи, в непрерывную связь времен.

Принято считать, что современная культура ведет свой отсчет от эпохи Возрождения, когда народы, населяющие Европу, очнувшись от многовековой дикости и религиозного мракобесия, стали постепенно возвращаться к традициям античности.

Ещё существует так называемая «Новая хронология», апологеты которой опровергают традиционную Скалигеро-Петавиускую шкалу времени и вычёркивают из неё отрезок длиной в VI-IX веков.

Если История, на самом деле короче на 600-900 лет, то поздние периоды античной культуры вплотную приближаются к современности, связь времен становится более понятной, а отсчет современной эпохи можно вести от античности. Неспроста же история европейского средневековья никак не

Николай Овчинников, 46 лет, представитель интеллектуальной оппозиции. По образованию – инженер-электрик. По роду занятий – фермер. По призванию – общественный деятель.

Выпускник Новосибирского электротехнического института, кандидат технических наук. В 1999-2002 гг. занимал пост вице-губернатора-председателя Правительства Пензенской области.

накладывается на историю государств Азии, Африки и Америки доколумбового периода.

Я не готов участвовать в спорах о хронологии, но в мое понимание мироустройства никак не укладывается феномен провала человечества в болото средневековья почти на тысячу лет.

Люди отличаются от других населяющих Землю существ не просто способностью мыслить на перспективу: в отсутствие перспективы люди не могут существовать.

А фундаментом перспективы является История. Насколько верно мы сможем понять Логику Истории, настолько правильно будет рассчитан фундамент будущей перспективы.

Если 100 лет назад перспективы разных людей в разных частях планеты были их личным делом, и не сильно зависели друг от друга, то перспектива жизни современного человека в глобальном мире уже неотделима от перспективы всего человечества.

А перспектива эта под тучами надвигающегося глобального кризиса уже не выглядит так безоблачно, как 100 лет назад.

Что же есть нынешний кризис?

Многие до сих пор думают, что он является обычным проявлением цикличности рыночной экономики и будет преодолен с переходом на новую стадию ее развития. Нужно лишь «применить правильную комбинацию силы и воли» в рамках действующей модели.

Я же считаю нынешний кризис, прежде всего, системным, когда сложившиеся в мире порядки перестали удовлетворять требованиям изменившегося общества по всем направлениям его развития. Когда никакие известные модели, не могут объяснить, а значит, преодолеть нарастающие глобальные противоречия. Когда мы становимся свидетелями крушения всех идеологий, ещё недавно составляющих смысл существования народов.

* * *

По мере углубления негативных тенденций у мирового кризиса стали появляться более сложные объяснения.

Экономист М. Л. Хазин утверждает, что он вместе с товарищами (О. В. Григорьевым и А. Б. Кобяковым) ещё в 1997-2001 гг. разработал теорию мирового экономического кризиса. В своей книге «Закат империи доллара и конец Pax Americana», вышедшей в 2003 г. Хазин и Кобяков предсказали многие процессы, которые сегодня уже не кажутся такими невероятными.

По теории М. Хазина, действующая экономическая модель, основанная на капитале и ссудном проценте, к началу XXI века окончательно исчерпала свой потенциал. Так как собственники капитала считают продукт нанятого ими труда своей частной собственностью, результаты труда делятся между трудом – пролетарием, формирующим конечный спрос, и владельцами капитала неравномерно.

Для рыночной экономики изначально свойственен ускоренный по отношению к совокупному спросу рост капитала. Растущий капитал рано или поздно начинает упираться в проблему падения своей эффективности, поскольку прибыль на вложенный капитал может приносить только спрос конечных потребителей. Поскольку совокупный спрос растет медленнее капитала, капитал обесценивается.

Выходом из этого противоречия может быть вовлечение в орбиту растущего капитала новых рынков. Когда рост рынков ограничивается планетарным ресурсом и его продолжение невозможно ни за счет экспансии, ни за счет глобализации, то единственным способом роста капитала, в рамках действующей парадигмы, остается кредитование конечного спроса.

Когда у заемщиков исчезает даже теоретическая возможность вернуть долг, то неразрешимые противоречия требуют менять саму суть экономической модели.

Особенно негативную роль в своей теории М. Хазин отво-

дит представителям финансового капитала, которые в настоящий момент сконцентрировали в своих руках непропорциональную долю мирового богатства и тормозят мировое развитие.

В отличие от своего учителя К. Маркса, М. Хазин видит выход из сложившейся ситуации не в обобществлении всего капитала путем социалистической революции, а в каком-то ином ограничении права частной собственности.

М. Хазин не предлагает готовых сценариев преодоления кризиса, но из его теории следует, что обнуление излишков необеспеченного конечным спросом капитала (от 25 до 60%) и национализация новой (посткризисной) финансовой системы может позволить мировой экономике возобновить поступательное развитие.

Выкладки М. Хазина настолько противоречат мейнстриму мировой экономической (читай либерально-монетаристской) науки, что мировая экономическая наука даже не признает М. Хазина экономистом.

* * *

Более признанным теоретиком протекающих в современном мире процессов является американский политолог Френсис Фукуяма. Всемирную известность он получил после публикации в 1989 г. в американском журнале «The National Interest» эссе «Конец истории?».

Рассуждая на тему секулярности и логики Истории, Фукуяма развивает гегелевский постулат о конечности истории идей, приходит к выводу, что либеральная демократия является «конечным пунктом в идеологической эволюции человечества» и является «окончательной формой управления в человеческом обществе».

В следующей работе («Конец истории и последний человек», 1993 г.) Фукуяма анализирует крах множества диктатур, будь то военно-авторитарные правые или коммунистическо-тоталитарные левые, и дает утвердительный ответ на вопрос

о предопределенности либеральной демократии в культурной эволюции человечества.

Но для меня Фукуяма интересен не как теоретик господствующих в Западном обществе либеральных представлений. Френсис Фукуяма первым из живых классиков либеральной доктрины публично отрекся от её новейшей версии – Неоконсерватизма.

В разгар Иракской кампании в 2006 г. вышла его очередная книга «После неоконсерваторов. Америка на распутье».

В ней Фукуяма предлагает отказаться от любой гегемонии, будь она сколь угодно благожелательна, забыть об универсальности прав и свобод в мире, демонстрирующем многообразие культур и демилитаризовать глобальную войну с терроризмом, которая является войной идей и ведется за умы и чаяния народов.

К сожалению, идея либеральной демократии, приверженцем которой остается Фукуяма, хорошо противостоит своим старым соперницам авторитаризму и тоталитаризму, но не работает против идеологии новейшего Джихадизма, последователи которого отнюдь не разделяют «общемировые ценности», не только отказываются считать высшей ценностью человеческую жизнь, но готовы сами умирать за ценности Джихадизма и посылать на смерть своих детей.

* * *

Я не могу согласиться со всеми постулатами представленных выше теорий, авторы которых отнюдь не являются моими идеологическими союзниками, но многое сказанное ими хорошо накладывается на мое представление о Моем Времени.

Я отношу себя к людям, которые не мыслят существования человека вне социума, а смыслом существования социума – нашей цивилизации считают познание с целью разумного преобразования действительности.

Главным результатом деятельности человечества является его культура. Культура способна накапливать знания и опыт

предыдущих поколений, позволяя живущим решать все более сложные задачи.

Многообразие культур, как и все земное многообразие, служит тому, чтобы любому человеческому проекту существовала достойная альтернатива. Соперничество культур во все времена было способом их развития.

Все современные культуры возникли из религиозных представлений. До сих пор этические нормы, населяющих Землю народов, основаны на их религиях.

Первой нерелигиозной идеологией, о которой нам известно, стало конфуцианство на Востоке. В свою очередь на Западе в Европе возник и начал широко применяться научный метод.

Ни конфуцианство, ни научный метод не создавались в противовес религиям, а были, прежде всего, методологической основой, позволяющей людям расширить возможности познания за рамки исповедуемых ими религий.

Овладев научным методом, европейская культура встала на путь технологического развития. Новые технологии позволили европейцам захватить лидерство в мировых общественных отношениях и быстрее других культур получать новые знания.

Европа первой вкусила плоды научно-технической революции, а за ней большинство стран мира поверили в неограниченные возможности Прогресса.

Идея Прогресса становится новой религией европейской культуры. За 200 лет Прогресс охватил все страны и народы на всех континентах, превратившись в доминирующую идеологию. Более 100 лет все модели общественного развития строятся вокруг идеи Прогресса.

Я думаю, что Логика Истории, если и подразумевает какой-то конец, то он должен быть связан с достижением целей человечества. Ни отказ, ни смена этих целей к концу Истории приводить не должны.

Если считать целью познание мира, то она явно не достигнута, а Логика Истории на всем пути человечества старается не допускать доминирования какой-либо идеологии.

Я думаю, что главные проблемы современного мира связаны с ограничениями возможностей Прогресса.

Действующая экономическая модель, в любой её интерпретации, не может существовать в отсутствие роста. А рост, как мы уже отчетливо видим, ограничивается не только «неразрешимым противоречием между трудом и капиталом».

Даже без всяких экономических кризисов, рост ограничен ресурсными возможностями планеты.

Долгое время это было не так заметно. Прогрессисты предсказывали, что научные достижения позволят очень долго преодолевать любые ресурсные ограничения, а когда человечеству станет тесно на Земле, то оно получит возможность расселяться на другие планеты.

До последнего времени наука демонстрировала обществу такие чудеса, что любой человек готов был поверить во всемогущество Прогресса. Более того, концепция ускорения научно-технического прогресса постулировала неуклонное сокращение времени между очередными эпохальными научными открытиями.

Фактические же научные достижения, живущих в наше время людей, возможно и грандиозны, но отдача от них совсем не та, что ожидалась ранее.

На примере четырех наиболее важных естественнонаучных направлений я постараюсь коротко изложить реальные возможности современной науки.

Шестьдесят лет международное научное сообщество предпринимает попытки овладеть **секретами термоядерного синтеза**. В случае успеха, цивилизация навсегда решила бы проблему дефицита ископаемого топлива.

Несколько раз казалось, что успех не за горами. Но первые токомаки сданы в утиль, Большой Адронный Коллайдер в

строю, а результатов пока нет, и прогресс в понимании строения вещества довольно скромный.

Более 100 лет наука бьется над разгадкой **феномена фотосинтеза**. Если бы удалось понять его механизм, то и синтез термоядерный был бы уже не так срочно нужен.

С помощью управляемого фотосинтеза можно производить еду и топливо буквально из воздуха без ограничений. И на этом поприще у науки было много локальных достижений.

Только результаты все пока находятся в сугубо теоретической плоскости, там же, где и у физиков ядерщиков.

Третье перспективное направление науки – **создание искусственного интеллекта**. Ну, здесь-то, кажется, уже все создано. Компьютеры размером с почтовую марку способны производить гигантский объем вычислений.

Тут и там анонсируются устройства, позволяющие преобразовывать человеческую речь в команды. Вот они мыслящие машины, способные не только освободить человека от рутинных операций, но и общаться с ним по-человечески!

На самом деле, наука, хоть и приблизилась к решению этой задачи, но до сих пор не реализован алгоритм, позволяющий цифровому устройству так же свободно понимать человеческую речь, как это делает человек, вступая в диалог с *любым* другим человеком на известном им языке.

А пока компьютером речь не освоена, то не может быть речи и о создании искусственного интеллекта. Лично мне кажется, что цифровой путь, по которому пошло развитие вычислительной техники, является тупиковым.

Все живые существа на Земле используют для вычислений аналоговые нейро-синаптические устройства, во много порядков превосходящие вычислительные возможности аналогичных по массогабаритным параметрам рукотворных цифровых устройств.

Попробуйте оценить вычислительные возможности «бортового компьютера» живого комара, весом в 0,1 г, программа

которого одновременно решает задачи навигации, питания, безопасности и размножения.

А сравнить энергозатраты комариного компьютера с цифровым не пробовали? Комар, конечно, зверь хитрый, но до обладания интеллектом ему очень далеко. Примерно так же, как далеко до создания искусственного интеллекта.

Еще одно важнейшее научное направление, сулящее человечеству прорыв в заоблачные выси – **генетика**.

Если разобраться в законах построения живой материи, понять, как из одной клетки развивается живое существо, то можно смело создавать безопасные генно-модифицированные сельхозкультуры, накормить миллионы голодающих, эффективно лечить рак и наследственные заболевания, выращивать донорские органы и замедлять процессы старения.

Важнейшим достижением современной генетики является возможность установить точную последовательность генов (расшифровка) в ДНК. Овладев таким инструментом, наука рассчитывает понять, каким образом молекула ДНК, построенная всего из четырех нуклеотидов А (аденозина), Ц (цитидина), Г (гуанозина) и Т (тимидина), содержит всю необходимую информацию о будущем организме. Как эта информация зашифрована, каким образом она проявляется на нужных стадиях развития.

Пока наука ставит опыты, накапливает статистические данные, а компьютерные программы подвергают их всестороннему анализу, оптимизм ученых в отношении скорого решения практических задач всё слабее и слабее.

Можно было бы рассказать о достижениях современной гуманитарной науки, но, боюсь, на этом направлении результаты научных изысканий пришлось бы рассматривать под микроскопом.

Возвращаясь к исходному пункту о причинах возникновения мирового кризиса, вполне можно развивать гипотезу о **замедлении научно-технического прогресса**.

Возможно, до появления практических результатов хотя бы по одному из прорывных научных направлений, современное общество, независимо от силы и воли его лидеров, столкнется с глобальной рецессией, как расплатой за слишком долгое поклонение идолам Прогресса.

20 мая 2012 г.

Выписки: подражание Гаспарову

«... нечего бояться истины и лучше смотреть ей прямо в глаза, нежели зажмуриваться самим и ложные, и фантастические цвета принимать за действительные. Только робкие и слабые умы страшатся сомнения и следования».

Виссарион Белинский. «Русская литература в 1840 году». Собрание сочинений в трех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1948. Том 1. Статьи и рецензии. 1834-1841. Стр. 702

* * *

«Сейчас общественное мнение отказывается от прежних табу. Неприкасаемых с каждым днем остается все меньше».

Пьер Бельфон. Совецание. «Иностранная литература», 2009, № 7, стр. 171.

* * *

«Как вы знаете, лучший способ доказать лживость какого-либо утверждения – предположить, что оно верно; если это не так, тут же начнут возникать противоречия...».

Хорхе Вольпи. В поисках Клигзора. «Иностранная литература», 2005, № 7, стр. 89.

* * *

«Кто думает о будущем, тот не умеет распорядиться настоящим».

Эрих Мария Ремарк. Земля обетованная. «Иностранная литература», 2000, № 3, стр. 253.

Как России стать богатой

Олег Тоцкий, автор статьи «Российское чудо или утопия?!», специально для «Парка Белинского» комментирует отдельные положения своего тезиса о том, что национальная идея России должна строиться на производстве экологически чистых продуктов.

«Давайте представим, что Россия – крупная корпорация, а национальная идея – это ее главный бренд».*

– С. Д.: В данном случае, что вы подразумеваете под термином «бренд»?

– О. Т.: В данном случае рассматривается ситуация по аналогии с продвижением бизнес-идеи. Допустим, я – бизнесмен, и у меня есть корпорация. Моя идея – поднять сельское хозяйство путём финансовой и организационной помощи фермерам.

В основе национальной идеи лежит частная собственность на землю с привлечением мелких сельхозпроизводителей и выращиванием на этой земле экологически чистой продукции. Возрождение сельского хозяйства таким способом – это и есть национальная идея.

И чтобы эту идею быстрее осуществить, мне, как бизнесмену, нужно её «пробрендировать». А бренд – это известность какой-либо продукции.

Олег Тоцкий, 54 года, владелец холдинга, в который входят предприятия торговли и сельского хозяйства, стаж предпринимательской деятельности – 20 лет.

Впервые статья «Российское чудо или утопия?!» была опубликована в «Пензенском Бизнес-журнала» (2011 г., № 12), затем в сокращении перепечатана в газете «Улица Московская» (2011 г., № 48).

От «Парка Белинского» разговаривал Сергей Долженков.

**Здесь и далее текст статьи Олега Тоцкого выделен жирным.*

– С. Д.: Коньяк «Хеннесси», например.

– О. Т.: Коньяк «Хеннесси». О, да! Общеизвестно, что это высокое качество.

Чтобы раскрутить национальную идею, в моём понимании бизнесмена, её нужно «забрендировать»: много о ней рассказывать, что это качественно, что это полезно для здоровья.

И чтобы выйти на зарубежные рынки гарантированного сбыта, брендировать нужно не на местном уровне, а на международном. Это специфичный, но достаточно ёмкий рынок.

«Какую последовательность действий предпринимает корпорация, чтобы выпустить на рынок новый бренд? Очевидно, с выбора перспективной ниши и анализа собственных ресурсов и преимуществ. Чего у нас по-настоящему много, так это земли».

– О. Т.: Поэтому, если придёт частник на землю, он, поверьте, будет творить чудеса. Проблема в том, что у нас пока ещё частник на землю не пришёл.

– С. Д.: Но ведь землю на селе получали?!

– О. Т.: Да, земельные паи всем раздали. Но у крестьян земли фактически нет. Паи раздали по 11 гектаров на семью. Чтобы заниматься фермерством, минимум нужно 50 гектаров. А лучше сто. Можно было бы семьям объединить свои паи до сотни гектаров и организовать кооперативы, но этого не произошло.

Те немногие фермеры, которые работают в Пензенской области, скупили землю у своих соседей. Но примерно 70% земель скуплены большими пакетами спекулянтами, в худшем смысле этого слова. И вообще никак не обрабатываются. Фактически оставшись без земли, 85% населения сельской местности (в Пензенской области) нигде не работают.

«Разве это не у нас вся деревня находится на заработках в столице или лежит на печи?... Если большая часть населения ничего не производит, то она отмирает за ненадобностью.

А не производит она не потому, что ленивая, а потому, что произведенное невозможно продать».

– О. Т.: Сельский житель в массе своей не работает в полной мере. Он выращивает в основном только для себя. При этом продаёт небольшой объём на рынке. Но он не увеличивает объём продукции потому, что для него не созданы условия.

– С. Д.: А как же правительственные программы?!

– О. Т.: Никаких программ нет. Если в Евросоюзе на один гектар земли выделяется 330 долларов по различным программам поддержки сельхозпроизводителя, то в России – 16 долларов. В двадцать раз меньше. Поэтому то, что у нас говорят с высоких трибун... это не больше, чем шум.

При этом если опыта у человека нет, ему практически невозможно преодолеть все бюрократические препоны и получить необходимый кредит. Из-за одной ерундовой справки может всё сорваться.

– С. Д.: Понятно, кредитование – это «во-первых». Что – «во-вторых»?

– О.Т.: Во-первых, не просто кредитование, а упрощённое – беспроцентная ссуда. Иное крестьянину не только рассчитать, но и понять сложно.

А, во-вторых, если следовать столыпинской реформе, это гарантированный рынок сбыта. Сразу оговорюсь, что организуемые у нас по выходным дням ярмарки нельзя считать гарантированным рынком.

Действительно гарантированный рынок сбыта – это очень деликатная вещь. Ещё в начале XX века, обсуждая реформы Столыпина, писали, что все крестьяне не смогут стать предпринимателями. По разным причинам серьёзными предпринимателями с большими оборотами смогут стать 5-10% крестьянства.

У остальной части сельского населения нет ни элементарных экономических знаний, ни желания, ни навыков вести своё

дело. У крестьянина голова и руки заточены под другое. Он хорошо умеет копать, пахать, но не считать.

Но без гарантированного рынка сбыта вовлечь крестьян в сельскохозяйственное производство невозможно. Тот же Столыпин говорил, что крестьянин, как страус: когда нормальных условий нет, он сразу голову в песок – занимается только своим подсобным хозяйством.

А вот когда появляются все условия, то сельское хозяйство вырывается вперёд. И здесь для повышения рентабельности хозяйства серьёзным подспорьем становится переработка сельхозпродукции.

То есть фермер продаёт не просто молоко, а молочные продукты, мясо в виде колбасы, зерно, расфасованное в мешки или пакеты. Сельским кооперативам это под силу.

«Дикая конкуренция со стороны транснациональных корпораций сотрет с лица России весь местный бизнес, по крайней мере, мелкий и средний... Этого не случится, если государственный менеджмент поддержит собственный бизнес, в том числе создание главного национального бренда».

– С. Д.: В чём, по-вашему, заключается роль государства?

– О. Т.: В федеральном центре собирают и обрабатывают информацию: сколько и где у нас продаётся тех или иных продуктов. Затем они распределяют по регионам квоты на поставку продукции.

Региональные структуры в рамках федеральной программы спускают эти квоты на районы: сколько поставить на местный рынок, сколько в другие регионы.

При этом они договариваются о поставках продуктов извне, которых не производят в нашем регионе.

– С. Д.: А не получится, что чиновники будут лоббировать определённые предприятия?

– О. Т.: Естественно, будут. Кто-то кому-то сват или брат. Но мы же говорим про цивилизованный рынок, а не про тот,

который у нас сегодня есть. Кого-то посадят, кого-то выпустят. Так иотрегулируем рынок.

– С. Д.: То есть лет через сорокотрегулируем...

– О. Т.: Почему через сорок?! В Грузии это сделали за пару лет. Притом выгонять сразу всех пришлось два раза. И у нас также можно сделать. Было бы желание.

«Мы стремимся перенять западные интенсивные технологии производства пищи, хотим, как они, сделать много дешевой еды низкого качества для импортозамещения. Но такая еда просто опасна для здоровья и производится в других странах только из-за нехватки земли. А мы можем накормить себя и весь мир экологически чистыми продуктами.»

– О. Т.: Наши пензенские учёные-агрономы на основании расчётов заявляют о том, что можно добиться примерно равной себестоимости экологически чистых продуктов с теми, которые получают с помощью интенсивных технологий. Правда, при этом потребуется обрабатывать больше земельной площади, которой у нас в избытке.

– С. Д.: Что вы имеете в виду, когда говорите об интенсивных технологиях?

– О. Т.: Под интенсивными методами я подразумеваю применение большого количества гербицидов, удобрений, стимуляторов роста, генномодифицированных организмов и т.п. В результате чего у нас сегодня хлеб и молоко, по оценке педиатров, являются самыми аллергенными продуктами. Кроме того, врачи не рекомендуют в послеоперационный период включать в рацион больных куриное мясо.

«Пока нас единицы. Но, если создать условия крестьянину и освободить его от существующих рисков, движение примет общенациональный характер.»

– С. Д.: А для городского населения страны это будет национальной идеей?

– О. Т.: С одной стороны, нет, но как потребитель своим

кошельком оно будет активно способствовать реализации национальной идеи. Поэтому население должно знать и понимать, какие продукты питания способствуют здоровью, а какие нет, отличать качественные от некачественных.

У нас же пока крупные сетевые компании ориентированы на массовое стремление (пока ещё не психоз) купить не важно что, лишь бы подешевле. Поэтому сетевые магазины завалены суррогатом.

«По поводу разваленных колхозов и спивающейся деревни пусть вздыхают оппозиционные политики. Я бизнесмен и привык говорить о том, что делать, а не о том, кто виноват. Я считаю, что возродить и в дальнейшем развивать село можно и крайне необходимо!»

– С. Д.: Нужно ли возрождать неэффективные и нерентабельные хозяйства?

– О. Т.: Я бы сделал акцент не на хозяйствах, а на частнике, который вынет голову из песка, как только появятся обозначенные Столыпиным условия для ведения хозяйства.

«Пожалуй, это самое перспективное направление для России».

– С. Д.: Почему вы считаете, что сельское хозяйство является самым перспективным направлением?

– О. Т.: Потому что по количеству задействованного в этом проекте населения страны он превосходит все остальные направления.

«Это возможность стать не только великой, но и богатой страной».

– С. Д.: Что вы этим хотели сказать?

– О. Т.: Это не в том смысле, что мы должны влиять на международные процессы. Главное, чтобы наш человек был свободен, чтобы он был экономически защищён, и чтобы это был высоконравственный человек. Это основа основ.

разгар противостояния Президента и Верховного Совета, Ельцин решил полностью обновить свой Президентский совет. Прежде в него входили в основном записные демократы первой волны, а теперь Б. Н. Ельцин решил пригласить «команду интеллектуалов» – группу самых популярных общественных деятелей из тех, кто постоянно мелькал на центральных каналах телевидения.

В этом снова отразилось поразительное чувство момента, которое всегда было присуще Б. Н. Ельцину как политику. Без ссылки на это чувство трудно объяснить, каким чудом сам Б. Н. Ельцин удержался на самом вершине российской политики в течение долгой дюжины лет – лет, за которые сменили друг друга десятки политиков, притом, сменяя, исчезали, как правило, с общественного горизонта полностью.

Кто помнит сегодня такие имена, как, скажем, Полторанин или Махарадзе? А ведь во время оные каждый из них был очень влиятельным. От Махарадзе, например, в решающей степени зависели первые назначения на посты губернаторов и представителей президента.

На второй план ушли Сергей Шахрай, один из главных авторов Конституции, Сергей Филатов, возглавлявший президентскую Администрацию, и многие другие.

И ушли они не в результате поражения, как, скажем, Руслан Хасбулатов или Александр Руцкой, а просто потому, что время политиков такого (именно такого) рода прошло, и Б. Н. Ельцин тут же, почувствовав это, сменил их на других, соответствующих моменту, чтобы сменить и этих, когда момент сей закончится.

Меня членов команды, словно собственную кожу, он менял и сам, возрождаясь в новом качестве, и именно это позволяло ему приспосабливаться к новому моменту, не меняя того, что было для него главным, – своего верховенства в государстве российском.

Команда, с которой пришёл я, состояла в основном из про-

фессиональных журналистов, политологов, историков, которые вовсе не собирались делать карьеру в политике и пришли в Совет главным образом из любопытства. Этим все они сразу же резко и в положительную для себя сторону отличались от кадровых политиков и чиновников, потому что это придавало им независимость, которой у чиновника и профессионального политика просто не может быть «по определению».

Я имею в виду прежде всего таких людей, как Георгий Сатаров, Юрий Батулин, Андраник Мигранян, Эмиль Паин, Фёдор Карякин, Сергей Караганов, Борис Грушин, Ота Лацис. Все мы имели свою профессию, уже преуспели в ней, пребывание в Кремле заведомо считали временным и в любой момент готовы были вернуться к любимой работе, а потому за места особо и не держались.

Интересный факт: месяца три спустя из Совета вышел Борис Грушин, глава большой социологической «конторы», потому что слишком тесная связь с властями лишала Грушина заказов: ведь он казался заказчикам слишком ангажированным, а потому неспособным проводить объективные опросы.

Свой выход из Президентского совета Борис Андреевич сопроводил словами извинения, обращёнными к Ельцину, чтобы тот не принял этот выход за какой-то враждебный демарш.

Стоит добавить, что членство в Совете было «общественное», денег за это не платили. На первом же заседании президент сказал, что всё, чем он может нас отметить, это пропуск «вездеход» и машина по вызову из кремлёвского гаража. И то, и другое оказалось некоторым преувеличением: я пробовал пройти по «вездеходу» в номерные города Урала – не пустили, а машины давали только в рабочее время и с немалым скрипом.

Себя я не мог причислять к этой интеллектуальной элите безоговорочно: ведь мои новые друзья к тому времени были узнаваемы на улицах, потому что всюду дискутировали на телеэкранах. Я же там не появлялся и попал в Совет благодаря знакомству с Сатаровым.

Сама история эта весьма характерна для того странного времени, когда в окружение Президента мог попасть даже такой «человек с улицы», как я, рядовой доцент географического факультета МГУ. Мы были знакомы с Сатаровым по работе, потому что оба были специалистами по США (он – по «их» политике, я – по «их» географии).

Однажды в январе 1993 года мы сидели с ним на каком-то семинаре, и он спросил меня шёпотом, смогу ли я сгруппировать российские регионы в 7 групп (ему это было нужно для статистического анализа).

Я сказал, что могу прямо сейчас: задача-то была совсем элементарная для любого географа, но Сатарова моя сноровка поразила, и когда назавтра его спросили в Кремле (а там шло формирование нового Совета), нет ли у него на примете специалиста по российским регионам, он тут же назвал моё имя. Позже я позволял себе вышучивать своих товарищей: они-де попали в Совет как телезвёзды, зато я – как настоящий специалист.

«Человек с улицы» – сказано, конечно, слишком громко. В Совет вошли только те люди, насчёт убеждений которых не было сомнений: на сей предмет нас достаточно тщательно проверяли. Об этом я узнал позже, когда тесно сдружился с президентскими «спичрайтерами», а именно они вели формирование Совета. Их роль в кремлёвских делах к тому времени оказалась весьма большой.

Дело в том, что к 1993 году Б. Н. Ельцин сильно сдал физически, разочаровался в своих способностях очаровывать публику, в своей внешности, он становился всё более закрытым. Так что круг людей, допущенных до повседневного и оперативного общения с ним, был очень узок и включал считанные единицы его работников: двух главных помощников (Виктор Илюшин и Анатолий Корабельщиков – оба старые цэковские «волки», эффективнейшие чиновники), главу протокола, главу канцелярии.

Чем уже становился этот круг, тем выше ценилось членство в нём. В круг этот входила и глава спичрайтеров Людмила Пихоя, отсюда и авторитет её команды. Забавно было видеть, что любимая московскими интеллигентами «Независимая газета», составлявшая регулярные списки ста самых влиятельных политиков России, ни разу (!) не помянула Пихою. Это лишний раз говорит о крайне невысоком состоянии нашей «кремленологии», как того времени, так и нынешнего.

На нас, членов Президентского совета, сразу пала некая тень принадлежности к этому узкому кругу. На самом деле мы к нему не принадлежали в той мере, как, скажем, Людмила Пихоя.

Однако остальные кремлёвские работники настолько редко общались с Президентом, что наши регулярные свидания с ним казались им неслыханно ценной возможностью для влияния на политику, для интриг или для собственной корысти. Им, как правило, бывало невдомёк, что общения наши были сильно формализованы и что в их рамках не могло и речи зайти об интригах или просьбах личного характера.

Правда, у всех членов Совета была одна действительно ценная привилегия: мы могли писать непосредственно Президенту, и канцелярия была обязана немедленно класть наши записки ему на стол.

Я быстро овладел искусством писать такие записки, прежде всего благодаря советам друзей-спичрайтеров. Они объяснили мне, что если записка написана 14-м кеглем и занимает существенно меньше одной страницы, Президент прочтёт её наверняка: ведь он, как и почти все политики, ведёт счёт прочитанным документам на штуки, а не на страницы.

Если записка превышает страницу хотя бы на пару строк, вероятность падает вдвое. Записку в три страницы и больше он вряд ли станет читать вообще, если только он не испытывает особого почтения к имени автора.

Я помню случай, как он обсуждал с С. С. Алексеевым его

записку, которую Президент прочёл накануне, притом шутили во выговаривал Сергею Сергеевичу, что потратил на это почти всю ночь: записка-то, по его словам, была больше ста страниц, и всё про будущую конституцию.

Я же ни разу не написал записки больше чем на одну страницу, зато написал их множество. И могу с гордостью сказать, что две-три из них на самом деле заметно повлияли на ход кремлёвских дел. Мне об этом поведали потом люди из настоящего узкого круга.

Президентский совет состоял примерно из 32-35 человек, помимо «интеллектуалов», в него входили такие известные политики, как Собчак, Попов, позже Лужков, а также некоторые популярные в демократической среде деятели культуры: например, Захаров, Гельман, Чудакова.

Заседания Президентского совета можно разделить на «парадные» и «узкие». Парадные заседания проходили в красивейшем, сравнительно небольшом Екатерининском зале Кремлёвского дворца, за великолепным овальным столом из матовой карельской берёзы.

Мне досталось место на углу, но, к досаде некоторых, как раз на том углу, к которому допускались (на первые пять минут заседания) журналисты, и именно у этого угла Президент, пожимающий руку члену Совета, оказывался в самом выгодном для съёмки ракурсе.

Вот почему в репортажи с нескольких первых заседаний неизменно попадала сцена, как Президент пожимает руку именно мне; по этому поводу я выслушивал множество и поздравлений, и ехидных колкостей.

Все члены Совета высказывались по кругу, один за другим по часовой стрелке. Повестки дня, как правило, не было, каждый говорил «о наболевшем». Президент только слушал, изредка говоря что-то на ухо Виктору Илюшину, неизменно сидевшему справа от него. Вся процедура длилась обычно около двух часов.

Разительным исключением стал Совет 10 февраля 1996 года, который был специально посвящён вопросу о том, стоит ли Б. Н. Ельцину вступать в борьбу за переизбрание. Президент был оживлён, много говорил сам, и заседание затянулось на четыре часа. Все члены Совета до одного высказались за борьбу, и настроение Президента становилось всё бодрее – до тех пор, пока последним не выступил Фёдор Карякин.

Будучи, показалось мне, в некотором подпитии (для храбрости, что ли?), он с типичной для него, но не принятой на Совете резкостью сказал, что, мол, глаза бы мои на Вас не глядели, Борис Николаевич, настолько противно мне многое из того, что Вы творите с Россией, однако куда ж мне деться: придётся, плюясь и чертыхаясь, голосовать за Вас, потому что некого, кроме Вас, противопоставить Зюганову.

Президент сидел бледный, как полотно, не проронил в ответ ни слова и больше парадных Советов не собирал вообще. Почти забавно, что, тем не менее, именно эта «карякинская» стратегия была положена в основу ельцинской кампании 1996 года («если не Ельцин, то Зюганов»).

Такая болезненная реакция Б. Н. Ельцина оказалась для меня неожиданностью. До того момента его поведение на Совете было просто идеальным. Он общался с членами Совета с какой-то неподражаемой смесью почтения и превосходства: почтения провинциального парня из простой семьи к высоколюбимым московским интеллектуалам и превосходства над ними человека, который облечён высшей в России властью.

Эту последнюю свою «ипостась» он ощущал исключительно живо, гордился ею всемерно и был готов нести личную ответственность за всё происходящее в стране, даже не имевшее к нему никакого отношения (например, за пробки на Калининском проспекте).

Как говорил Мигранян, Ельцин прекрасно «играл власть»: огромный ростом, плечистый, басовитый, медлительный в речи, он ещё и наигрывал свою монументальность рыком, пря-

мой спиной, мощным рукопожатием. Таково было его представление и о России...

На парадных Советах он был другим. Дело в том, что для него Совет был как бы копией российского народа, его моделью. Идея почти смехотворная: ведь тут не было людей левых убеждений, не было по-настоящему простых людей. Однако члены Совета не были его прямыми подчинёнными, и это было для него главным, потому что он думал, что таким людям не за чем ему лгать.

Ему нравилось, чтобы ему кто-то перечил: это усиливало его иллюзию того, что перед ним модель российского народа и что он слышит его думы. Особенно он привечал вечное недовольство и критику Андраника Миграняна, у которого была манера всегда говорить именно то, что он думал в данный момент, совершенно не считаясь с тем, как это будет воспринято Президентом.

Однажды на «узком» заседании он долго убеждал Президента в том, что надо перенести сроки выборов. Президент сидел, нарочито сморщившись, и всем было ясно, что ему это не нравится, но Андраник невозмутимо гнул своё. Однако именно эта его невозмутимость обеспечивала ему постоянное внимание президента к его словам.

Запомнился и такой эпизод. Однажды накануне очередного «парадного» заседания Совета Ота Лацис опубликовал в «Известиях» статью, где он просто-таки разнёс экономическую политику президента в пух и прах.

Когда начался Совет, мы с замиранием сердца ждали, как именно поздоровается Президент с Лацисом. Когда очередь дошла до Лациса, Президент сказал, покачивая головой и улыбаясь: «Ну, задали Вы мне жару вчера». Лацис только пожал плечами: мол, а чего Вы ещё ожидали после содеянного, и даже не улыбнулся в ответ.

Теперь об «узких» заседаниях. О них не объявлялось в СМИ, они проходили в кремлёвских «покоях» Президента или

в бывшей комнате для заседаний Политбюро (Б. Н. с удовольствием показал нам, где именно во времена оны сидел он, где Горбачёв, где Яковлев). В таких заседаниях участвовали только «интеллектуалы»: всегда Сатаров, Мигранян, Паин, Батурин, иногда кое-кто ещё, но никогда Караганов, Лацис или «деятели культуры».

Я, по-моему, не пропустил ни одного «узкого» заседания, наверное, потому, что спичрайтеры считали, что я благотворно влияю на настроение Президента: ведь у меня была стойкая репутация заядлого оптимиста.

Может быть, причина была ещё и в том, что я очень много ездил по стране: и со студентами по самому, что называется, низу, и по президентским поручениям по самому верху. А потому считалось, что я знаю Россию за пределами Москвы несравненно лучше, чем любой другой кремлёвец. За исключением, пожалуй, Эмиля Паина, специалиста по национальному вопросу и «дружбана» многих наших республиканских президентов.

Постоянно присутствовали оба помощника, Людмила Пихоя. Иногда приглашались внешние эксперты, если тематика была узко специальной.

Со временем почти все участники таких заседаний стали советниками Президента: Сатаров, Батурин, Паин, позже Михаил Краснов. Мы с Паиным, вопреки статусу Президентского совета, стали начальниками отделов нового Аналитического управления, которое зимой 1993-1994 годов изобрели Сатаров с Лившицем.

Во главе управления стоял сначала знаменитый наш экономист Евгений Ясин, потом наш товарищ Марк Урнов. Это было золотое время для кремлёвских интеллектуалов. Управление в 80 штатных единиц было укомплектовано классными специалистами, оно широко пользовалось услугами внешних экспертов.

Увы, время наше было на исходе. После выборов 1996 года,

где наша аналитика сыграла, скромно говоря, не последнюю роль, политическая жизнь в Кремле стала гораздо спокойнее. Победа над левыми казалась окончательной, нужда в интеллектуалах быстро сокращалась.

Зато не менее быстро росла нужда в грамотных управленцах, аполитичных и эффективных, у которых исполнительность была в гораздо большей цене, чем креативность. Говорю это безо всякой иронии.

Мы, люди призыва 1993 года, сильно уступали этим «профи» в организаторской эффективности, и сам Б. Н. Ельцин, наверное, почувствовал, что основные идеи, пожалуй, уже высказаны, а вот организация дела ещё сильно хромает.

Аналитическое управление было ликвидировано, потом настало время и для всего института советников. Последними ушли старые спичрайтеры, и уход команды Пихои мы собирались даже отметить с приглашением СМИ, прежде всего Евгения Киселёва, который всегда был очень близок к нашему «призыву».

У Ельцина была досадная привычка расставаться со своими даже самыми близкими сотрудниками как бы за глаза, и многие из них узнавали о своей отставке от посторонних людей, а то и просто из газет, но почти никогда от самого Президента. Насколько я знаю, исключением стал только Г. Сатаров, к которому Б. Н. питал особое уважение.

Причиной была сильная сентиментальность Ельцина – черта крайне вредная для политика. Он сравнительно легко отсеивал прямую лесть, но ему с трудом давались негативные личные контакты, он их постоянно избегал. Однако он всегда заботился о том, чтобы ушедший сотрудник был пристроен получше после ухода от него, если сотрудник, конечно, желал.

Наш «призыв 1993 года» почти не нуждался в этом. Никто из нас не стал послом в каком-нибудь Зимбабве, никто не опустился на серебряной ниточке в банк или компанию, почти все вернулись к любимой работе.

Сатаров организовал «фабрику мысли» ИНДЕМ, Краснов ушёл к нему вице-президентом, Паин уехал на время в США на научную работу, Батурин стал космонавтом, а я вернулся на родной факультет, на родную кафедру, которую закончил ещё в 1958 году и на которой преподаю с 1976 года.

Июнь 2004 года

* * *

Сегодня хотелось бы отметить несколько особенностей первого Президента России, а заодно и кремлёвской жизни того времени вообще. Особенно часто вспоминаю я две яркие черты Б. Н. Ельцина как политика. Во-первых, он был весьма честолюбив. Он страдал тем честолюбием, которое иногда называют «самым благородным из человеческих пороков»: ведь это стремление к чести, к одобрению своими согражданами, и это неминуемо заставляет человека угождать гражданам, услужать им, работать ради их пользы.

Политик должен быть честолюбив: пример Ельцина кажется мне очень убедительным. Ельцин не просто ощущал огромность роли Президента в переломе судеб России: он изо всех сил старался соответствовать этой роли, и мечта о том, что он может войти в историю страны как некий «отец российской демократии», была ему во сто крат важнее всего остального. Ради этого он равнодушно проходил мимо возможностей нарастить личную власть, перевести жизнь государства в авторитарный режим.

При таком честолюбии не остаётся места для сребролюбия. Настоящие честолюбцы готовы своё заплатить, лишь бы выдвинуться или прославиться. Поэтому все разговоры о богатствах пресловутой «Семьи» кажутся мне вздором, особенно на фоне нынешнего разгула коррупции.

Во-вторых, Ельцин демонстрировал поразительную выдержку, когда его критиковали, а не критиковали его в те времена разве что самые ленивые. Сплошь и рядом эта критика была совершенно заушательской, оскорбительной, к тому же явно

несправедливой. И тем не менее Ельцин не позволял себе использовать свою власть для затыкания ртов или мести исподтишка. Сегодня это кажется каким-то малообъяснимым феноменом из области психологии.

На самом деле, как мне кажется, причина была в стремлении Ельцина войти в историю своей страны в качестве не крутого авторитарного вождя, а того самого «отца русской демократии». Ведь малейшие поползновения его насчёт затыкания ртов критикам могли бы сильно попортить подобный имидж.

И ещё одна деталь кремлёвской жизни при Ельцине. Наш круг «интеллектуалов при власти» пребывал некоторое время при иллюзии, будто мы – не просто избранный, но и единственный круг советников президента, у которых он черпает аналитическую информацию. Постепенно, однако, стали появляться обескуражившие нас признаки того, что у нас есть, так сказать, конкуренты, которые убеждают президента в том, что нам казалось неправильным.

Сначала ими казались силовики вокруг А. Коржакова, потом обнаружилось, что сильное влияние на президента оказывают и экономисты вроде А. Чубайса и Е. Гайдара, которые в своих советах выходили далеко за рамки чистой экономики, вторгаясь в зоны, которые многим из нас казались нашей «вотчиной». Следовательно, у Ельцина было несколько «избранных кругов», которые могли давать совершенно разную, порою противоположную аналитику по одной и той же проблеме. Круги эти не пересекались организационно и потому были совершенно не зависимыми друг от друга, и это гарантировало Ельцину непредвзятость их суждений.

В то же время, эти круги не впадали в дурное соперничество, потому что Ельцин и его ближайшие помощники старались изолировать их друг от друга. Тем самым Ельцин получал широкий спектр мнений по каждой проблеме и мог принимать достаточно взвешенные решения.

9 марта 2012 года

У папы были отличные отношения с Зиновьевым. Они работали рука об руку и никогда не имели разногласий. Зиновьев был очень образованным и одаренным человеком, он говорил по-русски, по-немецки, по-французски, по-английски очень хорошо, а также по-итальянски. Вся семья была очень милой.

К сожалению, его очаровательная жена умерла через два года. Я подружилась с ней. У них было шесть сыновей, все музыкально-одаренные. Самый старший погиб в Японской войне.⁴ Зиновьевы владели чудесным имением, они были очень богаты.⁵

В столице, где жили царь, губернатор, члены Государственного Совета, министры, все великие князья, вице-губернатору не слишком часто требовалось представляться высшим лицам, выполняя свои должностные обязанности. Мы могли продолжать семейную жизнь и сами выбирать наше окружение по своему усмотрению. Наш круг знакомых становился всё шире.

Приемы и большое общество были уже редкостью при дворе. Представители власти всё больше отстранялись от царской семьи. Царица всё чаще болела. Маленький наследник трона иногда вообще не мог ходить. Неоднократно видели, как один из матросов, который был всегда рядом с ним, носил его на руках.

Царскую семью часто видели в ложах театров, и юные великие княжны выглядели весело и очаровательно. Тогда в Петербурге балет и опера были просто великолепны, также была итальянская опера. В известный русский Александринский театр, где играли мастерски, во время поста⁶ приезжала и венская оперетта.

Нас часто приглашали наши знакомые Львовы в свою ложу, после того как мы у них обедали. У них был узкий круг друзей, но к нам они были очень расположены.

Летом Львовы жили в своём прекрасном дворце в Стрель-

не. На территории их усадьбы было устроено несколько дач, которые они сдавали. Мы снимали одну из таких дач. Это был красивый дом с большим садом, граничащим с княжеским парком, так что мы каждый день были вместе.

Львовы любили всех наших детей, без исключения⁷. Они приходили и наблюдали, когда дети купались и укладывались спать, и заваливали их игрушками. Мальчикам подарили палатку, винтовки и униформу. Папа мог чаще посвящать себя детям, и он построил с ними железную дорогу в саду, на которой они катались.

Летом, как раз во время манёвров, губернатор Зиновьев вдруг взял отпуск и поехал в Германию на курорт в Баден. Он сделал это, чтобы избежать ответственности, что было далеко не украшающей его чертой, и передал все тяжелые дела папе.

Царь вместе с семьёй решил присутствовать на манёврах, значит, губернатор и полиция должны были позаботиться о том, чтобы с высочайшими особами ничего не случилось. Это было ужасно хлопотно, и папа вздохнул с облегчением, когда всё удачно закончилось.

Губернатор, чьи обязанности исполнял папа, должен был повсюду сопровождать царя, что было очень интересно. Он говорил, что царь был бесстрашен перед покушениями, но это было опасно, и вся царская свита не одобряла царской смелости. Надо было многое предусмотреть, чтобы защитить царя.

Хотя он был невысокого роста, у него были истинно царские манеры, и внешне он был любезен. Однажды папа задержался на службе и опоздал к обеду в царском салон-вагоне. Царь прервал беседу и рассказал ему, о чём шёл разговор.

У царя были обширные исторические знания, отличная память также и на людей, которых он видел только один раз. Он говорил безупречно по-немецки, по-французски и по-английски, причём, в кругу своей семьи.

Царица была воспитана в Англии у своей бабушки, коро-

левы Виктории; она любила всё английское и ненавидела все немецкое, особенно императора Вильгельма, который, говорят, проявил бестактность при ее помолвке.

Русский она выучила плохо и говорила с ошибками и неохотно, царь поправлял её ошибки в языке за столом⁸. Царица была ужасно нелюбезной и робкой. В то время, когда папа стал её часто видеть, у неё уже были больные нервы. Он говорил, что она всегда тупо смотрела в одну точку и не говорила ни слова.

Многие великие князья были большой обузой для сотрудников тех учреждений, которые они возглавляли. Они всегда выдумывали истории и предъявляли требования, которые нельзя было выполнить. При этом становились немилостивыми к отказавшимся или критикующим их. Руководство великих князей было для всех только мучением.

Они вели распутный образ жизни и выбирали себе неподходящие партии для женитьбы. А это было важно: вопрос о престолонаследнике постоянно возникал, так как маленький Алексей был едва ли жизнеспособным. Действительно, оказывалось, что не видели никого, кто бы был способен занять место наследника престола.

Сам царь сильно отделился от своих родственников, чем полностью себя изолировал. К этому времени началась дружба царицы с Аней Вырубовой, с которой её свел ужасный монах Распутин. С этой Аней мы познакомились в Стрельне. Она вышла замуж за родственника Львовых, морского офицера, и жила в летней резиденции в Петергофе.⁹

Она была неэлегантная, неуклюжая женщина без особого шарма. Было непонятно, что царицу в ней притягивало. Так как отец Вырубовой был высокопоставленный чиновник при дворе, у неё была возможность быть ближе к царице, которая постепенно стала с ней неразлучна.

Распутин начал больше влиять на царицу. Она вызывала его к большим детям и верила, что он поможет, благодаря сво-

им магическим силам, спасти наследника и остановить кровотечение. Она верила в мистическую силу его молитвы, в его пророчества.

Все остальные истории о её отношениях с Распутиным были ложью, но нельзя отрицать, что Распутин использовал свое влияние в конкретных целях, добивался назначения и отставки министров, разрушал их карьеры. Тем самым он натворил много бед, что в результате привело к плохому концу.

В те три лета, которые мы провели в Стрельне, мы часто видели, как императорская семья приезжала на машинах на манёвры. Дороги, по которым они ехали, были перекрыты полицейскими и очищены от людей, но нас они знали, поэтому нам разрешали остаться. Царская семья нас милостиво приветствовала. Это доставляло мальчикам удовольствие.

Дважды в неделю в парке Петергофа выступали различные оркестры, тогда элегантно одетые жители ближайших дачных поселков длинными рядами прибывали в своих автомобилях или экипажах, чтобы послушать музыку и чтобы дамы могли показать свои шикарные туалеты.

Тёплые летние вечера были прекрасны. Львовы часто брали нас с собой. Мне было очень интересно увидеть придворное общество и светских дам в другой обстановке. Иногда нам доводилось видеть маленьких великих княгинь и их сопровождение.

Царь и царица никогда не появлялись, но великие князья были частыми гостями. Князь Львов знал всех известных личностей, которые в то время играли большую роль в жизни общества.

Петергофский дворец был построен по подобию Версаля, террасы, фонтаны были великолепны. Их включали раз в неделю, и это было волшебно. Берег моря также был посещаемым местом. Императорская семья жила не в петергофском дворце, а в маленьком коттедже, который располагался за оградой парка и находился под усиленной охраной¹⁰.

Парк граничил с морем, и царь часами сидел один в лодке. В отдалении дежурила охрана, и никакие транспортные средства не могли проходить по близости. Охранники должны были делать это так, чтобы не мешать царю, так как пребывание в одиночестве было для него необходимым отдыхом для нервов.

Императорская семья любила Петергоф. Когда стало тепло, они переехали из Царского Села туда. В петербургском Зимнем дворце они почти не жили. Позднее они ездили на своей яхте в Финские шхеры, где на маленьких островах они устраивали пикники, наслаждаясь дружеским семейным общением. Их семья была очень счастливой, насколько это позволяло здоровье наследника престола.

Три лета, которые мы провели в Стрельне, были роскошными для нас. У Львовых было всегда весело, даже в маленьком кругу друзей. Они были знакомы с командиром уланов, который очень часто на их террасе устраивал музыкальные вечера. Играл оркестр, затем русские солдаты весело танцевали и пели красивые русские народные песни, по большей мере очень грустные, в которых так хорошо выражается русская душа.

У нас также было много гостей. Одним летом у папы было много хлопот и работы из-за эпидемии холеры. Он и мы, слава Богу, не заболели ей. Эта болезнь собрала много жертв.

По несколько случаев холеры бывало в Петербурге каждый год, но внимание на болезнь обращали, только когда наступала эпидемия. Бывала в Петербурге и проказа, и папа основывал больницу и колонию для больных проказой.

Благодаря благотворительным мероприятиям он собирал необходимые деньги. Также и сумасшедшие дома находились под контролем губернатора, их необходимо было осматривать.

Папа особенно этим интересовался, так как всегда при этом вспоминал о своей юношеской мечте стать невропатологом и всегда при посещении задумывался, не упустил ли он свой шанс в этой профессии.

Несмотря на весёлое лето, я была рада, когда осенью мы снова переехали в Петербург в наш красивый дом. От нашей первой квартиры мы должны были отказаться, так как оплата за неё очень сильно возросла и для нас стала слишком дорогой.

Мы нашли другую подходящую квартиру в том же самом районе Петербурга, который нам очень нравился. Именно из этой квартиры мы поехали в Пензу.

На Рождество детей приглашали на ёлку в русские дома. Это был совсем другой праздник, не такой, как у нас, длинный и не такой красивый. Наши любимые рождественские песни русские не знают. Они едва ли видели настоящее рождественское дерево. Это был только повод, чтобы дети могли весело танцевать вокруг ёлки и получить подарки. Рождение Христа было отодвинуто на задний план.

Для русских Пасха – самый большой церковный и христианский праздник. Его они празднуют великолепно. Они готовятся во время поста, и в пасхальную ночь в церкви начинаются великолепные празднества с прекрасным пением и шествием вокруг церкви в процессии с фонариками и пением молитв. Я участвовала в этой церемонии, и это осталось для меня незабываемым. Особенно красиво мы праздновали пасху в Пензе. ...

... Как только наши мальчики пошли в школу, они сразу же принесли скарлатину в дом. Тосси сидел рядом с учеником, болевшим скарлатиной, и заразился от него. Врач потребовал, чтобы двух других детей отделили от больного. Так мы остались с Тосси и с медсестрой в малой мастерской, а папа переехал с няней и Палей и Мак в маленькую квартиру родственников на Екатерингофском проспекте.

Болезнь оказалась неопасной. Скоро Тосси стал очень забавным. Я читала ему вслух часами. Мы вырезали картинки. В это время оставшиеся дети гуляли под нашими окнами и махали нам очень трогательно.

Попс приходил в свободное время, и я выходила на прогулку, чтобы поболтать с ним. Обычно он останавливался перед входной дверью, чтобы не заразиться, и я, одетая в чистое платье, выскальзывала к нему.

Я рассказывала последние хорошие новости о своем маленьком пациенте: он увлеченно играл в кроватке и стал очень упитанным, потому что еда была ему по вкусу. Другим детям заражение уже не угрожало. Мы снова могли чувствовать себя беззаботными и начали уже страдать от разделённого двойного хозяйства.

Однажды утром пришел Попс и радостно закричал: «Представь, меня назначили губернатором Пензы». Я быстро оделась и вышла к нему. Для него это было большим продвижением по службе, к тому же совершенно неожиданным.

Столыпин вызвал его к себе и спросил, не хочет ли он занять этот пост.¹¹ Он с радостью согласился. Пенза – красивая губерния, расположенная южнее Москвы на Сибирской железной дороге. Это одна из старейших губерний. У старого русского дворянства были там поместья.

Попс был счастлив. Теперь он мог самостоятельно проводить аграрную реформу, предложенную великим человеком, не прося разрешения у начальников. Наконец-то настало время, когда он мог работать в полную силу.

Я была рада за него, но одновременно я чувствовала сожаление. Ведь наша чудесная жизнь в Питере закончилась. Сколько у нас было здесь хороших, добрых друзей! Какой счастливой была наша семейная жизнь! Мальчики пошли в школу и были этому рады. У Марии было много маленьких друзей. Мы все не хотели уезжать.

А я особенно боялась новых для меня обязанностей губернаторши, так как после жизни в Архангельске я уже знала, что такое русская провинция.¹²

Вскоре пришло письмо от тогдашнего вице-губернатора Алексея Александровича Толстого, который прислал план

будущего нашего дома и спрашивал о распоряжениях касательно него.

Это был красивый, большой белый дом. Внизу располагалась канцелярия губернатора, на втором этаже – приемные помещения с большим двусветным залом. Наверху – наши личные комнаты. Вице-губернатор писал, что комнаты частично меблированы.

Итак, мы вступали на новый уровень отношений. Во всем прослеживался абсолютно другой масштаб. А ведь у нас не было никакого владения и дополнительных доходов, мы должны были рассчитывать только на служебное жалование папы.

Губернатор получал, помимо представительских денег, 10000 рублей, то есть 20000 марок. Но сколько у него появлялось обязательств! Нам уже нельзя жить по-прежнему.

Сейчас мы держали одного повара, одного слугу, няню и гувернантку, и ещё одна француженка приходила три раза в неделю после обеда.

В Пензе весь персонал должен быть удвоен. Наша няня больше всего гордилась назначением Попса на эту должность. С большой радостью она отправилась в провинцию. В декабре мы получили назначение¹³, на Рождество мы были еще в Петербурге, а к первому января переселились в Пензу.

г. Претц (Preetz), 12 февраля 1940 года.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Папа, Тош, Попс – это домашние имена Анатолия Павловича фон Лиленфельд-Тоаля. Мемуаристка так называет своего мужа, потому что воспоминания писались для дочери и сыновей.

2. Имеется в виду первая русская революция 1905-1907 годов. А. Д. Зиновьев служил петербургским губернатором в 1903-1911 годах.

3. Лиленфельды, происходя из остзейских немцев, были лютеранами.

4. Мемуаристка, видимо, ошибается. Известно о четырёх сыновьях А. Д. Зиновьева. Старший, Александр, погиб на русско-японской войне. Георгий будет убит на Первой мировой.

5. Зиновьевы – один из старейших и богатых русских дворянских родов. Интересно, что с дедом петербургского губернатора учился в Лейпциге А. Н. Радищев. Им принадлежало много имений, в том числе Копорье в Петербургской губернии.

6. Великим постом театральные представления, как и другие массовые увеселения, в России не разрешались.

7. У будущего пензенского губернатора было трое детей: сыновья Пауль (Паля, род. в 1900 г.) и Анатолий-Отто (Тосси, род. в 1902 г.), и дочь Мария (Мак, род. в 1906 г.). Сыновья Марии Петер и Ханнес Лоренцен передали мне воспоминания своей бабушки.

8. Сама мемуаристка бегло говорила по-русски, что очень помогло ей в Пензе.

9. Вырубова Анна Александровна, урожд. Танеева, была дочерью главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярией. В Пензенской губернии у Вырубовых находилось родовое имение Колтовское (ныне Колышлейского района).

10. В Александрии, расположенной рядом с Петергофом. Ныне это филиал Петергофского музея-заповедника. Дворцы восстановлены, там проводятся экскурсии.

11. О событиях, предшествовавших этому назначению, рассказывается в воспоминаниях предыдущего пензенского губернатора И. Ф. Кошко.

12. До службы в Петербурге А. П. фон Лилиенфельд-Тоаль служил вице-губернатором в Архангельске.

13. Назначение состоялось 2 ноября 1910 года (ст. стиль).

Антон Инюшев, Юрий Фадеев

Галерея современного искусства в Пензе: необходимость или утопия?

Пензенский Монмартр

Художников в Пензе много.

Ежегодно училище им. Савицкого выпускает 40-50 живописцев, графиков, скульпторов, дизайнеров. Если считать всех, кто закончил обучение в 70-х годах прошлого столетия и позже, то сейчас активно работают около 2000 художников.

Кроме того, знания и навыки художественного творчества дают педагогический и строительный университеты, архитектурный колледж.

А еще есть самоучки. Причем не связанные канонами, законами, школами, они творят раскованно и креативно.

В общем, Пенза по концентрации художников напоминает Монмартр в его лучшие годы. И это прекрасно.

Такое насыщенное творчеством пространство заставляет искать, пробовать, выдумывать. Заставляет экспериментировать не только с техникой, цветом, светом, композицией, но и со смыслами, создавая современное искусство.

Но существует НО. И, к сожалению, не одно.

Говорят художники

Наталья Сюзева:

– Произведения искусства покупают в последнюю очередь, когда уже есть все у человека. Мои картины очень нравятся интеллигенции – учителям, врачам. Но при их заработной плате

они не могут вообще себе ничего позволить. Поэтому я езжу в Самару, Тольятти. Там уровень жизни выше, там у меня есть продажи. На это и живу.

Мало картину нарисовать. Ты должен ее оформить в хорошую раму и умудриться продать. У нас в городе количество художников на душу населения зашкаливает. А покупателей на эту «душу» нет.

Виктор Норкин:

– Я бы не сказал, что живопись меня сильно кормит. Для «кормления» приходится заниматься написанием копий. С выставок бывают продажи, но не всегда они успешны. Особенно в последнее время. С этим кризисом дело сильно заглохло.

В Пензе нет коллекционеров, нет искусствоведов, нет критиков. Я не слышал, чтобы на выставку пришел искусствовед или критик и начал бы обласкивать или ругать картины. Потому что ругать – это тоже нужно, чтобы подстегнуть человека или направить куда-то.

Александр Фокин:

– Назовите в Пензе хоть одного мецената, способного приобрести произведение по цене своего хорошего автомобиля. Я не говорю уже о прикладных вещах. Почти все пензенские художники работают в рамках традиционной классики «передвижничества»: пейзажики, натюрмортики, портретики.

«Галерея на Дворянской»

В Пензе есть Картинная галерея им. Савицкого, пробиться в которую удастся далеко не всем. Есть маленький зал Союза художников, в котором можно проводить персональные выставки камерного формата. Но большинству художников выставить свои работы негде.

И все-таки среди публики сохраняется интерес к художественному творчеству. Об этом свидетельствует опыт первой частной галереи – «Галереи на Дворянской».

В 2005 г. предприниматель Андрей Филин вложил деньги в создание галереи современного искусства. Художник Константин Никитский нашел помещение площадью порядка 300 кв. м. Художники стали приносить картины, помогали делать экспозиции.

По словам первого директора галереи Георгия Гаврилова, одновременно в галерее выставлялось около 200 работ. И были запасники. Постоянно проводили выставки.

«На Дворянскую» ходили экскурсии, там устраивались занятия для студентов-художников, мастер-классы. Постепенно галерея обретала известность, становилась одним из культурных центров города.

Картины покупали не только местные ценители искусства, но и клиенты из Германии, Польши, Израиля.

Два раза выезжали на выставку в Манеж в Москву. Вывозили по 50-60 картин. На выставке в Манеже все 3 дня было много посетителей вокруг экспозиции пензенских художников.

Один олигарх захотел купить все картины оптом, но по цене ширпотреба. От такого предложения отказались.

«Галерея на Дворянской» просуществовала 3 года. В целом она была успешной, собрала свою долю славы. Галеристы звонят до сих пор, ибо остался сайт «Художники Пензы».

Говорят художники

Виктор Норкин:

– Когда я делаю выставки, на открытие я зову своих друзей. Плюс люди приходят и со стороны. То есть на открытиях бывает много народу. А вот дальше я процесс не отслеживал.

Когда мои работы висели в Картинной галерее, Сазонов мне говорил: «Ты знаешь, люди интересуются, сборы хорошие».

Наталья Сюзева:

– Так как у нас нет выставочного зала хорошего, у нас нет и культуры смотрения картин, и культуры хождения в галереи.

В той же Самаре несколько галерей. Постоянно идут выставки, постоянно открытия. У людей есть привычка и потребность ходить на эти открытия. Это всегда праздник.

У нас такого нет. У нас и художников-то никто не знает. Это замкнутый круг.

Власть и живопись

Организация галереи современного искусства могла бы этот круг разорвать. Нет только согласия в том, кто ее должен организовать – власть или бизнес.

В принципе власть ничего художникам не должна. Боролись за свободу творчества, без идеологического и иного контроля, – получайте. Это в советское время художники обслуживали строй, идеологию.

Соответственно и отношение к ним было другое. Были госзаказы, госзакупки, были плакаты – за них неплохо платили. И те, кто умел сотрудничать с властью, катались как сыр в масле. Конечно, по советским меркам.

Сейчас художники в свободном полете, а это сложно.

Тем не менее, у самих художников отношение к власти примерно такое: не мешают, и то хорошо. Они прекрасно понимают, что организация галереи современного искусства – дело затратное, а регион наш дотационный. Поэтому не очень верят, что власть вдруг возьмется за дело, результаты которого можно увидеть через много лет.

Говорят художники

Наталья Сюзева:

– Слава Богу, власти не отобрали мастерские. Мы платим не по коммерческим ценам, а как квартиросъемщики. Благодарить за это стоит нашу администрацию. В других городах мастерские просто выставляют на аукцион.

Александр Фокин:

– Власть очень любит и гордится одаренными людьми земли пензенской. Только в основном после смерти! Госзаказов

практически нет. А если и выпадает счастливый случай – художника так нагибают, стараясь ужать, сбить цену, что радости от таких заказов мало.

Илья Шадчнев:

– Все, кто рассчитывал на культурный рост Пензы, на мой взгляд, разочаровались. Мы, видимо, должны дойти до некой критической точки, когда уедут практически все, и произведения искусства в Пензе станут редкостью. Вот тогда, наверное, найдется некий персонаж, который сделает для города что-то в этом направлении.

Виктор Норкин:

– Может быть, власть сбивает с толку, что у нас уже есть картинная галерея. Но музей или галерея современного искусства – это немного другое.

Бизнес и искусство

Пушкину было проще. Он мог искренне воскликнуть: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». А вот художникам сложнее – они продают именно вдохновенье, поэтому настоящее произведение искусства стоит дорого.

О коммерциализации искусства говорить не будем. Это отдельная тема.

Пенза – город небольшой, город небогатый.

Константин Волков, организовавший скульптурный парк «Легенда» на Чистых Прудах, – единственный серьезный меценат в Пензенской области.

Уже 4 года на Чистых Прудах проводятся симпозиумы для талантливых авторов со всего мира. За 4 года Волков собрал приличную коллекцию скульптур и картин. Помогает ему в этом скульптор Юрий Ткаченко.

Пока руководство Пензенской области говорит о развитии туризма, Константин Волков решает задачу привлечения гостей в отель на Чистых Прудах. И все благодаря скульптурному парку «Легенда».

Люди потянулись к нему, стали приезжать даже из-за границы. Одна посетительница рассказывала, что услышала о парке от своих немецких знакомых, которые видели фото и читали информацию о нём в Интернете.

Приезжая в парк, женщина отдыхает душой. Она чувствует гордость от того, что в Пензе можно куда-то привезти гостей, показать им современную скульптуру, сотворённую художниками из 55 стран.

Но всё-таки парк «Легенда» – это зона отдыха за городом. Да и скульптуры под открытым небом по нашему климату лучше смотреть, когда сверху не льет и снизу не метет.

И Константин Волков осваивает новую площадку в торгово-развлекательном центре «Ритейл-Парк» в Терновке. Открыто выставочное пространство, где показывают часть коллекции.

Говорят художники:

Илья Шадчнев:

– Уровень солидного культурного учреждения, где бы писались искусствоведческие материалы, издавались бы буклеты об отдельных авторах, пока для Пензы это нереальный уровень. Вложения в искусство, как правило, долгосрочны. А владельцы галерей заинтересованы в быстром оборачивании средств.

Пензе вполне по силам создать несколько выставочных залов. Они не должны быть огромными. Нужно много стекла, много света и место, чтобы сделать пару выставок в течение месяца, чтобы экспозиция менялась.

Наталья Сюзева:

– В Москве за возможность выставиться в Центральном Доме художника тебе надо платить. Хорошо, если он продаст твою картину. Не продаст – это твои проблемы.

По-хорошему, галерея нужна. Я всю жизнь живу в Пензе и никуда не собираюсь. Я люблю свой город, мне здесь комфортно.

но. Но, в то же время, никто меня не знает. Нет выставок, нет публикаций.

Виктор Норкин:

– Когда я учился, я ходил по ул. Московской и думал, что выставочный зал нужно поставить так, чтобы здание проходило через дорогу. Чтобы люди проходили сквозь него. Если бы люди видели это, они заходили бы внутрь или хотя бы смотрели, когда мимо проходили.

Неиспользованный ресурс

Художников в Пензе много. Хороших и разных. Но пока это бесхозный ресурс. И в поисках лучшей жизни они потянулись в другие места. И вроде бы в Самаре до 40% художников родом из Пензы.

Казалось бы, отчего не создать центр – или даже центры – современного искусства? Власть и бизнес могли бы договориться, как лучше это сделать.

И чтобы всем было хорошо. Художники пристроены. Бизнес имеет свой доход от туристов. Власть ходит в ореоле покровительницы искусств и собирает налоги от туризма, от продажи картин.

И художникам не надо уезжать из Пензы. Пусть покупатели приезжают к нам. И можно даже устроить какие-нибудь фестивали, аукционы, скажем, «Весенний вернисаж», «Осенний вернисаж».

Так что для Пензенской области создание галереи современного искусства могло бы стать неплохим долгосрочным вложением. К тому же произведения, собранные там, имеют склонность стареть с каждым годом.

Вот «Третьяковка» – классика русской живописи в лучшем значении слова. Но вообще-то Павел Михайлович Третьяков собирал современное ему искусство – Васнецова, Репина и Ге.

Неизбежно появятся свои искусствоведы и художественные критики – писать статьи и каталоги.

Своя багетная мастерская. Галерея не должна брать с художников деньги за рамки.

Арт-кафе: место, где художники будут выяснять, кто из них гениальнее.

И самое главное: это нужно Пензе. Художники могут без всего этого и обойтись. Ведь художник – это не тот, кто рисует. Художник – это тот, кто не может не рисовать.

Говорят художники

Наталья Сюзева:

– Я просто не могу не рисовать. Если я вдруг три дня не крашу, я зверею просто. Я не могу без этого жить. Поэтому я и живу такой жизнью. А, в общем-то, это вопреки всему.

Виктор Норкин:

– Художник пишет для того, чтобы показывать это. Хотя я всегда говорю, что пишу в основном для себя. Мне хочется этим заниматься, и все. Если я, скажем, месяц этим не занимаюсь, меня что-то точить начинает.

Выпуски: подражание Гаспарову

«Критика происходит от греческого слова, означающего «судить»; следовательно, в обширном значении, критика есть то же, что «суждение».

Виссарион Белинский «Речь о критике». Собрание сочинений в трех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы. Том 2. Статьи и рецензии. 1841-184. Стр. 348.

* * *

«Скука настолько невыносима, что люди готовы рисковать жизнью, лишь бы ее избежать».

Исаак Башевис Зингер. Начало. Из сборника «Любовь и изгнание». «Иностранная литература», 2005, № 10, стр. 199.

Юрий Фадеев

Юрий Самсонов: последний русский поэт

Привычно, как молитву, произносим: Радищев, Лермонтов, Белинский, Куприн, Мейерхольд. Они из пензенского края! Расправляем плечи и задираем нос перед приезжими.

А чему радуемся? Поглядел бы я на этих великих, если бы, чуть войдя в разум, не сделали ноги из чухонских Афин.

Вот Юрий Самсонов – великий русский поэт, всю жизнь обретался у нас под боком. И кто его знает?

А ведь знаменитый Рубцов не дотягивает до уровня Самсонова. Да и другим «гениям» нужно потесниться на Парнасе, ибо занимают не свое место.

У Бутурлинских родников

Отец Юрия Самсонова, старший лейтенант Борис Михайлович Самсонов, служил в армии по ветеринарной части. Однажды старшему лейтенанту выпала командировка в родные места – в село Новый Кряжим. Здесь он быстренько сотворил Юру и вновь отбыл к месту службы.

Мать, Зинаида Гавриловна, – учительница начальных классов, племянница Алексея Ефимовича Махалина. Того самого Махалина, который погиб в рукопашной схватке с японцами у озера Хасан в 1938 г. Посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза. А село Новый Кряжим переименовали в

Юрий Фадеев, 63 года, прозаик, поэт, литературный критик, журналист, автор цикла неопубликованных романов о начале христианства и книги стихов «Беседы с ветром». Зарабатывает на жизнь статьями в газете «Улица Московская» и книгами по корпоративной истории.

Махалино. Значит, Махалину Юра Самсонов доводится внучатым племянником.

Родился Юра 7 мая 1939 г. на том конце села, который назывался Татьёво. Там и началось его детство.

Отец Юры, Борис Михайлович, вернулся домой только в 1946 г. Довелось ему повоевать еще и с бандеровцами. Вернулся раненый. Хоть и был он по образованию веттехник, а назначили работать ветврачом.

Из Махалина переехали в Казаковку. Юре еще было мало лет, он даже в школу не ходил. Но помнит, что переезжали с козой.

Отец рисовал хорошо. Поэзию страшно любил. И даже сам стихи писал. Только ни одного не сохранилось, а Юра по младости не запомнил.

Вдоль своих сел, где лечил живность, Борис Михайлович ездил на рессорке. И брал Юру с собой.

Полевая дорога вела из Казаковки через Козлятовку в Бутурлинку. Юра держит вожжи. Отец из-под сиденья достает старую газету «Правда» с «Теркиным». И начинает читать.

А вокруг – необъятные просторы. Высокое небо. От птичьих голосов дрожит теплый, напоенный запахами трав вольный воздух.

– Едем. Кукушки. Страх, какие кукушки. Цветов столько никогда не будет. Возле родника останавливались, пили воду, – говорит поэт.

Вот они – истоки.

В ту пору начали с Юрой приключаться разные беды.

– У отца в ветлечебнице были две лошади – Голубка и Васька. Я им вредил. При обмолоте проса возьми и сунь Голубке под хвост прут. Она обернулась (помню точно: поглядела на меня удручающе) и лягнула. Да так, что и сейчас дух захватывает, – говорит поэт.

Сенокос. Взрослые как-то упустили из глаз детвору, и Юра с братом взялись съезжать на гузнах с омета.

– А поскольку мне всегда везет, как утопленнику, угораздило угодить меж рогатинами деревянных вил, приставленных к омету вверх зубьями. Хорошо хоть у злосчастливого инструмента не оказалось в середине острого железного тычка. Вышел бы из головы где-то у темечка, – говорит поэт.

Мать захотела нарвать черники. Приехали вечером в Явлейку. Переночевали в домике Хилковых. Пока взрослые разговаривали и пили чай, Юра учился плавать на необъятном кристальном пруду. И вдруг втемяшилось в дурью башку: рискуя жизнью, переплыл весь пруд.

Осенью в Казаковке приключилась новая беда. Отец купил снегурки. Юра быстро подобрал коньки и дунул на Средний пруд. Стоял ноябрь. На пруду уже схватился тоненький ледок. Юра и раскатился от берега.

Лед треснул. Юра ухнул в ледяную воду: до дна не достать, берега не видать. Лед не держал, вылезти нельзя. Ломая края полыньи, Юра упорно продвигался к берегу. Одежда намочка, тянула вниз. Вода леденила. Спасла только бешеная жажда жить. И то, что Юра научился плавать.

И вдруг ощутил под ногами дно. Встал. Вода по шейку. А силы кончились. Хуже – исчезло само желание спастись. И все-таки Юра медленно брел к берегу. Нащупает ногами дно и идет. Так и вылез.

Одежда мигом превратилась в обледенелый короб. До дома уже не добраться.

Юре повезло: через пруд шел сторож из амбулатории, татарин. Сына своего начальника он знал, спросил:

– Ты чего?

А сам уже сгреб мальчишку в охапку, потащил в сторожку. Разбил лед на одежке, снял с Юры все до последней промокшей нитки – и на печку, под тяжеленный тулуп.

Неумный талант Юры рвался из него уже в детстве. Уже тогда он был озорник и проказник.

Однажды приехал в Махалино Кузнецкий кукольный те-

атр. Юру поразило не то, что куклы умеют двигаться и разговаривать. Он понял, что в основе всего действия лежат кем-то сочиненные слова. И подумал: а вдруг я тоже так смогу написать?

В первый класс Юра идти не очень хотел. Читать-писать уже умел, и хватит. Он больше любил ходить на Няневскую гору за опенками. И все время думал: зачем он на этой земле?

Первые стихи

Творчество у Юры начиналось с частушек.

– Село той поры было переполнено балалайками и гармониями, почитай, через двор. Приныхрился где втайне, где въязь клепать частушки и пускать их вдоль деревни. Невинное озорство порой выливалось в недурную частушку, что распевалась затем всем селом под балалайку либо гармонию. Я имел на своем счету сотни сочиненных таким образом вещиц, в большинстве пересыпанных матом, но с добрым по возможности уклоном. Интересно слушать вечерами у дворов или на гулянках, как взрослые горланили мои рифмовки. Кто испытал подобное, может подтвердить, что пережил: не иначе – блаженство. Другого слова и не подберу. Некоторые и посейчас на свадьбах нет-нет и прозвучат, – говорит поэт.

Раз уж все село с гармониями, то и Юра возмечтал о ней. Уже с четвертого класса в летние месяцы изо всех силенок работал, где придется.

На сепараторном пункте сушил казеин – самый лучший клей для самолетов.

Строили на Сюзюм дорогу. С речки на трех телегах возили бульжники и обкладывали дорогу. За лето уложили. Распоряжался всем дядя Ваня Колдун.

– Когда мост через овраг делали, пленные немцы вырыли столько костей: страх. И на лужку сложили. Потом приехал из Москвы какой-то профессор и все забрал, – говорит поэт.

После пятого класса летом Юра месил раствор. Ветлечеб-

ница и два дома построены, можно сказать, на его костях. Бригадир, Пиунов Николай, заставлял по девять кирпичей таскать на второй этаж. А Юре по малолетству этого делать было нельзя.

Тем временем, в пятом или шестом классе, за давностью лет Юра уже не помнит, всучили ему нагрузку по пионерской линии: быть редактором стенной печати в школе.

Кто знает, как делались эти газеты, украшавшие стены любой организации, поймет, что нагрузка была не шуточная: весь спрос был с редактора, а помощников ни одного.

Так что был Юра един в трех лицах: редактор, художник и корреспондент. А он, озорник, не одну газету делал, а сразу две. Одну, как и положено, вывешивали в коридоре школы.

Но Юра одному-двум шепнет в классе: на перемене не уходите. Все в нетерпенье ждут звонка, но за дверь ни ногой. Тут Юра широким жестом разворачивал другую газету: про учителей. Ее читали взахлеб. И не только друзья-одноклассники, в учительской тоже прилежно изучали, но в воспитательных целях редактора вызывали и делали нахлобучку.

Однако поругают-поругают, а газету всё равно больше делать некому.

Вот так со школьной скамьи познал Юра силу печатного слова.

Потом он заработал на гармонь. К этому времени все уже знали, что Самсонов – это работяга.

С гармонью, знамо дело, и частушки справней. По ним стал Юра большой мастак.

– Рифмовки сии, как выяснилось позже, дали мне изрядный опыт. Но началом писательской биографии считаю печатание лирических (и сатирических тоже) миниатюр, рассказов, очерков и т. д. в колхозной многотиражке «Махалинец», где мне вменили оформлять вставку «На острие пера». В те годы меня здорово печатала районка и «Кузнецкий рабочий», – говорит поэт.

В 15 лет по сельским меркам был Юра уже парень взрослый, самостоятельный. Ему доверили ручной помпой откачивать бензин: 2 тысячи качков – 8 рублей.

Бензин в ту пору выпускали этилированный. Никаких тебе противогазов или спецодежды. Организм у Юры еще неокрепший. Возможно, впоследствии это и сказалось на здоровье.

Но ему 15 лет. У него гармонь. А девки на селе голосистые. А тут – черемуха цветет. А тут – соловьи запузывают. И Юра с гармошкой в одной руке, с девичей в другой по всем махалинским оврагам... В общем, распрямись, трава высокая, тайну свято сохрани.

Первая слава

После седьмого класса Юра поступил в Пензенское художественное училище, ждал вызова. Но родители письма прятали: в это время они строили дом, денег не хватало. Решили, что содержать сына-студента в Пензе накладно.

Пришлось Юре продолжать учение в Махалинской школе.

Тут случилось так, что приехал Малютин Николай Николаевич, редактор районной газеты, любитель выпить крепенько. С ним Виноградов Сергей Дмитриевич, кузнецкий поэт.

Малютин говорит:

– Ну что, поедешь на 5-й съезд рабселькоров?

Съезд проходил в Пензе, в клубе имени Дзержинского. Юра поехал. Тут к нему вновь подступил Малютин:

– Юр, выручай. Понимаешь, хотел выступить, но сам видишь: под мухой. Давай ты.

Юра тут разволновался: шутка ли – столько людей! Из Москвы приехали, из газеты «Сельская жизнь». Но не даром он стихата прихватил с собой.

– Ты вот что, ты посиди тут на скамейке и по-быстрому поздравление сделай, – наставлял старший товарищ.

Юра посидел. Минут за 15 написал поздравление в стихах: бывает такое совпадение, когда всё получается.

И вот Юра на трибуне. Сначала прочитал поздравление, потом стихи, потом сказал пару-тройку слов. И запомнился: и молодостью, и свежестью своих стихов.

К нему подошел Доронин. Был такой поэт, вроде бы даже из Пензы. Он вел в «Сельской жизни» рубрику «О чем поют народные родники». Или что-то подобное.

Юра сфотографировался с Дорониным и с Бутусовым на память. Бутусов был тогда первым секретарем Пензенского обкома КПСС.

Доронин в «Сельской жизни» напечатал 3 или 4 стихотворения Самсонова. И не оставлял заботы о молодом таланте, требовал, чтобы тот присылал новые стихи, настаивал: пиши.

И Юра писал. И стихи, и повесть «Именины».

Изломы судьбы

В то время, когда Юра только начинал слагать вирши, всё ему казалось подвластным. И всё – на голом таланте, на дерзости, присущей молодости. Каждое стихотворение словно излучает счастье. И каждое пронизывает чистая, как родник, песенность.

Происходило это не от заемной романтики: от обыкновенной радости бытия. Да и село тех лет немало способствовало такому восприятию жизни. Народу много, все молоды, все веселы, трудолюбивы. Замки на дверях не запираются, а просто показывают, что хозяев нету дома.

И главное: все были друг другу искренне рады. Жизнь бедная, но открытая, вся устремленная в будущее, где все обязательно будет прекрасно.

Как уверен Юра был в себе!

Как жадно принимал жизнь!

Как легко писал стихи!

– У меня выпал десятый класс. Я совсем не учился. А меня на серебряную медаль тянули, – говорит поэт.

После школы, в 1956 г., Юра сдавал экзамены в индустри-

альный институт в Пензе: четыре пятерки, одна тройка. Не прошел по конкурсу. Поступил в Кузнецкий техникум. Получил специальность – мастер овчинно-шубного производства. Затем был завод.

Затем...

С пятого на десятое Юрий Борисович вспоминает, как году, кажется, в 58-м, когда ему было 19 лет, ходил кочегаром на пароходе. Привез оттуда две строчки:

На Суэцком на канале
негры жопу нам казали...

Два месяца стояли у Мадагаскара. На берег никого не пускали.

– Мне сказали: помалкивай, где был. Это секрет. Я подписку давал, – говорит поэт.

Обманули тогда: на берег не пустили. Так что он по Мадагаскару не погулял и местных баб не полюбил. И по контракту не заплатили, сколько обещали. Однако по тем временам получил Юра огромные деньги. Вернувшись в Махалино, сразу решил строить себе дом. Было ему 19 лет.

Тут же принялся за дело. И хотя дома еще не было, хозяйка в нем уже объявилась.

В феврале 1959 г. Пензенскую область посетил Борис Полевой. В селе Махалино вышел на крыльцо, одноглазый:

– Ну, братцы-махалинцы...

Слушал Полевого и Юра. И сказал себе: я буду лучше тебя.

Вызнал где-то адрес Асеева и послал ему рукопись. На удивление, Асеев не задержался с ответом:

«При первой же возможности постараюсь напечатать ваши стихи в Москве. Но здесь свои толкуются, как цыгане на ярмарке».

Юра воскресил. Надеялся на книжку. Однако Асеев был уже болен и выполнить свое обещание не сумел. А вскоре и помер (в 1963 г.).

Тем не менее, о письме пошел слух. В Махалино приехали пензенские литераторы Георгий Крылов и Лариса Яшина. Зашли к поэту: как бы письмо почитать? Да где бы переночевать...

А тут дом строится, хлопот полон рот. А хозяйке почему-то гости не глянулись. Видя такие дела, Георгий развернулся:

– Ну ладно, мы пошли.

Юре перед гостями неудобно.

– А если я вас устраю?

Переночевали гости в новом доме, а там даже пола нет, только перерубы.

Наутро поговорили, письмо приезжие забрали. Потом с пензенского телевидения приехали с аппаратурой. Юра в ту пору электриком работал, на столб лазил – оттуда поэзию читал. Передача называлась «Рабочий-поэт». Душевная получилась передача. Ю. Б. о ней до сих пор вспоминает. Однако письмо так и не вернулось к своему хозяину.

– Я стоял перед выбором: ехать самому в столицу и пробиваться или организовать семью и остаться в деревне. Победило второе, – говорит поэт.

Много чего Ю. Б. перепробовал в своей жизни: работал прицепщиком, пастухом, сварщиком, трактористом.

А всего в трудовой книжке Ю. Б. имеется 57 записей о переходе с работы на работу. Словно все хотел охватить и впитать и взглядом, и сердцем.

– Работал как вол. Не то что зверски, а прямо-таки скотски, на износ. Не тер к носу, что от трудов праведных не нажиться. Цель вкалывания: подкопить начальный капитал, чтобы свободно писать, ни от кого не завися... Наивный колхозный лапоть! – говорит о себе поэт.

Строптивый внучок

Чего уж лучше: сам Асеев отметил стихи. Передача на телевидении прошла. Ноги в руки – и беги скорей в издательство, носи рукописи.

Но время наступило такое, когда на всё полагалась разрядка.

Видимо, лимит на таланты в Пензе был давно исчерпан: где-то наверху решили, что Лермонтова с Белинским, Радищева с Куприным для Пензы вполне достаточно. В какую-то щелочку успела проскользнуть Дина Злобина: ее печатали центральные издательства.

Из Юры талант, что называется, пер недуром. И потому ему приходилось особенно тяжко. К раздаче, когда в Пензе еще существовало свое издательство, он не успел. Почему-то Анисимова, бабушка пензенских литераторов, не привечала Юру. Видимо, строптив был внучок. Говорила: рано, тебе еще надо кита съесть. Это к тому, что в рыбе много фосфору: почему-то Анисимова считала кита рыбой.

Судя по устным воспоминаниям, как раз в ту пору пензенские издатели отлавливали поэтов прямо на улице и слезно молили принести с десятка стихов, чтобы выпустить книжку.

Но в 1961 г. в Пензе появился новый второй секретарь обкома КПСС. Молодой и амбициозный.

Секретарь обкома, говорят, и сам баловался стихами. А потому, считая себя знатоком, к талантам относился пренебрежительно. Требовал почитания политики КПСС в целом и своих указаний в особенности, ибо только он один и знал, как воплощать политику КПСС в жизнь в Пензенской области.

Чего уж там, у некоторых литераторов это хорошо получалось – воплощать указания.

– Я так объясняю, почему не получилось книжки в областном издательстве. Пригласили нас четверых – Смайкина, Олега Савина с его стихами, Самарина, он только в «Вокруг света» со своей прозой выступил, и меня. И как раз сменил Анисимову Почивалин. Ну, я думаю: ага! Новая метла по-новому метет.

А Почивалин такое давление на меня создал: ни пикнуть, ни вздохнуть. А почему невзлюбил, не знаю. Бывает так: мо-

жет с первого взгляда невзлюбить. Обсудили рукописи. Потом пошли в ресторан. А у меня, как всегда, денег нет, я на копейках сидел. Мне в ресторан идти, значит, на их счет пить. Я же не знал, что они тогда деньги от Союза писателей взяли, тогда богато было, мне никто не сказал. А можно было бы посидеть. Я тогда, можно сказать, и не пил, с первой рюмки пьянел.

Посидели они в ресторане «Россия», выпили, всё обмозговали. И книги у Савина и Смайкина прошли. А моя рукопись осталась с боку-припеку. С этого началось, – говорит поэт.

Для Ю. Б. – это годы исканий и метаний.

Помотался он по белу свету. Четыре раза поступал в институт. Первый – это индустриальный в Пензе, в который не прошел. А дальше поступал успешно: в Ашхабаде в университет имени Горького на факультет русского языка и литературы. В Челябинске. В Пензе в педагогический.

А еще умудрился поступить в танковое училище. И даже начал учиться. Но подхватил грипп. Началось осложнение. И Юру комиссовали.

Однажды чуть не подался в артисты. Но подробности этого дела Ю. Б. рассказывать не захотел.

Ашхабад, Комсомольск-на-Амуре, Челябинск, Кара-Калпакия... И отовсюду Ю. Б. неизменно возвращался в родные края.

К середине 70-х деревенскую тему, с которой выступил Ю. Б., расхватали ушлые виршеплеты и уже затрепали.

Вот Юрий Самсонов: молодой, красивый, косяк сажень в плечах, все девки его. От сохи. А про соху пишет не так, как положено. Деревенщина, а не просит поучить уму-разуму с приличествующим смирением во взоре.

– Приезжаю в Ашхабад. С женой. Я гордый такой: прямо дух пустыни. А тут орешник стоит. Я рот разинул и в арык упал. С писателями местными познакомился. И приехал Тихонов. Среди ночи ему, пьяному, восхотелось устриц. И мы с

Юркой Рябининым бегали для Тихонова за устрицами. Мои стихи перевели на местный. И книжку издали. А мне не дали. И гонорар тоже, – говорит поэт.

В другой раз очутился Ю. Б. в Нукусе, столице Кара-Калпакии.

– Ответственный секретарь Каракалпакского союза писателей Талыбай Кабулов вручил мне медаль Бердаха. За лучшую подборку стихов в республиканской печати, – говорит поэт.

Медаль эта по тем временам потяжелее будет нынешних Букеров.

И все равно всю свою жизнь Ю. Б. был типичным русским неудачником: и силы вдоволь, и таланта сверх меры, и трудолюбием не обделен. А вот умеет сам себе создавать трудности, умеет сам себе корежить жизнь, наживать врагов. Короче, не знает, где лизнуть, где гавкнуть. И всегда прет наобум лазаря и поперек батьки прямо на рожон.

Письмо

Случилось так, что с 1961 г. по 1986 г. литература пензенского края зависела от вкусов одного очень крупного краеведа. В результате того, что он лично определял, кто будет печататься, какая литература и какие литераторы нужны, была нарушена преемственность. Канули бесследно одно или два поэтических поколения: кто спился, кто помер, кто забросил стихи, только нет их в литературной жизни Пензы.

Общая судьба ожидала и Ю. Б. – спиться и раствориться в безвестности.

Но в 1986 г. выдающегося краеведа нашей области Горбачев забрал в Фонд культуры.

Может быть, это совпадение, но почти сразу, учитывая производственный цикл журнала, Ю. Б. напечатали в «Волге».

– Неожиданно в «Волге» напечатали целую подборку моих

стихов, да ещё и наградили премией журнала «За лучшее произведение года», – говорит поэт.

И вот в село Синодское Шемышейского района, где в это время обретался Ю. Б., пришло письмо. Писал поэт Благов из Ульяновска. Один поэт, признанный, имеющий определенный вес в советской литературе, писал другому поэту:

«Я очень порадовался, прочитав в № 2 «Волги» подборку твоих стихов, и понял, что «Волга» ещё не обмелела, не заилилась. Давно, просто очень давно не приходилось читать лирику такой исконной, скопленной в тиши пензенского села спокойной мощи, доброты, способной на такой хороший, заглублинный в точное художественное совершенство юмор, иронию ли – в общем, русского мужицкого не пошатнувшегося после стольких потерь характера. Мне показалась эта подборка открытием, каким является выявление подлинного, незамутненного, свежего дарования. Хорошего лета тебе, талантливой работы, благополучия, душевного и долгого вдохновения...»

Письмо было отправлено 18 мая 1986 г. И шибко поддержало Ю. Б., к тому времени уже отчаявшегося. Уже решившего навсегда покончить с поэзией.

Книга

Саратовское книжное издательство срочно запросило рукопись книги. Нужно было попасть в план, иначе еще год ожидания.

Ю. Б. пишет в Пензенскую писательскую организацию, поскольку рукопись там на рассмотрении. Оттуда ответ: книга пропала. Юра бросился в Пензу, и рукопись нашлась в шкафу.

На обсуждение будущей книги из Саратова специально приехали издатели. Они стихи хвалили. Кто-то даже назвал Самсонова шемышейским Есениным.

А Виктор Бубнов категорично заявил:

– Самсонов очень современный, красочный, необычный

поэт. Надо было его издавать лет десять назад. Исправляя медлительность свою, сразу же по выходе в свет, надо эту книгу Самсонова хорошенько отрекламировать на радио, на телевидении и в прессе. Когда мы научимся ценить таланты?

А вот пензенские литераторы к стихам Самсонова придирались или отмалчивались.

В сентябре 1987 г. книжку Самсонова «Я в деревне живу» сдали в набор, в 1988 г. она появилась в продаже.

Хорошая книжка. Но слишком уж с вызовом звучит название. И в самом деле: чего ждать от деревенщины? Какой такой мудрости? Какая-нибудь посконно-сермяжная дерюга, которую не прожевать.

Никто же не знал, что молодому поэту в ту пору исполнилось без одного годочка 50. Пушкина, Лермонтова к этим годам убили давно. Чаадаев спятил. Бродский Нобелевскую премию получил.

Никто не знал, что это был уже сложившийся зрелый мастер. Со своим неповторимым голосом. Этой бы книге появиться лет на 30 раньше. Цены бы ей не было.

И вот Ю. Б. еще молод душой. Но совсем неизвестный автор. С одной маленькой книжкой. А он уже написал своё собрание сочинений.

Не судьба

Стихи Самсонова звучат по центральному радио. Их охотно берут газеты и журналы в Москве, Ленинграде, Киеве, Хабаровске, Ашхабаде, Якутске, Свердловске.

Три крупнейших издательства страны – «Современник», «Молодая гвардия» и «Советский писатель» – принимают книги Ю. Б. к производству.

Стихи Ю. Б. неизменно вызывали восхищение у литераторов, связанных с реальной, а не придуманной жизнью. В обшем, вот-вот взойдет новое солнце русской поэзии.

Фиг два!

Издательства перешли на хозрасчет, а издание поэзии всегда было убыточным. И пролетел Ю. Б., как фанера над Парижем, выкинули его книги из планов.

И все-таки до чего упорный мужик: не запил, не бросил писать. Снова ищет поддержки. И посылает рукопись Астафьеву. Видимо, рассуждая так: Астафьев все время хвалится, что он из народа. Вот и пусть протолкнет такого же, как сам. Глядишь, в литературе он будет не один, появится у него единомышленник.

Самсонов получает ответ, Астафьев обещает помочь, вот только в Америку съездит. К сожалению, после США Астафьев закрутился: ему будто бы пообещали Нобелевскую премию, тут уж не до Самсонова...

Тем не менее, каким-то чудом Ю. Б. находит спонсора.

В 1990 г. в кооперативе «Совет да Любовь» выходит его книга «Поминальные колокола». Она вдвое больше, чем «Я в деревне живу». Менее причесана. Редактор В. Чантурия отнесся к Ю. Б. с вниманием и пониманием. А потому у стихов есть простор и звучат они сильнее. К тому же книга с любовью проиллюстрирована художниками В. Васильевым и В. Хомункиным. Вот только тираж маленький, обложка из какой-то оберточной бумаги. Надо быть истинным ценителем поэзии, чтобы в этой простовато изданной книге разглядеть гениальные стихи.

Следующая книга «Житьё-бытьё» вышла в том же издательстве в 1991 г. Редактором вновь был В. Чантурия.

Затем сотрудничество прервалось. И Самсонов так и не смог напечатать свои маленькие поэмы. А жаль: им цены нет.

Стало на сердце не сладко:
что ж, отчаливай, катись!
И решил я вдоль порядка
распоследний раз пройтись.
Вдоль деревни с петухами,

где влюбляться был горазд,
колокольцами-мехами
прозвенеть в последний раз.
У украинной избенки,
где колодец и овраг,
я своей родной сторонке
говорил навроде так:
мол, пускай судьба-зазноба
залукнет в любую даль,
но останется до гроба
о тебе моя печаль –
о покосах, о поёмах,
о густой и молодой
белой накипи черемух
над ручьёвою водой.

В «Незабудках» трагедия войны предстает своей бытовой
стороной. Деревенский дед Филипп рассказывает:

И потому, не прибавляя,
скажу тебе в двух-трех словах:
жила одна вдова такая
тут у меня почти в шабрах.
Идет навстречь – в душе светает!
Не то что просто самоцвет,
клянусь: природе выпадает
такое сделать раз в сто лет.
Не веришь мне? Найди, кто знали,
поспрашивай промеж людьми:
подростки дерево глодали
по ней – особенно ночьюми...

Невероятно, но Ю. Б. свято уверен, что поэзия существует
не для улаживания изысканных вкусов избранной публики,
а для народа.

– Завидую плотникам, печникам, конюхам, пастухам... людям простых профессий. Их и имею всегда в виду, когда пишу. Спорю, соглашаюсь, развенчиваю, люблю... Повидал их немало на своем веку, при любой свободной минуте моя радость была поотираться в столярной мастерской, на пилораме, на колхозной конюшне. Вот где кладезь многоязыкий. Они и не подозревали, что измусоленный огрызок карандаша и блокнотик всюду у меня в кармане. Заготовок напасть: страсть, не провернуть и в три жизни, – говорит поэт.

Мы должны быть благодарны Ю. Б. за то, что он вообще снизошел до того, чтобы запечатлеть в слове явленное ему откровение высших истин. Вот он записал, поглядел на то, что получилось. Увидел, что получилось не то, что он хотел, отбросил без сожаления и вновь принялся за тяжкую работу.

Даже когда рифма Ю. Б. изысканна и неожиданна, ее, как правило, не замечаешь, такова смысловая наполненность стиха.

Нет мечты копить богатство.
А – уверовать в село,
до конца в нем
жить остаться,
отказавшись от всего.

В село – всего. Смелая, редкая рифма, тем более что в народном духе (*шуму – шубу*), органично существует в стихе, а потому незаметна.

Как только Ю. Б. прорывается к глубинному постижению бытия, рифмы словно сами плывут в стихотворение: *снеговой – говей, лаптей – лютей*.

Опыт всей его жизни подтверждает простую истину: чтобы зерно проросло, дало всходы, заколосилось и в конце стало хлебом, нужна добротная основа – зерно, земля и честный самоотверженный труд.

Это честное отношение к труду крестьянскому и презре-

ние к краснобайству Ю. Б. перенес и на свою поэтическую ниву.

Жизнь – источник его вдохновения. Нужно только уметь к ней прислушиваться. И помнить, что в любой точке пространства бушуют космические вихри Вселенной, а не только в больших городах, в литературных салонах и нобелевских комитетах.

В стихе помимо мастерства, с которым этот стих создан, должно быть еще что-то – сокровенное. Назвать это можно по-разному: идея, сверхзадача. Тема. Можно придумать еще множество определений, это зависит от творческой фантазии критика.

А можно сказать об этом по-простецки, не мудрствуя лукаво, чтобы сразу стало ясно, о чем речь – душа.

Есть душа – есть и поэзия. Нет души – остается только более или менее изощренное версификаторство, техническое совершенство. От него тоже можно балдеть: в данном случае, испытывать эстетическое наслаждение. И некоторые балдеют, потому что утратили умение ощущать душу живую. Мало того: свое видение и понимание поэзии навязывают всем остальным как единственно правильное.

Нам важно, что Юрий Борисович Самсонов говорит с нами на одном, понятном только нам с вами языке, овеванном всеми ветрами нашей истории за тысячелетия бытия. Но вот ведь: он ещё и провидит нечто такое, о чем мы только смутно догадываемся, а он и сказать об этом может. И может затронуть такие струны в нашей душе, которые будут долго-долго дрожать, рождая щемящее чувство прекрасного, а ещё: что мы тоже причастны к этой неизбежно притягательной жизни.

Честный хлеб поэзии

Своими письмами Самсонов разжалобил министра культуры области Евгения Семеновича Попова, вспоминает пензенский писатель, кандидат филологических наук, бывший де-

кан филологического факультета педагогического университета Геннадий Горланов. И рукопись попала в план издательского отдела министерства.

Рецензировал стихи Г. Горланов.

Он же на пару с Виктором Агаповым и редактировал будущую книгу. Из всех присланных стихов в спешке отобрали примерно третью часть. Весь процесс издания книги «Родное» уложился месяца в два. Это надо понимать так, что автор увидел уже готовую книгу. И с некоторыми исправлениями своих редакторов не согласился.

Как бы там ни было, на сегодняшний день это самая полная книга Ю. Б. Можно сказать, его избранное.

А впереди у будущих исследователей творчества Ю. Б. большая текстологическая работа, можно сказать, раздолье: в разных сборниках стихи опубликованы в разных редакциях. А в тесной каморке лежат чемоданы неразобранных рукописей.

– Десять тыщ вариантов, и я с ними не могу справиться никак, – говорит поэт.

По определению Юрия Мамлеева, в основе русской литературы лежит «познание самой России и созерцание Ее тайны». Для Ю. Б. никакой тайны в бытии России нет. Для него все ее тайны – открытая книга. Это естественно, ибо он живет ее жизнью, не отделяя себя от бытия огромного континента по имени Россия.

Именно поэтому так естественно дыхание его стихов. И самые простые слова, поставленные в строку, исполнены глубокого смысла: в них живы родственные связи с другими словами. Отсюда и полнота бытия.

Стихи Самсонова, не побоюсь такого заявления, одна великая истина о том, что есть Россия. А потому Самсонов равноправно входит в плеяду величайших русских поэтических гениев: Пушкина, Лермонова, Некрасова, Блока, Есенина, Маяковского.

Но главное, онтологическое, я бы сказал, отличие Самсо-

нова от тьмы пишущих, для которых слово – игра, в том, что для него слово – это сама жизнь. А потому поэзия Ю. Б. естественна, как дыхание жизни, и исполнена великого смысла.

Вам кажется,
что я пою,
а я оплакал
жизнь мою...

Последний поэт века ушедшего, он пытается говорить о душе во времена, когда отдельная душа, если она не обременена миллионами зелененьких бумажек, никому не нужна:

Аль допеться до белой горячки,
то ль бесследно рассыпаться впрах...

Впрочем, для русской литературы такое не в диковину.

Поскольку язык наш, великий и могучий, сейчас основательно заражен, одно словцо «русскоязычный» чего стоит, то Ю. Б. обостренным своим восприятием приписывает ему сильное средство: возвращение к истокам.

Щедро, как из позабытого сундука, рассыпает он народные самоцветы: *жадают, в ких-то, спроть, кичня, среди бустылов, прикнокать, пропало, шемонять, хапёж, додрюпать, курмыши, дрябота, мак-каламак, склечь, перечаливая сушу, просвятя не зная, в звёнках, на дивок, шарится, дурбешный, наклонь, блиснула...*

Возможно, в отчаянной попытке Ю. Б. внести в дистиллированный язык современной поэзии струю подлинной народной речи есть резон.

Он хочет прорваться к глубинам, к истокам, к душе. Его слово – самоцветное, самобытное. Настоящее русское слово.

– Если я говорю, то говорю так, как никто не говорит, – говорит поэт.

И тут нет никакого противоречия, ибо поэт имеет в виду стихотворцев и критиков.

Вот уж не думал: стану странным –
всем ни к селу и незнаком
с любезным мне
неиностранным
кондовым
русским языком.

Природа для поэта – это часть повседневной жизни. Это не пейзаж, куда надо специально ехать из города, чтобы погрузиться в него и накопать лирический цикл.

Природа Ю. Б. похожа на своенравное существо, с которым приходится жить, спорить и зачастую бороться. Ее не надо наблюдать, поскольку в повседневных делах на это нет времени. Только в редкие минуты, когда у человека наступает вдохновение от трудов, природа может поразить своей красотой и целесообразностью. Полнотой бытия, независимого от человека.

И тогда удивление и восторг проникают прямо в душу, чтобы излиться стихами.

Другая тема – тема деревни – растворена практически во всех стихах Ю. Б. Ибо вне деревни, вне своих шаблонов поэт себя не мыслит. Деревня для Ю. Б. – средоточье бытия. И все его думы, заботы – о счастье этих людей. И опять: ему не нужно наблюдать деревенскую жизнь, ибо он сам и есть эта жизнь. Потому так обостренно он чувствует ее и так больно болеет ее болью.

Или вот закликает Ю. Б.:

Правды мне, Господи, правды –
совестью чтоб дорожить...
Рад бы те, Господи, рад бы
верой и словом
служить.

Мы знаем выражение: служить верой и правдой.

Но Ю. Б. прозревает такую глубину, от которой становится

страшно. Боюсь, чтобы добраться до смысла этого стихотворения на вербальном уровне, потребуется и Гегель с Фейербахом, и Кант с Марксом.

Да, на вербальном – тяжело, а вот на уровне чувства четверостишие постигается играючи, ибо вписано в культуру нации: не в силе бог, а в правде. Потому и поэт рад бы служить Господу, но только требует от Господа невозможного – правды. Это даже не библейская мудрость. Это – космическое озарение.

А как просто сказано.

Хотел я написать: Ю. Б. – последний поэт деревни...

И схожесть, сиречь аналогию, весьма изящную подобрал. Мол, мистическая связь протянулись от рязанского села Константиново по федеральной дороге Москва – Самара до села Махалина. Не суть важно, что Константиново от сей дороги малость в стороне, зато Махалино – точнехонько на ней.

А уж места вокруг Махалина и впрямь есенинские. И вот, мол, в Константинове родился первый поэт деревни – Сергей Есенин. Ибо первый он, как ни крути, воспел деревню советскую.

А в Махалине живет последний ее певец – Ю. Б., ибо советская деревня теперь кончилась. Да и русская деревня кончается. Ю. Б. так и сказал:

Я – патриот деревни,
которой
больше
нет!

Тем более, что Самсонов – поэт такой же былинной силы, как Есенин.

А неопубликованные вещи имеют одну странность, я бы сказал, мистическую особенность, ибо знаю по себе: под кровом ночи, когда их никто не видит, они сами собой почкуются, размножаются, расплзаются в бесчисленных вариан-

тах, улучшениях, дополнениях и замыслах, отходящих от первоначальных, словно побег. Борьба с этим нужно беспощадно: пресекать на корню. Лучше, конечно, отдавать в печать. Тогда они хиреют и новых побегов не дают.

Но печать – это для избранных.

А в сельском доме больной Поэт с истинно богатырским духом, как былинный Микула Селянинович, хранит свои сочинения, в которых заключена вся ноша земная. Да, в них, в этих сочинениях, перепечатанных сбитым шрифтом на плохой бумаге, – глубинные пласты народной культуры, а не поверхностный слой, подверженный изменчивой моде: позавчера Надсон, вчера Вертинский, сегодня Бродский.

* * *

Написал я книжку о Самсонове.

Юрий Борисович ее читал. Кое-что мы вместе исправили, уточнили. Но вот увидеть ее изданной уже не сможет. Искал я спонсоров, думал, выйдет книга, посидим мы с Юрием Борисовичем, поговорим. Вот-вот, еще немного, вот один вроде согласен, вот другой...

Только не нашлось спонсоров.

А 21 июля 2005 г. русская Поэзия понесла невосполнимую утрату: Юрий Борисович Самсонов умер.

Выпуски: подражание Гаспарову

«...ничто так не скрыто от людского глаза, как проза жизни; любой человек непрестанно стремится превратить свою жизнь в миф...» .

Милан Кундера. Мой Яначек. «Иностранная литература», 2009, № 12, стр. 163.

Выписки: подражание Гаспарову

«Рост журнальной литературы в последние несколько лет никоим образом не следует считать ...признаком упадка американского вкуса или американской словесности. Это всего лишь примета времени, знак наступления эпохи, когда краткое, сгущенное, легко усваиваемое предлагается людям взамен пространного и многословного – короче, когда им предлагается журнал взамен трактата. Нам нужна теперь скорее легкая артиллерия ума, нежели его мощные военные суда. Не возьмусь утверждать, что нынешние люди мыслят более глубоко, чем полстолетия назад, но, несомненно, в их мышлении теперь больше быстроты, больше сноровки, больше здравого смысла, больше метода и меньше уродливого разрастания. Кроме того, налицо громадное увеличение мыслительного материала; у людей теперь больше фактов, больше того, о чем нужно думать. По этой причине они склонны помещать возможно большее количество мысли в возможно меньшие пределы и распространять ее с наибольшей доступной им скоростью. Отсюда расцвет журналистики в наше время; отсюда, в особенности, расцвет журналов. Чем их больше, тем, вообще говоря, для нас лучше; однако мы требуем от них достоинств, способных сделать их заметными с самого начала, и достаточной длительности существования, чтобы мы могли дать им справедливую оценку».

Эдгар Алан По. Из «Маргиналий» (ноябрь 1844-июнь 1849). «Иностранная литература», 1999, № 3, стр. 161-162

* * *

«Писать роман – все равно что совать послания в бутылки и бросать их в морской прилив – неизвестно, где их выбросит на берег и как их поймут те, что откупорят».

Дэвид Лодж. Горькая правда. «Иностранная литература», 2009, № 7, стр. 106.

Юрий Самсонов

«Стихи, что накопил в котомке...»

Стихи,
что накопил в котомке,
я разбросал здесь на умяк:
читайте,
дальние потомки —
не обессудьте,
где не так...

Бабушка

Это было в войну, может, в 44-м,
когда жили без хлеба в селе, без огней,
а солдатские матери под обличем гордым
изводились тревогой за своих сыновей.
Малой крохой делились шабры полюбовно.
Кто там стар, кто там млад – голод всех уравнил.
И с мякины все пухли почти поголовно,
лютый холод на печку детей загонял.
И на печке меня допекали глазами,
угнездясь на кивоте, прорва пристальных рож –
злые, как на подбор, а Николка с усами
был в моем пониманьи на Адольфа похож.
Помню, как начинал я на бабушку злиться,
про себя ей кричал: «Прекрати, не моги! –
когда ночью она поднималась молиться, –
иль ума нет понять: это ж наши враги!»
А вставала она в три часа с петухами,

на божнице лампаду вздувала скорей,
била в пол головой и, моленными сыпя стихами,
называла святых именами своих сыновей.
И вот тут я впервой распушился не в меру –
начал топтать ногой, багровея – что клоп,
в угол кукиш казал, но потрясть ее веру
почему-то силенок тогда не наскреб.
Корчил бяку Христу и всей шайке презренной,
заглушая молитву, стал «Катюшу» орать...
И сказала мне бабушка: «Тьфу, оглашенный!
Ты тверди потихоньку, чтоб душой услышать!..»
Услышать? Но – кому?..

Утыкаясь в загадку,
когда не было в доме совсем никого,
я полез за кивот и нашел там тетрадку –
в ней портреты дядьев и отца моего!
Я портреты засунул назад без огласки...
Значит, все-таки эти святые не в счет?
А, скорее, вон те – кто в пилотке, кто в каске,
значит, вот кому бабка поклоны кладет...

Это было в войну, точно – в 44-м,
через год мы совсем доконали врагов,
но в мозгу моем, здорово жизнью потертом,
не угаснет такое веки веков.

Обошли мою бабушку черные вести –
повстречала она сыновей у крыльца.
И любили потом данный случай все вместе
мы и в шутку и в радость склонять без конца.
Приходил звеньевой выгонять на работу, –
я считал, что и все, его самым плохим, –
слушал сказ про меня, ржал, как мерин, до поту...
(Он в войну отсидел по оврагам глухим.)
Приходили шабренки – солдатские вдовы,

и у редкой из них не скатилась слеза...
И готов побожиться, что не так уж сурово
втихаря наблюдали за мной образа...

Береза

Я мимо них по ранней рани
Гонял мальчишкою коней.
Я их когда-то больно ранил,
Теперь они меня – больней!

С годами глубже, да не глуше
Былая боль,
Но думать рад,
Что их отходчивые души
По мне в краю родном шумят.

Не оттого ль, зажатый в лапах
Судьбы, сомнений и разлук,
Я чувствую их терпкий запах
Святой, как запах женских рук.

И все, что искренне пропето
Весной под молнии и гром,
Пронизано их ясным светом
И всепрощающим добром.

Две стаи

Собрался меня обсудить литсовет...
И я пожалел, что присутствую в зале.
Я думал: помогут, поддержат..
Ан – нет!
Меня просто-напросто уничтожали.

И я поначалу испытывал страх –
а вызвать его было в ихней системе...
И вспомнил:

вот так же скорбел в лопухах
котенок слепой, позаброшенный всеми.
И стали грачи малыша окружать:
две пары брадатых, занявших заборы,
и – тучи, готовых во всем подражать, –
из помеси новой – старейшинам своры.
Сигнал!

И споет над котенком труба –
останется пятнышко грязного теста...
Мерцали глаза, шевелились зоба,
но... что-то мешало им сдвинуться с места.
Заклацали клювы,
что сотни зубил –
над всяким поди не сведись так случится...

Тогда повезло.
Я котенка отбил!
Сумею ли сам на сей раз я отбиться?

Пришурюсь: висят на заборах грачи.
Открою...
Все – тут!
Так не ждите – не струшу!
Вы кто?
Да такие ж, как я, рифмачи...
Ах, как вам не терпится
выклевывать душу!

* * *

Тяжеленной подковой месяца
Март глядится из вешней воды.
Полегоньку в хорошее верится
Мне
При виде такой красоты.
Все, что было наносного, – тает.

Хмарь стряхаю, как плесень с куста:
Чай, заботушки с полем хватает...
А кручина-то нам
На черта?

* * *

Ералашат воробьи
На своем наречье –
Все о том,
Что до весны
Стало
Недалече.
Воробьиной тишины
Я напьюсь,
Как чаги,
Но целебней нет
Весны
С соловьем
В овраге!

* * *

Здравствуй, осень!
Тыходишь в село –
И рябины одежками хвалятся.
А труба,
Что стоит тяжело –
Вот-вот в рыхлое небо провалится.
Величаю тебя! И – зарю
Над домов двухэтажными глыбами.
Я с тобой на-один говорю,
Ветки, слушая, плещутся рыбами.
Тишинища и вне, и внутри,
Что-то сделать хорошее хочется!
Я с тобой – на-один! –

Ты пойми,
И не чувствую одиночества!

* * *

День неласковый, тревожный
С перебежками дождей.
Непривычный и безбожный
Холод студит до костей.

На сквозных опушках пусто –
Поздний гриб присел во мхи.
Над селом –
И то не густо –
Чистят горло петухи.

Ледяным бесцветным клубом
Шелестит дорожный прах.
Под большим отдельным дубом
Лазит телка вся в репьях.

Дуб, наверно, рот разинул –
Не заметил стгоряча,
Как пройдоха – ветер скинул
Шубу с грозного плеча.

Шубу скинул шалунишка –
Не нашел важнее дел...
У ограды – в-точь мальчишка –
Пальцы в рот и засвистел.

И как будто кто услышал,
Или время быть тому,
Только снег завел на крыше
Круговую кутерьму.

Остров последней души

Муругий кобель пробежал по родимой деревне,
принюхавшись истоиво к каждой корявой избе...

Пожить по-людски
чертовски хотелось, да где мне –
урчу, как кобель,
аль как мартовский ветер в трубе.

Поля засевая, ворочая тяжкие камни,
трелоя хлысты, на срубы кряжуя кряжи,
квартир не добыл ни умом, ни деньгой, ни руками.
Как данный кобель –
по чужим подворотням дрожи.

Построил хибару себе – ее отобрали,
по вдовым диванам валяжно мелькал примаком,
из сельской больницы
за водку в три шеи прогнали –
не слишком дурак, а слыву на селе дураком.

Любовью к единой страдал, почитай, всю житуху –
теперь однолюбы у нас
не в высокой чести...
– Селяне! Подайте муругому хлеба краюху!
– Муругий кобель, у самих нет кормежки... Прости!

И вслед мне сулят – что ни день,
что ни час – интересней,
и всё – за ненужные бренному миру слова –
к такому венцу подвели меня сиплые песни.
Лихих ты мне выгод,
злодейка-судьба, напасла.

Муругий кобель, посади на крестец Христа ради
всех тех, кто калымно-базарной оброс срамотой,
С кручины озлись, напади на них сбоку ай сзади,

неужто рожден точка-в-точку в меня добротой?

За икры кусни,
тормозни пусть оскалом, пусть рыком,
двуного-дурбёш-обалдуйную сыть,
не дай им всю жизнь
протолкаться толчками и рынком,
не дай хоть разок ничего им
продать иль купить!

О, горе стране,
где равны шелупень, сволочня и поэты,
барыги и гении, художники и торгаши.
Однако скулю,
а желаю ей долгия леты,
поскольку страна моя —
остров последней души.

О Русь!
Ковш сыченейшей браги налей мне!
Не надо кривляться – ты пала, наивная Русь...

Муругий кобель пробежал
по забытой деревне...

Какой там кобель!
Это я,
ш а т о л о м н ы й,
мечусь!

Впотьмах души

У меня поэзия сквозная:
через жизнь сквозил я, мир любя.
А иного и не пожелаю,
ну, по крайней мере, для себя.
Может, слово позднее согреет

все сердца, израненные в дым, –
в нем хлеба и сенокосы зреют
по просторам измладу родным.

Не хочу кичиться себялюбством,
я здоровье разбрылял, как мот,
но в краю, неизлечимо русском,
вера в правду почву обретет.

В деревнях поэты сроду были,
не сошелся клином свет на мне...
Сумерки прощанья наступили,
лишь закат краснеет в стороне.

Пусть простят, кого сумел обидеть,
пусть не злеют от моей вины –
все равно мне этого не видеть,
потому что годы сочтены.

Родина, страдальца Россия,
топяная, супесная весь!
Дай – я только вечер пересилю, –
дай взбодрюсь –
и хлынет горлом песнь.

И замечу – между прочим, краем –
тайну тайн я подсмотрел и чту:
мы впотьмах
друг дружку понимаем
много раз сильней,
чем на свету.

* * *

Но, истратив бумаги воза,
я не выпустил главную книгу.
И едва мне закроют глаза,
откровенья сплывут на разжигу.

Выписки: подражание Гаспарову

«Между тем и провинциалы, как и столичные жители, хотя не только читать, но и судить о прочитанном, хотят отличаться вкусом, блистать образованностью, удивлять своими суждениями, и они делают это, делают очень легко, без всякого опасения компрометировать свой вкус, свою разборчивость...»

Виссарион Белинский. «Ничто о ничем, или отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы». Собрание сочинений в трех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1948. Том 1. Статьи и рецензии. 1834-1841. Стр. 194

* * *

«Нет, нет, нет, никто не пишет «для себя», вы глубоко заблуждаетесь. Всё, начиная с надписи на стене «Йоська балван» и кончая «Иосифом и его братьями», родилось из неодолимого желания навязать другим свои мысли. «Для себя» мы записываем разве что адреса в записную книжку, а если хватает духу, то еще и сколько кому должны».

Вислава Шимборская. Литературная почта, или Как стать/не стать писателем. Фрагменты книги. «Иностранная литература», 2009, № 7, стр. 298.

* * *

«Начав читать книги, я увидел, что у хороших писателей всегда присутствует эффект неожиданности, повороты, которые невозможно предугадать».

Исаак Башевис Зингер. Начало. Из сборника «Любовь и изгнание». «Иностранная литература», 2005, № 10, стр.199.

Понтий Пилат

Книга разных раздумий

Переложения с античного,
статья и примечания Юрия Фадеева.

Редактор Вячеслав Постнов.

Для себя я стихи пишу нескладно,
на досуге пишу, когда тоскливо.
Или мысли пришли и просят словно,
чтобы их записал я на дощечке.
Ничего, говорю я, хуже было
и прошло навсегда, оставив память.
Напишу, что постиг я в этой жизни,
вот и легче теперь мои заботы
в каждодневном труде на благо Рима.

* * *

Мир весь объемлет безбрежное
небо над Внутренним морем.
В центре «Фортуна». На ней –
римлянин Понтий Пилат.

* * *

Мил мне букцины походной
резкий пронзительный голос.
Мил и безмолвный язык
цифр, подводящих итог.

* * *

Нам не сравниться с богами
бессмертьем, умом или силой.

Только любовью своей
можем богов превзойти.

* * *

Войско на крыльях летит,
если все воины сыты,
каждой центурии шаг
центурионы ведут.

* * *

Злобные слышу я крики —
за решенья поносят нещадно.
Знаю, что прав, потому
сплю по ночам без тревог.

* * *

Город священный нельзя
осквернять нам своими орлами.
Знай же: священны орлы,
что мы с собою несем.

* * *

Время в заботах летит,
но в памяти долго пребудет.
Если неспешно течет —
нечего вспомнить потом.

* * *

Цезарь, ты бремя двойное
отныне взвалил мне на плечи.
Хоть в Иудее служу,
Сирию вверил ты мне.
Мало коварных евреев,
вдвое парфяне коварней.

Веришь ты – справлюсь везде,
верю и я, государь.

* * *

Нужно ли делать добро,
если злобу в ответ получаешь?
Нужно, себе я твержу;
только слабей с каждым днем.

* * *

Друга приятно увидеть,
беседу с ним насладиться.
И незаметно остыл
кубок с горячим вином.

* * *

Тот, кто читает всю жизнь
одну лишь священную книгу,
много забавных идей
в жизни своей накопил.

* * *

Много богов ты имеешь,
говорит мне с упреком Каифа,
только превыше их всех
наш Вседержитель благой.
Верно, Каифа, ты мыслишь:
пусть оно так и пребудет —
бог твой царит в небесах,
мы же царим на земле.

* * *

Сила нужна против силы,
нападение которой открыто.

Силою, даже большой,
хитрости не одолеть.

* * *

Если, коварства лишенный,
задумал ты все же коварство,
в дружеском пире язык
прежде всего обуздай.

* * *

Женщины очень красивы
в селеньях твоих, Иудея.
Только змеиный клубок
лучше пригреть на груди.

* * *

Любят бессмертные боги
на смертные муки взирать:
каждая новая смерть
жизнь продлевать богам.

* * *

Боги людей избирают
для исполненья их воли.
Волю имея свою,
сам изберу я богов.

* * *

Много пророков здесь бродит,
воплями люд оглушая.
Не удивительно, что
люди лишились ума.

* * *

Слышу с утра и до ночи —
Бог, Вседержитель, Предвечный,
и возникает в груди
жажда пророка распать.

* * *

Мало философов было,
чтоб делали то, что вещают.
Вот Диогена сочтем,
больше и нет никого.

* * *

Тщетны заботы людские
пред всемогущим Аидом —
время уносит с собой
помыслы все и дела.

* * *

Время летит неустанно,
и всё, что я делал, забудут,
канет в забвенья поток
всё, что волнует сейчас.

* * *

Если он бог — и воскрес,
это совсем и не чудо:
многие боги воскресли,
так и Адонис воскрес,
ибо доступно богам,
что смертные сделать не в силах.
Если же он человек —
истинно чудо тогда.

* * *

Город и люди прекрасны,
и день мой трудами заполнен,
только в родные края
сердце летит по ночам.

* * *

Тот, кто грядущее видит,
тщетных надежд не питает,
ибо заранее он
всё, что наступит, постиг.

* * *

Цезарь, ты милость явил,
в Иудею направив префектом,
новую милость яви —
от Иудеи избавь.

* * *

Всё, что наметил, свершил,
и даже чуть больше исполнил,
вот и спокойна душа,
отдых теперь предстоит.

* * *

Пожалели меня богини Музы,
не вручили мне дар слагать созвучья,
и не стал я поэтом знаменитым.
Чтоб кормиться стилем, искусства мало:
надо всем угождать, кто ныне в силе,
ухитриться воспеть прежде многих,
а когда к ним Фортуна станет злая,
поспешить подтолкнуть усердно в спину.
Угождать не умел и не умею,
Риму верным всегда был гражданином
и пишу я, душа что пожелает.

Понтий Пилат – стихотворец

1

Есть римская поговорка: *habet sua fata libeli* – книги имеют свою судьбу. Как нельзя более верно это относится и к стихам Понтия Пилата.

Поистине судьба этой книги удивительна и неповторима. Где Рим, а где Пенза? Поэтому сначала о том, как эта книга попала ко мне.

Однажды я копал на даче в Леонидовке* ямку под яблоню. Вдруг слышу: звяк. Потом хруп. Глухо так, словно в захоронении химических снарядов.

Копая дальше, но осторожно: вдруг и правда один из тех снарядов, о которых вопит Вобликов*. Нет, не снаряд. Во всяком случае, не тот, о котором я было подумал. Скорее это оказалась капсула. Я сказал бы даже – капсула времени.

Ибо в ямке покоилось нечто вроде горшка, но с двумя ручками. Естественно, за ручки я и потянул, еще не ведая, что это древняя амфора. Но она развалилась прямо в руках: не даром я слышал зловещее – хруп: все-таки задел я своей лопатой хрупкий сосуд.

Из разбитых черепков выпал сверток. Тут руки у меня задрожали, но холстину развернул. Внутри оказался расписанный красками деревянный футляр. Круглый. В футляре...

Прямо там, в ямке под Леонидовкой, я догадался: это папирус. Хотя до того дня отродясь никаких папирусов в глаза не видел.

Руки помыл, папирус развернул. Столбцами строки примерно одинаковой длины. Тут и дураку ясно – стихи. Буквы вроде бы знакомые. Читаю: Понтий Пилат.

2

Ноги ослабли, руки трясутся. Что делать – не знаю. Пошарил по всем карманам – пятьдесят рублей одной бумажкой, еще сколько-то мелочи и обратный билет до Пензы.

Так, на полусогнутых, и побежал в магазин на станции. Хорошо – идти недалеко: напрямик через огород местного жителя. Вернулся в свою дачную хибару, пробку открыл, стопарик принял, лучком с грядки закусил. Чувствую: дрожание членов прекратилось. А вскоре и соображать начал.

Я же не бедуин из Вади Кумрана*. Покажешь папирус ученым – они тебе взамен похвальную грамоту, какой ты молодец, а сами за бугор слинянут: папирус продавать, доллары или евро бешеные делать.

После второй стопки я понял, что евро тут до фига и даже больше. Нужно только действовать с умом.

Короче, дача по боку. С тех пор там один бурьян стоит стеной. Засел за латинскую грамматику. По буковке, по буковке – благо, книга небольшая – перевел. Они хоть и римляне, а писали на латинском языке. А корни в словах, что удивительно, сплошь славянские.

Но это были еще не стихи, это был пока подстрочник.

3

Между делом размышляю: каким образом книга пятого прокуратора Палестины Понтия Пилата могла оказаться в Леонидовке? Ну, там Франция какая-нибудь, Англия. На худой конец – Индия или даже Америка. Тут никто бы и не удивился, ибо так и полагается – все чудеса за бугром.

А Леонидовка? Да с какой стати!

А сам, значит, перелагаю подстрочник в стихи.

И вот однажды забрезжила смутная догадка. Или предположение. Гипотеза, так сказать.

Не забудем, что Понтий Пилат происходил из сословия всадников. Люди это были не только служивые, но и торговые. А самый выгодный товар в то время был хлеб.

Хлеб имелся в Египте и Скифии (так римляне, вслед за Геродотом*, называли побережье Черного моря). Но торговля с Египтом давно освоена, новому человеку там делать нечего.

Случилось так, что Пилат был отправлен служить префектом в Иудею, которая, можно сказать, находится на задворках Скифии. Пилат, человек предприимчивый и решительный, мог заняться торговлей хлебом из неосвоенного края. Надо полагать, что хлеб в Скифии был дешевле, чем в Египте.

Это догадка первая. Естественно, она обоснована весьма приблизительно. Но из нее следует другая догадка: если Пилат торговал, значит, он имел корабли.

А дальше моя гипотеза крепнет, уже и гадать не надо. Так, на каждом корабле Пилата имелся капитан. Если человек стал капитаном, он по природе своей совсем не дурак.

И потому на видном месте всегда держал свиток со стихами своего хозяина.

И вот корабли плавают из Брундизия* (или Остии*) в Херсон*. Волей-неволей капитаны заимели в Херсоне обширные знакомства. А с друзьями что теперь, что в древнем Риме принято пить и разговаривать. Вот так и живут: торгуют, пьют, разговаривают.

Однажды по пьянке капитан, скажем, “Фортуны” подарил книгу Пилата своему другу. Кто он был – скиф или славянин – пусть решают ученые мужи, для моей гипотезы важно, что римлянин подарил книгу. Может такое случиться? Я говорю: обычное дело. Особенно по пьяни.

Скиф (или славянин), естественно, ничего в латинской поэзии не понимал, но обещал книгу хранить свято и передавать из рода в род.

И передавал.

Однажды князь Владимир задумал крестить Русь. Как голодные волки, накинлись приверженцы общечеловеческих ценностей на беззащитное государство. И вот, скрываясь от чужеземной нечисти, двинулись потомки того славянина вглубь страны – в дебри, в глушь. И забрели в мордовские леса.

Но и тут не нашли благодной тишины: то монголы, то татары...

В надвигающихся сумерках, расправив бороду, поплевал мужик на ладони, ухватился за лопату и драгоценную амфору с книгой Пилата в землю закопал, на дощечке написал: здесь книга Пилата.

Тут конница Батья прошла, Наручатка* прошла, Тамерлан* прошел, Вобликов прошел. От дощечки ни шиша не осталось. И память о книге была утрачена в веках.

Это, естественно, только моя гипотеза. Но только так я могу объяснить, каким образом книга Пилата попала в Леонидовку.

К слову: если аутентичность, то есть соответствие подлинному, евангелий не подвергается сомнению, то нет никаких оснований не доверять аутентичности текста Пилата.

4

Теперь о грустном.

Хотите смеяться или плачьте, можете даже поиздеваться, но оригинал исчез. То есть, нет его – в самых лучших традициях литературных памятников такого рода. Достаточно сослаться на судьбу оригиналов «Слова о полку Игореве» и «Велесовой книги»*.

Да что там наша известная разгильдяйством страна! Даже у рачительных мормонов* не осталось оригинала их священной книги. А ведь писана была не абы как, а на золотых листах.

Вот и с книгой Пилата вышла незадача.

Черепки амфоры и футляр я домой не повез – тесно же, а обещанной Горбачевым квартиры я так и не получил. К слову: и две «волги», обещанных Чубайсом*, тоже.

В общем, черепки и футляр на даче в сарае.

Тут какой-то субъект* в рассуждении чего-нибудь стащить, чтобы способствовать росту рыночной экономики, залез в мой сарай. А там одни мыши, поскольку для роста экономики последние алюминиевые ложки-вилки давно выгребли социально близкие Чубайсу и Гайдару прощельги.

От расстройства, что ничем не поживился, этот светоч рыночной экономики бессловесные черепки подавил в мелкое крошево. А футляр, естественно, – в щепки.

А с папирусом вышло еще чуднее.

Однажды засиделся я в своем кабинете – кухня называется – за полночь, уж больно складно подстрочник ложился в гекзаметры. Мнится мне – душа Пилата посетила в ту ночь пределы богоспасаемой Пензы.

Когда лег спать, папирус остался на холодильнике “Полюс”. Утром машинально выпустил из клетки попугая и ушел по делам.

Когда вернулся – попугай на кухне вздымал крылами метелицу из желтоватых клочков. С неумолимостью идиота он весь драгоценный раритет* порвал на мельчайшие, ну – на совсем мельчайшие...

А кто виноват? Я полагаю, что виноват господин Горбачев. Это из-за него мировая культура вновь понесла невосполнимую потерю.

5

Я понимаю, что скептики усомнятся не только в изложении вышеприведенных фактов, но и в том, что Понтий Пилат писал стихи. На то и скептики.

Однако нужно помнить, что каждый культурный римлянин в то время имел свою библиотеку. И прилежно украшая ее бюстами и портретами знаменитых писателей. А при случае – и собственными сочинениями.

Стихи писали все: грамматики*, почтенные консуляры*, легаты*, императоры. Вспомним, что Плиний Младший*, кроме писем, писал и стихи. Правда, до нас они не дошли.

На то, что эту книгу действительно писал Пилат, красноречиво указывает ее название – «Книга разных раздумий». Любой профессиональный писатель придумал бы что-нибудь позавлекательнее.

Однако книга названа так, как названа. В этом проглядывает человек, далекий от сочинительства, в первую очередь, озабоченный точностью, а не красотами стиля для завлечения читателей. Поэтому и книга – не озарений, не вдохновенный, а просто – разных раздумий.

Тем более, что вообще мы знаем о Пилате?

Некоторые, прочитав роман Булгакова «Мастер и Маргарита» почему-то возомнили, что им ведомо теперь всё и о Пилате, и об Иуде, и тем более о Га-Ноцри*.

К сожалению, всё, что сочинил Булгаков, идет от литературы как изящной словесности. Вот: «...в белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой...»

Пилат действительно был всадником. То есть по рождению принадлежал к сословию всадников. Но кавалеристом он не был. Я сильно сомневаюсь, чтобы он вообще умел ездить верхом. Не римское это было дело – скакать на лошади. Для этого были варвары, из которых и состояла конница, как вспомогательный род войск.

Так что всё, что достоверно известно нам о Понтии Пилате, – это: он жил. Возможно, о его предке упоминает Луцилий* во второй книге сатир, когда вспоминает знаменитых знаменосцев Понтия и Тритана.

Луцилий писал сатиры с 130 г. до н. э. до самой смерти в 102 г. до н. э. Таким образом, упомянутый Понтий мог быть дедом или даже прадедом Пилата. А возможно, это совсем другой Понтий.

Знаем, что Пилат был префектом Иудеи, что внес знамена и построил водопровод. Об этом, кроме евангелий, пишут Иосиф Флавий* и Филон Александрийский*.

Это всё, что мы знаем достоверно.

Остальное – вольный полет фантазии, в том числе и то, что пишут евангелисты о суде над Иисусом Христом.

Не случайно, когда в Кесарии откопали плиту с именем Пилата, радости была неопишная. Как же! Это, мол,

неоспоримо свидетельствует, что и остальные персонажи евангелий существовали.

Ну да: если Владимир Красное Солнышко в Киеве прожил, то и Соловей-Разбойник под окнами его детинца злодейски посвистывал. Вне всякого сомнения.

6

Теперь о том, почему нигде более в мире книги Пилата не обнаружено. А потому: нет времени в истории и места в географии, о которых бы написали столько, сколько об Иудее начала нашей эры.

Но, да простят меня люди благонамеренные, по большей части писания эти представляют из себя или расчетливые спекуляции дельцов от религии и истории, или горячечный бред нетвердых в разуме людей.

И всем им, естественно, мешала книга непосредственного участника тех событий. Посему не удивительно, что книгу Пилата с особым тщанием уничтожали многочисленные секты, из которых со временем возникла ортодоксальная* христианская церковь.

А затем за это дело с неиссякаемым рвением взялась и сама церковь, чтобы уничтожить все свидетельства, которые противоречат официальной версии.

Возникает еще один закономерный вопрос: почему Понтий Пилат не оставил своих записок в прозе?

А кто говорит, что не оставил? Может быть, и оставил. Однако если такие записки были, то, надо полагать, их постигла участь стихов.

Мы же не знаем, какими словами описывает Понтий Пилат Иисуса Христа. И описывает ли вообще. Не случайно в одном из лучших произведений на эту тему (Анатоль Франс «Пилат») на вопрос о Христе наместник Иудеи отвечает: «Не помню».

Вот и в стихах Пилата такого имени нет. Встречается, прав-

да, имя Каифы, первосвященника, который, по евангельской версии, потребовал от Пилата казни Христа. А если префект этого не сделает, пригрозил пожаловаться императору.

Безусловно, отсутствие в стихах Пилата имени Христастораживает. Но многие современные исследователи полагают, что суд синедриона*, допрос Христа Пилатом и последующая казнь в том виде, как это описывают евангелия, просто не могли происходить. Проще говоря, это литературный вымысел.

Дело в том, что Каифа не мог пригрозить Пилату. Если бы он надумал это сделать, Пилат тут же назначил бы другого первосвященника. Более сговорчивого. Это во-первых.

Во-вторых, не надо забывать, что клан высших священников Иерусалима не за страх, а за совесть поддерживал политику Рима.

Если бы Иисус представлял угрозу, священники спокойно объяснили это Пилату и, несомненно, нашли бы с ним общий язык. Без всякого драматического умывания рук.

О том, что у Пилата и Каифы сложились вполне дружеские отношения, можно понять из стихов:

Много богов ты имеешь,
говорит мне с упреком Каифа...

Они свидетельствуют о долгих разговорах, когда один доказывает преимущество единобожия, а другой – государственной мощи.

Однако несомненно, что всякие пророки и вероучители доставляли Пилату такое беспокойство, что он даже записал в досаде:

и возникает в груди
жажда пророка распять.

И, возможно, ему не раз приходилось именно так и поступать, поскольку в те времена к провокаторам относились не в пример разумнее, чем сейчас. Но тогда случай с Иисусом Хри-

стом является одним из множества ему подобных, теряя исключительность.

7

На наш, современный, взгляд, раздумья у Понтия Пилата какие-то неоправданно короткие. Слишком скупая информация не позволяет составить подробную – по дням или хотя бы по годам – хронологию правления Пилата, воссоздать обстановку тех дней. Тем не менее, они проливают новый свет на известные из евангелий события. Один такой пример мы только что разобрали подробно.

Мне кажется, что стихи Понтия Пилата свидетельствуют о драме исполненного долга.

Вот первые строки книги: «В центре «Фортуна». На ней – римлянин Понтий Пилат». А вот одно из последних стихотворений: «Новую милость яви – от Иудеи избавь».

Это опровергает распространенную версию о том, что Пилат был отстранен императором от должности и предан суду. Кстати, и сам Пилат пишет:

Все, что наметил, свершил,
и даже чуть больше исполнил,
вот и спокойна душа,
отдых теперь предстоит.

Одно из самых загадочных стихотворений в книге:

Тот, кто читает всю жизнь
одну лишь священную книгу,
много забавных идей
в жизни своей накопил.

Честно говоря, мысль Пилата здесь непонятна. Может быть, он хотел сказать, что тот, кто всю жизнь читает только одну книгу, становится фанатиком. И потому его идеи забавны. В таком случае Пилат не понимал природы фанатизма. Впрочем, и теперь, две тысячи лет спустя, никто не знает, как следует бороться с фанатизмом.

Но мы не уверены в правильном толковании данных стихов.

Одно из лучших стихотворений в книге:

Если он бог – и воскрес,
это совсем и не чудо:
многие боги воскресли,
так и Адонис воскрес,
Ибо доступно богам,
что смертные сделать не в силах.
Если же он человек,
истинно чудо тогда.

В стихах сквозит скрытая насмешка над почитателями воскресшего бога, хотя снова имя Христа не названо. Может быть, это был Митра. Мысль сама по себе изящная, но выражена, если следовать современным образцам, недостаточно ясно.

Действительно, многие боги умирают и воскресают. Кроме названного Пилатом Адониса, можно припомнить Аполлона, Озириса, того же Митру. Кстати, все они воскресали в те же сроки, что и Иисус.

Так что воскреснуть богу хотя и тяжело, но возможно. И в этом, как справедливо заметил Пилат, нет никакого чуда.

Истинным чудом Пилат полагает то, что некто, будучи обыкновенным человеком, воскрес. Но в таком случае воскресение этого человека остается частным чудом: воскрес и воскрес. И никого больше он спасти не в силах, сколько бы ему не поклонялись.

Я надеюсь, что вдумчивый читатель найдет и другие не менее любопытные намеки на подлинные обстоятельства тех лет. Ну, например:

Город священный нельзя
осквернять нам своими орлами.
Знай же: священны орлы,
что мы с собою несем.

Безусловно, стихи написаны не в те минуты, когда когорты, неся свои знаки, входили в Иерусалим. Вряд ли у Пилата в тот миг нашлось свободное время, чтобы четко и кратко выразить все, что он думал. Видимо, это было написано по прошествии некоторого времени.

Как мы знаем из распространенных версий (хотя бы у Флавия), Пилат был вынужден подчиниться требованиям первосвященников и убрать знаки из города. Но в стихах не ощущается горечи поражения. Более того, в них звучит неприкрытая гордость «Знай же: священны орлы...»

Надо полагать, Пилат каким-то образом переиграл первосвященников, хотя мы не знаем, как это произошло. Но, судя по ненависти, которая так и сочится из строчек, написанных Флавием и Филоном о Пилате – кстати, ни тот, ни другой Пилата лично не знали – первосвященники вынуждены были подчиниться префекту. Именно этим Пилат и задел самым чувствительным образом их самолюбие. А потому, не сумев одолеть его в действительности, они распустили порочащие Пилата слухи.

К слову, племянник Филона*, будучи префектом Иудеи, творил зверства не меньше, чем Пилат. Тот хотя бы провел водопровод в город, который смердел от недостатка воды.

8

В основном стихи в книге Понтия Пилата написаны гекзаметром. При этом надо помнить, что античные стихи строились на чередовании долгих и кратких слогов. По-русски воспроизвести это невозможно, поэтому обычно гекзаметр передают шестистопным ямбом (Пушкин, Лермонтов, Фет, Блок, Брюсов и другие).

В своих переложениях я следовал традиции.

Но читать гекзаметр трудно. К тому же мне представляется, что современный читатель вообще отвык от длинной строки в стихах. А потому я позволил себе разбить строку на два полу-

стишия, тем более что именно здесь стоит обязательная цезура (пауза). Как получилось, судить не мне. Однако не буду скрывать, мне самому нравится вот это:

Боги людей избирают
для исполненья их воли.
Волю имея свою,
сам избираю я богов.

Здесь, как мне кажется, мне удалось приблизиться к подлиннику и сделать так, что стихотворение можно читать с последнего слова: «Богов я избираю сам, свою имея волю. Воли их для исполненья избирают людей боги».

Нет, это стихотворение мне определенно нравится.

А стихотворение:

Сила нужна против силы,
нападенье которой открыто,
силою, даже большой,
хитрости не одолеть

явилось для меня откровением. Мысль, на первый взгляд, самоочевидная, но она высказана с таким внутренним убеждением, что именно это и делает ее открытием.

И такие стихи преобладают в книге Пилата.

Мне кажется, что я сумел все-таки передать русскими словами предельно насыщенную мысль манеру автора изъясняться. Непривычно было обходиться без обязательных в современном стихосложении сравнений. Пилат говорит кратко: «я плыву, Понтий Пилат».

В такой краткости переводчика подстерегали свои сложности, хотелось развернуть мысль автора, поиграть образами. Но чем дальше, тем больше я проникался суровым изяществом подлинника.

Кстати, два стихотворения в книге – первое и последнее – написаны не гекзаметром, а гендекасиллабами. Этим размером писали стихи самого разного содержания.

В римскую поэзию его ввел Катулл, например:

Получай же на память эту книжку,
Хороша ли, худа ль. И пусть богиня
Пережить не одно ей даст столетье.

Эти два стихотворения Понтия Пилата как бы обрамляют книгу, не без лукавства требуя у читателя снисхождения.

Я долго бился над заключительной строкой книги Пилата:

и пишу я, душа что пожелает.

Смушало обилие шипящих: пишу, душа, што, пожелает. Собственно, только союз и и местоимение я обошлись без наличия ш и ж. Причем два слова образуют совсем уж неблагозвучное сочетание: душа што...

А потом я вдруг обратил внимание, что эти ш и ж словно передает шуршание пера. Вряд ли, конечно, Пилат писал сразу на папирусе, скорее всего – на восковой дощечке (впрочем, он и сам говорит: «Или мысли пришли и просят словно, чтобы их записал я на дощечке»).

Однако позднее Ювенал* выразился не без изящества: «Глупо бумагу щадить». Так что вполне возможно, что Пилат не всегда писал на дощечке. Человек он был богатый, мог себе позволить изводить бумагу, не жалея.

Таким образом, то, что я посчитал неудачей, на самом деле оказалось внутренней сущностью стихотворения:

и пишу я, душа что пожелает.

Если ваша душа пожелает иного, стило вам в руки!

Примечания к стихам

«Для себя я стихи пишу нескладно...» – На дощечке – заметки обычно делали на дощечках, покрытых тонким слоем воска, процарапывая буквы стилем – специальной металлической или костяной палочкой, один конец которой острый, чтобы царапать, второй – плоский, чтобы заглаживать то, что не понравилось.

«Мир весь объемлет...» – Над внутренним морем – если посмотреть на карту Римской империи, то видно, что она располагалась по берегам Средиземного моря, поэтому его называли Внутренним. «Фортуна» – видимо, так назывался корабль, на котором Понтий Пилат плыл в Иудею.

«Мил мне букцины походной...» – Букцина – изогнутая труба, служащая для подачи сигналов в войске. Центурия – подразделение в легионе, сначала в ней было 100 легионариев, затем 80, командовал центурион.

«Город священный...» – Евреи почитали Иерусалим священным городом, который нельзя осквернять изображениями людей и животных. Когда Пилат внес знаки когорт с изображениями императоров, то он оскорбил евреев. Но для римской армии знаки подразделений тоже являлись священными. Таким образом, здесь столкнулись две религиозные догмы. Но дело в том, что в Иерусалиме евреи составляли меньшинство жителей, и потому статуи стояли на каждом шагу, а росписи с изображением орла украшали даже внутренние покои дворца первосвященника.

«Цезарь, ты бремя двойное...» – С 27 по 34 (?) годы в Сирии, важнейшей, наравне с Египтом, провинции не было наместника. Тиберий возложил обязанности управления Сирией на Пилата, тем более, что Кесария, столица провинции Иудеи, находилась на границе с Сирией. Парфяне – жители Парфянского царства (250 г. до н. э. – 224 г. н. э.), оно занимало территорию от Двуречья до реки Инд и было соперником Рима на востоке. Парфяне отличались коварством.

«Друга приятно увидеть...» – Кубок с горячим вином – вино не только разбавляли водой, но и подогревали.

«Много богов ты имеешь...» – Каифа – первосвященник Иерусалимского храма. Единомышленник и соратник Пилата. Как только Пилат отбыл в Рим, Каифа немедленно был отстранен от должности Вителлием.

«Мало философов было...» – Диоген – древнегре-

ческий философ-киник, проповедовал крайний аскетизм, по преданию жил в бочке (пифосе).

«Е с л и о н б о г...» – Адонис – бог умирающей и воскресающей природы у греков.

Примечания к статье

Леонидовка – станция недалеко от Пензы, где хранятся химические боеприпасы.

Вобликов – Юрий, больше известный в Пензе как человек-противогаз, эксцентричный борец с химическим вооружением в отдельно взятой Леонидовке.

Вади Кумран – глубокий овраг с пещерами в окрестностях Мертвого моря. Здесь в 1947 г. бедуины отыскали свитки священных текстов общины ессеев. Ессеи, как предполагают, были учителями Иисуса.

Геродот – древнегреческий историк, прозван «отцом истории».

Брундизий – порт в Италии. Из Рима к нему вела Аппиева дорога.

Остия – ближайший к Риму порт.

Херсон – город, к которому вышел матрос Железняк, когда шел на Одессу.

Наручатка – (Нарчатка) – легендарная царица г. Наровчат, где через 700 лет родился Куприн.

Тамерлан – (Тимур) в 1395 г. разрушил г. Мохши (он же Наручад, Нуриджат, Наручай), следовательно, войска Тамерлана проходили там, где после возникнет Леонидовка.

«Велесова книга» – книга, которой, как утверждают многие, не было, поскольку это мистификация русских националистов. Оригинал (дощечки) исчез. Предполагают, что он уничтожен в 1941 году спецслужбами СС.

Мормоны – религиозная секта в США, основанная Дж. Смитом. Ему явился человек, стоявший в воздухе, и показал место, где лежали золотые листы с древним текстом Книги Мормона. Когда Смит перевел книгу на английский, вестник явился и забрал золотые листы с собой.

Чубайс – оживший ваучер.

Субъект – в первоначальном варианте стояло «хмырь», но уж слишком это слово выбивается из ученого ряда.

Раритет – редкость.

Грамматики – ученые, сведущие в языках и литературе.

Консуляры – бывшие консулы.

Легаты – командиры легионов и чиновники.

Плиний Младший – назван так, чтобы отличить от Плиния Старшего. Известен своими письмами.

Га-Ноцри – (Иешуа Га-Ноцри из Гамалы) так в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» именуется Иисус Христос.

Луцилий – римский поэт.

Иосиф Флавий – еврейский историк.

Филон Александрийский – еврейский философ.

Ортодоксальный – правоверный, неуклонно придерживающийся определенного учения.

Синедрион – считается, что это верховный орган религиозного, светского и судебного управления евреев Иудеи до падения Иерусалима в 70 г. Судил и приговорил Иисуса Христа к смерти. Другие полагают, что синедрионов было по меньшей мере два: синедрион Иерусалима во главе с первосвященником Каифой, который выполнял роль городского управления и управления Храмом и представлял в основном саддукеев (политическая и религиозная партия богачей); и синедрион фарисеев во главе с Гамалиилом (внук Гиллеля, известного законоучителя). Именно этот синедрион занимался образованием и воспитанием детей через синагоги, а также судами на местах.

Племянник Филона – брат Филона был алабархом Александрии (откупщиком всех налогов). У него был сын Тиберий Александр, который порвал с иудаизмом, был префектом (прокуратором) Иудеи и наместником Египта. Один из героев романа Фейхтвангера «Иудейская война». Принимал участие в разрушении Храма в Иерусалиме в 70 г. н. э.

Ювенал – римский поэт-сатирик.

Мария Сакович

Стихи на показ

Я не знаю, прости, смогу ли с тобой остаться,
мне, ты помнишь, давно дважды по пятнадцать.
Мне бы с прошлым моим хоть как-нибудь расквитаться –
оказаться в тошнотно-длинном переходе между двух стан-
ций,

Где была я лучше, давнее, смешней, моложе,
где достоинствами казались даже дефекты кожи,
где была я на Роми Шнайдер чуть-чуть похожа
и на Дану Скалли немного тоже.

Я теперь совсем о себе ничего не знаю,
то не важно, не нужно, не нравится – запоминаю.
Шоколад и булочки с кремом морщусь, но уминаю
и тебя в молитве с утра по привычке упоминаю,

Но не знаю, не верю, смогу ли с тобой остаться.
Это слово похоже мучительно на «расстаться»,
а я шлёпаю мимо витрин в разношенных сланцах
и в карманах, набитых ванилью и померанцем,

трусся решкой и ребрами две монетки.
Я хотела бы быть с тобой, но пугает клетка,

Мария Сакович, 31 год, поэт и писатель. Стихи начала писать в 15 лет в период полового созревания, а на прозу пробило в 23 года во время жизни в Москве. Сегодня живет в Пензе, средства для жизни зарабатывает работой в банке и журналистикой: пишет и переводит для газеты «Улица Московская». Любимые авторы: Александр Пушкин, Марина Цветаева, Вероника Тушинова, Сергей Казнов, Сергей Сеничев. Из прозаиков: Тонино Бенаквиста, Джек Лондон, Андре Моруа, Михаил Булгаков.

это как носить по сугробам колготки в сетку –
все мы в них становимся членами сетко-секты,
и мороз не страшен, а страшно быть некрасивой.
Это слабость, и в ней заключается сила.
Только верь: о чем бы я ни попросила,
я давно тебя наперёд за отказ простила.

* * *

Я не помню, как выглядит счастье
И какой у него цвет глаз.
Снова рвусь от весны на части,
Утопаю в обрывках фраз
и в стихах, непривычно длинных,
не написанных от руки.
Каждый день ухожу с витрины,
боль стучится ко мне в виски,
наслаждается своей властью,
не давая мне умереть.
Милый мой, подари мне счастье –
я хочу на него посмотреть.

* * *

Я не ищу самца бабуина.
Не ставлю силки. Не плету паутину.
Мне скучен этот весенний гон,
И визг, и вопли, и вой, и стон.
Меня не тянет к знойному мачо,
с которым даже пройтись – удача
Для скромных тёлочек с фатальным телом,
но мне до них никакого дела.
Я не мечтаю о маленьком принце,
не близок мне и Гаврила Принцип,
даже кумир – он же Че Гевара –
мне в этой жизни не нужен даром.
Герой – он просто. Сейчас. И рядом.

Не гибок телом. Не грозен взглядом.
Но он герой, потому что выжил,
и был чем дальше, тем ближе, ближе...

* * *

О, как увлекала нас эта игра!
Сейчас, остывая на углях костра,
Мой прах не стремится мечтой полететь,
Теперь мне положено тихо истлеть.

Дрожа на ветру, превращаясь в золу,
Предвижу тебя сквозь осеннюю мглу –
Меня ты обнимешь холодным дождем,
И будем мы снова, как раньше, вдвоем.

Я – ведьма, и ты – холостяк-менестрель,
С тобой мы делили еду и постель,
Моё колдовство и твой песенный дар
Наш мир превратили в безумный пожар.

Нет, мы не скрывались, не прятали лиц,
Людей не боялись, не падали ниц,
Мы просто любили – друг друга и боль.
Толпе же претила такая любовь.

Поймали. Втащили под храмовый свод.
Я помню свой страх и молчащий народ.
Я помню, как хлынула кровь на песок,
Когда наш палач твоё сердце рассёк.

И мне стало пусто. Скорей умереть –
Молила я небо. Небесная твердь
Впервые услышала мой тихий стон,
Раздался пронзительный воющий звон,

И я, словно свечка, сгорела дотла.
Теперь я – не ведьма. Теперь я зола.
И в скользких объятьях слепого дождя
Я вновь – как всегда – обретаю тебя.

* * *

Бояться нельзя. Помни, страх отупляет.
И злиться нельзя. Злость – как мутная топь.
Надежда и вера – они окрыляют.
Их свет озарит след израненных стоп.
Нельзя опускаться, нельзя жить в сомненьях,
Ведь вера сильнее и выше любви.
Пусть это заслужит твое удивленье,
Но я попрошу тебя – только живи.
Живи через годы. Живи через силы.
Живи через страх и громады потерь.
Забудь и предай всё, что вверено было,
Но только во что-нибудь как-нибудь верь.
А если нет мочи, а есть только слёзы,
Ты их проглоти. Это слабость души.
Вдохни полной грудью сиреневый воздух
И ради надежды и веры – дыши.

* * *

В поисках смысла погрязла в мечтах и словах.
Верить не сложно. Но верится всё же с трудом.
Лебеди, кости... не спутать бы мне рукава,
в поисках рыбки не согнуть под розовым льдом.

Хочется сказки, но в сказках принцесса мертва,
принц далеко, да и конь охромел неспроста.
В поисках смысла погрязнуть в мечтах и словах
было легко, эта тема близка и проста.
Слов миллионы, а хочется – на миллион.
Чтобы, как страус, нырнуть головой в никуда,
чтоб тишина, а в ушах золотой перезвон,
чтобы внутри полный штиль, а вокруг темнота.

Миг – и натянутых нервов дрожащий бемоль
вдруг оборвётся, и кровь на горячих губах...
Ночь. Темнота. Алый парус, луна и Ассоль –
Как не свихнуться без смысла в мечтах и словах?..

* * *

Мне нравится стирать носки,
духами натирать виски,
помадой рисовать тату,
тянуть монетку, да не ту,
искать разгадку для стиха,
перемигнуться впопыхах
с любим, кто мимо проскользнёт,
чей взгляд случайно улыбнёт...

Мне нравится посуду мыть
и страшно это не любить,
грубить себе, читать тайком,
ходить по полу босиком,
твердить под нос, что жизнь игра,
сегодня лучше, чем вчера,
а завтра будет день из дней,
Светлей, богаче и модней,
вот только снова клонит в сон...

* * *

А у неё душа синичья –
ей нравится бывать в руках,
простое счастье женско-птичье –
там ей теплей, чем в облаках.
А что свобода, где свобода?
накой она бы ей нужна?
нарвёшься в небе на урода
и нахлебаешься сполна...

* * *

Идёт моё время. Ручьем по асфальту
стекает в канаву у края дороги.
Моргнуть не успела – а я уже в завтра,
Здесь новые счёты и новые сроки.
А время идёт. Убегает сквозь пальцы

Водой родниковой, студёной, как вечность.
Кому буду завтра сквозь боль улыбаться,
Себя отдавая по грамму беспечно?
А время уже не моё. Истекают
Все числа и месяцы, зимы и лета.
Наверное, с каждым такое бывает –
Под утро, когда небо ищет рассвета
И время застынет в торжественной тени,
Часы захлебнутся предчувствием звука...
Расплывчатый призрак, моё привиденье,
Ты в дверь просочишься туманом, без стука,
А время опять побежит по спирали,
Пророча беду, рассказав о спасенье,
Смогу ли услышать его я? Едва ли...
Я слишком люблю этот мир привидений...

* * *

Не рассказывай мне, как ты жил без меня,
Как надежду терял и устои менял,
Как ты строил свой замок мечты на песке
И, разрушив его, уходил налегке.

Не рассказывай мне, кто с тобой проводил
Дни и ночи и ждал, когда ты уходил,
Кто не верил и всё же стоял у окна,
И о ком ты, наверное, даже не знал.

Не рассказывай мне ничего, никогда,
Дай покой и тепло, и уверенность дай
В том, что жизнь начинается только вчера
По трезвону будильника в восемь утра,

Запах кофе разбудит тебя в новый день,
Где мы вместе, как ветер и рябь на воде,
И что больше не будет своих и чужих –
Будем мы и вся жизнь впереди на двоих.

* * *

Говорить о любви сейчас не имеет смысла.
Я запутываюсь в словах, мыслях, чувствах, числах,
я тону в себе, и во времени, и в пространстве,
всё хочу сменить в вечном поиске постоянства.
Каждый день – проверка на силу воли.
В этой пьесе мы предлагаем себя на роли
и играем то, что подсовывает нам автор:
вот сегодня ангелы, завтра мы – космонавты,
послезавтра танцуем танго на побережье,
хоть уже давно ничего нет внутри и между,
и, когда закончится кастинг, вздохнем устало.
Много было нас, а осталось – мало.

* * *

Застывший взгляд. Одинокий профиль.
Сплошные кости – почти дистрофик!
На тонких пальцах узоры света –
ключи от двери не в рай, но в лето.
Сидишь неровно, глядишь упруго.
Сестра? Невеста? Жена? Подруга?
И будет вечно твой нежный профиль
Туманом плыть над застывшим кофе...

* * *

... она может двигать
собой в полный рост...
Не двигай мир. Двигай себя.
Не лови его, за рукав теребя.
Просто шагни за грань, во тьму,
улыбнись из тьмы вдогонку ему.

Не бойся собак, они не враги.
Не бойся людей, но себя береги.
А коль сбережешь – тема ясна.
Выпьешь любовь до капли, до дна.

Не жги мосты. Дрожащей рукой
Не трогай сон, не тревожь покой,
тогда ты начнешь управлять судьбой –
Не двигай мир. Двигай собой.

* * *

Я всё жду чего-то, и никак не пойму чего.
Вспоминаю ноты и слова из пяти слогов,
почёсываю болячку – главное, не сковырнуть!
И опять полночи никак не могу уснуть.
Вроде не тоска, не грусть, а опять как-то всё не так.
Вроде и друзья вокруг, и работа всё та же – банк,
а как будто снова вместо меня не я –
кто-то левый, новый начинает мне жизнь менять.
И довериться б ей, этой дамочке без башки,
не обманет ведь, ей и мне это не с руки,
но опять не хватает рядом того, кто бы был сильней
и хотя бы вдвое, а лучше втрое её умней.
Мы бы с ней тогда снова сплывались в унисон,
и ко мне обязательно бы вернулся сон,
чувство лёгкости – выносимой – реальности бытия
и уверенности в том, что живу этой жизнью – я.

* * *

... В глазах её черти плясали,
стелился туман над рекой,
а он ворковал ей про дали
и трепетно трогал рукой
упругую мягкость предплечья
и мрамор сомкнутых колен,
он был увлечён и беспечен,
и сладостен был его плен,
его заточенье в астрале,
где тихо, тепло и светло...
... А черти своё отплясали,
и много воды утекло...

* * *

50 кило голой нежности – всё на сдачу.
Повезло тебе – я буду твоей удачей,
талисманом кому на радость, кому на горе,
так написано в гороскопе и на заборе,
это выжжено солнцем где-то на дне сетчатки,
и прорезано по ладони – светится сквозь перчатку,
это ясно и просто до ужаса, как до дрожи:
счастье выпарилось, как соль, через поры кожи,
но я всё-таки обрекаю тебя на рай:
вот ведёрко, песок, лопатка – иди, играй...

Новогоднее

В эту ночь дивным цветом распустится папоротник,
В эту ночь домовые вернутся домой...
группа «Сплин»
В эту ночь дивным цветом распустится пара книг,
И эту ночь наши души забудут покой и сон,
Покачнется невский береговой гранит
И заплачет ветер с холодом в унисон.
Пусть ни ты, ни я не оставим сейчас свой путь,
Но земля, коверкая время, закончит круг,
Мне захочется снова дыханье твое вдохнуть,
Не боясь любви, ожиданий, надежд, разлук.
В эту ночь изменится всё, даже имена,
Станем мы другими, осыпятся зеркала,
И умчится бесследно вдаль, через времена,
Год, в котором я ежедневно тебя ждала.

На День св. Валентина

О любви не надо говорить.
Надо быть всегда как можно ближе,
Или хоть не ближе – просто быть,
Пусть ты как лимон над чаем выжат.

Пусть ты зол, и груб, и утомлён,
Голова болит и ноет в зубе,
Пусть ты в лучших чувствах оскорблен,
Всё пройдёт, когда хоть кто-то любит.
Пусть мороз, и солнце, и дожди,
Гололёд и звездопад над миром,
Если любят – можно дальше жить
И не заводить себе кумиров.
О любви не надо говорить,
Все слова пусты, как голограммы.
Надо молча, просто, тихо жить
И любить – надёжно и без драмы.

Татьяна Евневич

Пензенские корни Александра Керенского

Александр Федорович Керенский – фигура в русской истории примечательная. Некоторые даже считают, что именно он своей болтовней подготовил Октябрьский переворот 1917 г.

Естественно, что биография будущего премьера и, волей-неволей, последнего правителя России, приобретает особый интерес.

И действительно, личность Александра Фёдоровича Керенского не обойдена вниманием ни российской, ни мировой историографии. Затрагивается в этих исследованиях и его происхождение. Однако создаётся впечатление, что ни один из авторов при этом не обращался к архивам, т. е. к документам, которые способны уточнить многие факты любой биографии.

Так что давайте стряхнем пыль и раскроем старинные бумаги. Но должна предупредить заранее: сенсаций не ждите.

1. Город Керенск или село Керенка?

Большинство биографов род А. Ф. Керенского ведут от Иосифа Дмитриева, назначенного в 1808 году священником в Покровскую церковь г. Керенска. Об этом говорится и в книге Владимира Федюка «Керенский», вышедшей в популярной серии ЖЗЛ в 2009 году.

По утверждению автора, там, в Керенске, у Иосифа Дмитриева родилось четверо сыновей – Дмитрий, Павел, Михаил,

Татьяна Евневич, директор ГБУ «Государственный архив Пензенской области», специализируется на вопросах краеведения первой четверти XX века.

Николай, и дочь Евпраксия. Третий сын Михаил, который родился в 1804 году, был рукоположен сначала в дьякона, а потом священника Троицкой церкви в с. Керенки Городищенского уезда той же Пензенской губернии.

Михаил, в свою очередь, был отцом трех сыновей – Григория, Александра и Федора, отца будущего премьера.

Однако данное утверждение не соответствует действительности.

В клировой ведомости Покровской церкви г. Керенска за 1809 год у священника Иосифа Дмитриева указаны дети: Капитолина, 9 лет, Петр, 6 лет, Евпраксия, 4 лет, Дмитрий, 2 лет.¹ Как видим, никакого сына Михаила, 1804 года рождения, у Иосифа Дмитриева не было. Да если бы и был сын Михаил, то писался бы он впоследствии Михаил Иосифов (или Осипов).

Другая группа авторов родословную А. Ф. Керенского начинает со священника (крайне редко его называют дьяконом) Троицкой церкви с. Керенки Городищенского уезда Пензенской губернии Михаила Иванова. Они более близки к истине. Правда, священником Михаил Иванов никогда не был.

В клировой ведомости Троицкой церкви с. Керенки Городищенского уезда за 1842 год о Михаиле Иванове имеются следующие сведения: «дьяконский сын, в семинарии не учился, 1822 года генваря 29 дня был определён Преосвященным Амвросием в с. Пестровку дьячком.... В 1830 году рукоположен...к сей церкви во диакона. Читает по нотам, поет очень порядочно, катехизис на память знает изрядно. Судим и штрафован не был».²

2. Предки

Документы государственного архива Пензенской области позволяют узнать более подробные сведения о Михаиле Иванове и его происхождении.

В клировой ведомости церкви с. Пестровки Городищен-

ского уезда, где он служил до назначения в Керенку, среди причта церкви за 1825 года значится: «Второй дьячок Михаил Иванов, 21 года, из великороссиян, онаго ж села диакона Ивана сын, определён к сей церкви во дьячка в 1822 году вместо умершего дьячка Петра Иванова; жена его Елена Михайлова, оной же округи села Шкафту священника Михайлы дочь».

Есть в этих документах и сведения о родителях Михаила Иванова: «Дьякон Иван Петров, 39 лет, из великороссиян, онаго ж села умершаго дьячка Петра сын, жена его Марфа Гаврилова, оной же округи с. Никольскаго Лапуховки умершаго диакона Гаврилы дочь».

Кроме Михаила у Ивана с Марфой были дети Захар, 18 лет, Василий, 14 лет, Стефанида, 12 лет, Ольга, 6 лет, Марья, 1 года.³

Если копнуть глубже, то в документах архива можно найти сведения и о родителях Ивана Петрова. В ревизской сказке Пензенского наместничества Городищенской округи села Пёстровки, Вырган тож, церкви Николая Чудотворца за 1795 г. записано:

«Дьячок Пётр Иванов, 31, у него жена Настасья Максимова дочь, 29 лет, у них дети рождённые после ревизии: Василий, 11 лет, Иван, 7 лет, Марья 5 лет, Акилина, 3 лет».⁴

Жена Михаила Иванова Елена Михайлова умерла в феврале 1842 году в возрасте 35 лет. Михаил Иванов остался вдовцом с семью детьми: сыновьями Григорием, Александром и Фёдором и дочерьми Евдокией, Марьей, Татьяной и Екатериной. Старшему, Григорию, было около 16 лет, младшей, Екатерине, чуть больше двух лет.

В 1861 году Михаил Иванов был уволен в заштат и до самой своей смерти жил в семье своего зятя, дьячка этой же церкви Григория Архангельского, мужа младшей дочери Екатерины.⁵

В метрической книге Троицкой церкви с. Керенки имеется запись о смерти 17 ноября 1882 года «от горячки» заштатного

дьякона Михаила Иванова. Похоронен он был в ограде приходской церкви, где прослужил почти всю жизнь.⁶

Старший сын Михаила Иванова Григорий родился около 1826 года, средний, Александр, в 1835 году

В имеющейся литературе нет единства в указании даты рождения третьего сына Михаила Иванова – Фёдора, отца А. Ф. Керенского. Авторы называют 1837, 1841 и 1842 года.

В клировой ведомости Троицкой церкви с. Керенки за 1842 год у дьякона Михаила Иванова указан сын Фёдор 4 лет.⁷ Значит, наиболее вероятный год рождения Фёдора – 1838.

И действительно, в метрической книге этой церкви за 1838 год мы находим подтверждение: «В феврале. У кого кто родился: второго числа села Керенки диакона Михаила Иванова сын Феодор».⁸

3. Как Ивановы стали Керенскими

Фамилия Керенские впервые появляется у детей Михаила Иванова, когда они начинают учёбу в духовной семинарии.

Надо заметить, что духовное сословие не было замкнутым. А среди традиций имела одна очень даже похвальная. Родители всеми силами стремились, чтобы их дети получили достойное образование. Правда, не все имели желание продолжить дело отцов и дедов. Многие, получив духовное образование, переходили на статскую службу. И порой достигали определённой известности, иногда даже общероссийского или мирового уровня.

Вот и сыновья Михаила – Григорий, Александр и Федор – свое образование продолжили в Пензенской духовной семинарии. Старший, Григорий, окончил её в 1850 году, средний, Александр, в 1856 году, и младший, Фёдор, в 1858 году.

Фёдор и Александр учились на собственные средства, Григорий содержался на «окладе хора его Преосвященства».

До эпохи Петра I духовенство, как и большая часть простых русских людей, фамилий не имело.

В марте 1852 года Пензенской духовной консисторией был получен из Синода указ «...дабы лица духовного звания... во всех подаваемых прошениях и других бумагах непременно означали свои фамилии, а одними именами и отчествами себя не именовали, причём изъяснить, что по общему порядку жёны и вдовы должны употреблять фамилии мужей своих, а дети, согласно указу Святейшего Синода 18 ноября 1846 г. сохранять фамилии своих отцов...».⁹

Хотелось бы отметить, что среди выпускников Пензенской духовной семинарии за первые сто лет встречается около десятка семинаристов, носивших фамилию Керенский. Причём далеко не все они являются родственниками.

Очевидно, духовному начальству мысль дать фамилию по месту службы родителей пришла в голову не только в отношении сыновей Михаила Иванова.

4. Свойственник Ключевского

Фёдор Керенский был самым способным из братьев. Среди семинаристов своего отделения он считался одним из лучших учеников.

Наиболее часто встречающиеся отзывы о нём наставников: «... хорошего прилежания и успехов очень хороших», «...мысли изложены связно, выражены ясно», «...очень внимателен, ... отмечен трудолюбием». Единственные неудовлетворительные отметки, встречающиеся у Фёдора, – по еврейскому языку.

Успехи Григория в семинарии были значительно скромнее. Педагоги оценивали его как «...способностей порядочных», а прилежание и успехи Александра оценивались как посредственные.

После окончания семинарии пути братьев расходятся. Александр в 1857 году выбывает в Симбирскую губернию. Григорий в 1852 году направляется дьяконом в Петропавловскую церковь г. Пензы. Фёдор же, прослужив учителем в ду-

ховных училищах Пензенской губернии, в 1865 году поступает в Казанский университет.

Поступив в Казанский университет, Фёдор не прекращает связи с Пензенским краем. Свидетельства о посещении Фёдором Керенским родных мест мы находим в письмах известного историка В. О. Ключевского, покинувшего Пензенскую духовную семинарию в 1861 году

Василий Осипович неоднократно упоминал о Ф. М. Керенском в письмах к П. П. Гвоздеву, своему однокласснику по Пензенской духовной семинарии. В письме от 15 сентября 1869 года он пишет: «В письме своём ты сообщаешь мне пречувствительное известие: это поездка Ф. М. Керенского в нашу губернию и свидание его с моей сестрой...».

Речь идёт о Елизавете Осиповне Ключевской. Связь Ключевского с сестрой Елизаветой прервалась за 2 года до этого письма. От П. П. Гвоздева он, видимо, узнаёт, что его сестра проживает в Пестровке Городищенского уезда Пензенской губернии. Далее Ключевский пишет: «Впервые узнаю, что мы с Ф. М. некоторым образом свойственники».¹⁰

Действительно, Ф. М. Керенский и В. О. Ключевский оказались родственниками: родная сестра Ключевского Елизавета вышла замуж за Ивана Васильевича Вирганского (иногда в документах имеется и другое написание фамилии – Вырганский), двоюродного брата А. Ф. Керенского.

К сожалению, в некоторых изданиях его фамилия несколько искажена, он назван Виргинским. Отцом Ивана Васильевича Вирганского был дьякон Воскресенской церкви с. Пестровки Василий Иванов, родной брат отца Фёдора – Михаила Иванова.

5. Детектив без детектива

Ничего сложного в том, что два брата имеют разные фамилии, нет, хотя сначала и похоже на детективную историю. Нужно только внимательнее прочитать документы.

Итак, в клировой ведомости за 1855 год Воскресенской церкви с. Пестровка среди заштатных числятся «диакон Иоанн Петров, вдов, 69 лет, дьяческий сын, в семинарии не обучался. 1805 года определён был к сей церкви пономарём с посвящением в стихарь. 1811 года указом Консистории перемещён к сей церкви во дьячка, 1821 г. – ...во дьякона. 1843 г. по собственному своему желанию и слабости здоровья уволен в заштатные. Живет и пропитывается у сына своего диакона Василия Вырганского...».

У дьякона Василия Ивановича Вырганского, 43 лет, среди детей указан сын «Иоанн Вырганский, обучается в Пензенском духовном училище, 12 лет».¹¹

Как видим, у детей двух родных братьев были разные фамилии – Керенские и Вырганские. Вторая фамилия, так же, как и первая, была образована от названия реки, на которой стояло село – Вырган. Да и само село в ранних документах носит название – Пестровка, Вырган тож.

Не вдаваясь в подробности образования фамилий священно- и церковнослужителей, отметим следующее. Процесс «фамильного творчества» в Пензенских учебных заведениях духовного ведомства продолжался довольно длительное время, и только в ноябре 1846 года был издан уже упоминаемый выше указ Синода, запретивший изменять фамилии семинаристов: «В некоторых семинариях существует обычай переменять воспитанникам духовных заведений фамилии их отцов... Таковой обычай, которому нигде нет примера, противен разуму постановлений о союзе семейственном, устраняет должное уважение к поколениям...». А посему предписывалось «по всему духовному Ведомству, чтобы впредь в сем ведомстве не усваивались фамилии произвольные».

6. Семейные тайны

Фёдор Михайлович Керенский женился на своей бывшей ученице, дочери подполковника А. А. Адлера Надежде. По

происхождению этот Адлер был потсдамским немцем. Надежда по отцу была потомственной дворянкой, а по матери – внучкой богатого купца, бывшего крепостного, который сумел выбиться в люди.

В 1879 году Фёдор Михайлович был назначен директором Симбирской мужской гимназии, где преподавал историю и словесность. В Симбирске в 1881 году у супругов появляется сын Александр, будущий правитель России.

В различных изданиях неоднократно поднимался вопрос о происхождении А. Ф. Керенского. Так бывший дворцовый комендант императора Николая II, генерал В. Н. Воейков, в своих воспоминаниях писал: «...Фёдор Керенский в молодости женился на особе, у которой был сын Аарон Кирбиц. Фёдор Керенский, происходивший из русской православной семьи, усыновил Аарона Кирбица, который и превратился в Александра Фёдоровича Керенского».

Эта версия не выдерживает критики. В Симбирск Керенский приехал уже женатым на Надежде Александровне и обремененным тремя дочерьми: старшей исполнилось четыре года, а младшей было всего четыре месяца. И никакого сына у них пока не наблюдается.

Бытует также мнение, что будущий глава временного правительства родился у женщины, которая в это время отбывала каторжный срок, и что эта женщина была еврейкой. Если это и так, то Александр был усыновлен в младенческом возрасте.

Британский посол в России сэръ Дж. Бьюкенен писал о том, что у Керенского была еврейская мать.

О «полуеврее» Керенском писал и английский военный аташе А. Нокс. Последних понять можно: навряд ли они были осведомлены о происхождении А. Ф. Керенского и называли его так, скорее всего, из-за его репутации борца с антисемитизмом.

Ради объективности надо заметить, что маленькая лазейка для таких слухов имеется. Все дело в содержании записи о

рождении А. Ф. Керенского в метрической книге Тихвинской церкви г. Симбирска за 1881 г.

Эта запись действительно вызывает некоторое недоумение. Александр родился 22 апреля (старого стиля), а был крещён только через полтора месяца – 6 июня.

Это, конечно, не противоречит церковным канонам, но несколько выбивается из общепринятого, особенно для людей духовного звания или образования. Как следует из метрических записей, сохранившихся в архивах, в дореволюционной России крещение обычно проходило через 1-5 дней после рождения ребёнка и включало в себя имянаречение.

* * *

Итак, из архивных документов следует, что предки А. Ф. Керенского никакого отношения к г. Керенску (сейчас Вадинску) не имеют.

Путаница, видимо, произошла от созвучия топонимов – Керенск и Керенка. Тем более что село Керенка, где родился Ф. М. Керенский, так же, как и город Керенск, своё первоначальное имя получила от речки Керенки.

Правда, речки, хоть и назывались одинаково, были разные. Одна протекает на северо-западе Пензенской области и является притоком р. Вад, другая – на северо-востоке области и является притоком р. Веж-Айвы.

А более глубокие корни последнего правителя России находятся в нынешнем г. Никольске Пензенской области, в состав которого территориально вошла бывшая Пёстровка Городищенского уезда, принадлежавшая семейству Бахметьевых-Оболенских, которые владели знаменитым Николо-Пестровским хрустальным заводом.

Примечания

1. ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 593, л. 260.
2. Там же, д. 1521, л. 152
3. ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 1073, л.л. 182-184
4. ГАПО, ф. 60, оп. 4, д. 146, л. 123 об

5. ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 2016, л. 111об.
6. ГАПО, ф. 182, оп. 1б, д. 67, л.л. 860об-861
7. ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 1521, л. 152.
8. ГАПО, ф. 182, оп. 1а, д. 122, л. 167.
9. ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 1733, л. 1-1об
10. В. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории» М., 1968, с. 142.
11. ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 1845, л. 151 об.

Выписки: подражание Гаспарову

«Итак, старайтесь умножить читателей: это первая и священнейшая ваша обязанность. Не пренебрегайте для этого никакими средствами, кроме предосудительных, наклоняйтесь до своих читателей, если они слишком малы ростом, пережевывайте им пищу, если они слишком слабы, узнайте их привычки, их слабости и, соображаясь с ними, действуйте на них.

Виссарион Белинский. «Ничто о ничем, или отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы». Собрание сочинений в трех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1948. Том 1. Статьи и рецензии. 1834-1841. Стр. 220.

* * *

«Вот, подите же, до чего у нас все делается глупо и бездарно – на редкость. И, черт знает, какая слава о нас идет, о русских. Обидно и совестно. Подумайте, – талантливый народ, богатейшая страна, а какая видимость? Видимость: наглая писарская рожа. Вместо жизни – бумаги и чернила. Вы не можете себе представить, сколько у нас изводится бумаги и чернил. Как начали отписываться при Петре Первом, так до сих пор не можем остановиться».

Алексей Толстой. Хождение по мукам. М.: Издательство «Советская Россия». 1977, стр. 60

Переписка с авторами и читателями

В период подготовки первого выпуска «Парка Белинского» к печати на имя учредителя и главного редактора Валентина Мануйлова пришли письма от потенциальных авторов и читателей. Публикуем их.

Владимир Дворянов, историк и специалист по связям с общественностью, Москва:

Идея очень интересная. Единственный момент: может быть, подумать о том, чтобы издавать этот журнал на аудиторию более широкую, чем аудитория области?

Просто реально: какого размера эта аудитория в Пензе? Не такая большая, как кажется. При этом, даже на московском рынке прессы, подобных изданий очень мало. Точнее сказать, полных аналогов по замыслу сегодня, наверное, вообще нет: все очень политизировано.

А здесь другой подход. Ну это как писать сочинение на тему: «Образ Базарова в романе Тургенева». Можно долго рассуждать о позиции автора, а можно просто процитировать слова о том, что Базаров смотрел в небо только тогда, когда ему хотелось выругаться, а в переводе с греческого «человек» как раз и будет «смотрящий в небо».

Новый журнал, если я правильно понял замысел, это как раз «перевод с греческого».

То есть у меня сомнения по поводу того, что строго «пензенская» привязка обеспечит изданию большой тираж. Но, возможно, я не совсем прав...

Впрочем, если вести речь об издании более широкого масштаба, очевидно, надо корректировать идею. «Парк Белинского» – это может быть непонятно за пределами Пензы.

Мария Сакович (Шатрова), поэт, прозаик, журналист:

Обложка понравилась. Почему-то наваяло ассоциации с моим любимым Маленьким Принцем, даже не смогу сказать, почему именно.

Тексты интересны и легки в прочтении, информация неожиданная и достойная внимания. И это здорово!

После чтения не остается ощущения потерянного времени, а это дорогого стоит в наше время, когда литература, глубокие мысли и изыскания не в чести.

Буду рада сотрудничать, если это возможно!

Олег Рубцов, владелец магазина интеллектуальной литературы:

Идея прекрасная, очень правильная и своевременная. Если такая категория к стартапам в области бумажных СМИ сейчас вообще применима. Во-первых, относительно названия. Мне положительно нравится и первая часть, и вторая, и то, как они между собой сопрягаются.

Пожелание по поводу дизайна и визуализации: ни в коем случае не использовать привычные виды парка, иначе замечательный нейминг уьет аура местечковости. Локальная привязка, вытекающая из названия, и так очевидна, не нужно ее усиливать.

Далее по тексту. Репарка Гаспарова, вынесенная в эпиграф (анализа «Бориса Годунова»), чертовски верна и содержит важный посыл. Современная критика все реже занимается интерпретацией текста, от этого умирает не только литература, но и гуманитарная мысль в принципе.

Еще, мне кажется, не хватает обоснования актуальности текста. Например, фрагменты монолога Годунова можно спроецировать на самоощущение нынешнего монарха. Точнее, кандидата в монархи.

Тут же можно пустить перекличку с забавной брошюрой Павловского «Гениальная власть». Она вышла в декабре,

Глеболегыч в ней пытается взглянуть на текущую общественно-политическую ситуацию, используя оптику Кремля, предлагая читателю отказаться от нелепого мифа о целенаправленном вредительстве со стороны власти и рассмотреть возможность чисто человеческих заблуждений.

Ну дескать, у нас есть команда, которая не менялась на протяжении 10 лет, которая в теме, которой все по плечу, которую, что важно, по-прежнему поддерживает большинство. Значит, мы работаем безошибочно, и будем продолжать гнуть свою линию. То есть попытка за чередой ошибок увидеть образ конкретного человека.

А строфу «Но знаешь сам: бессмысленная чернь...» можно привязать к фигуре Навального. Ну и вообще те или иные параллели возникают по мере прочтения рецензии.

Это я к тому, что интересен ведь не литературный текст как таковой и не политические взгляды Пушкина, а интерпретация действительности через призму художественного произведения – даже если целесообразность использования именно этой призмы неочевидна.

В публицистике это простительно, главное – провокация. В широком смысле. Спровоцировать движение мысли. Поэтому, на мой взгляд, не хватает конкретики и привязки к современным реалиям.

Для заявляемого вами формата важна не только и не столько черная магия, сколько ее разоблачение.

Выписки: подражание Гаспарову

«Как в политике, так и в литературе друзей мы приобретаем главным образом благодаря неизменности своих убеждений и предрассудков».

Джозеф Конрад. Традиционное предисловие. «Иностранная литература», 2000, № 7, стр. 188.